Дни боевые

Павел Григорьевич Кузнецов

SHOUT
SHARE
IT

- Кузнецов Павел Григорьевич

Кузнецов Павел Григорьевич
Дни боевые

Кузнецов Павел Григорьевич
Дни боевые
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

От автора: В лесах и болотах Северо-Западного фронта в первые годы Великой Отечественной войны зародилась мысль об этой книге. Боевые друзья-командиры нашей славной дивизии, под знаменами которой мы сража-лись с немецко-фашистскими захватчиками, мечтали описать фронтовую жизнь такой, как она есть, без вся-ких прикрас и скидок на нашу неопытность и промахи. ...наконец, книга написана. Насколько она удалась, судить не автору. Но пусть не упрекнут меня читатели в том, что я при изложении событий в чем-либо покривил душой. Они изложены так, как протекали на наших глазах.

С о д е р ж а н и е

От автора
Часть 1. На Северо-Западном
Дыхание фронта
В обороне
Зимнее наступление
На Ловати
У "рамушевского коридора"
Под Старой Руссой
Часть 2. На Южных фронтах
На Днепре
Под Кривым Рогом
От Ингульца до Днестра
На Днестре
За рубежом
Примечания

От автора

В лесах и болотах Северо-Западного фронта в первые годы Великой Отечественной войны зародилась мысль об этой книге. Боевые друзья-командиры нашей славной дивизии, под знаменами которой мы сражались с немецко-фашистскими захватчиками, мечтали описать фронтовую жизнь такой, как она есть, без всяких прикрас и скидок на нашу неопытность и промахи. Мы мечтали посмотреть на самих себя и на свои боевые дела со стороны, много лет спустя, в мирной обстановке, быть

может, за чашкой чая.

Мы обещали тогда друг другу претворить эту нашу обшую мечту в жизнь.

Все время я помнил об этом нашем уговоре, и все время меня не покидала мысль о книге. Много раз перелистывая фронтовые записи, просматривая страницы дорогих сердцу альбомов с фотоснимками, поглядывая на пожелтевшие от времени схемы и карты боевых действий, я вновь и вновь погружался в воспоминания о незабываемых суровых военных годах.

Но одно дело мечтать, другое - претворить мечту в жизнь. И тут - то не хватало времени, то не позволяло здоровье...

И все же, наконец, книга написана. Насколько она удалась, судить не автору. Но пусть не упрекнут меня читатели в том, что я при изложении событий в чем-либо покривил душой. Они изложены так, как протекали на наших глазах.

Приношу маю глубокую признательность старым боевым товарищам: М. Н Шарохину, В. Л, Шабанову, К. Г. Черепанову, Р. Ф. Варкалну и Г. Н. Шинкаренко, которые помогли мне восстановить в памяти отдельные этапы боевого пути и некоторые эпизоды из нашей совместной фронтовой жизни.

Часть 1.

На Северо-Западном

Дыхание фронта

Наш воинский эшелон походил к станции Бологое. Несколько часов назад станцию бомбили немецкие самолеты, и теперь над железнодорожным узлом висело облако черного дыма.

В нашем составе - управление дивизии и батальон связи. Мы едем с Дальнего Востока на фронт. Тридцать эшелонов растянулись на многие сотни километров. Голову от хвоста отделяют четверо суток езды; голова дивизии в Европе, а хвост где-то в Азии.

Наша 26-я стрелковая дивизия являлась одной из старейших в Советской Армии. Ее стрелковые полки имели, кроме нумерации, почетные наименования 87-й Карельский, 349-й Казанский, 312-й Новгородский. Артиллерийские полки носили условные номера войсковых частей и назывались но фамилиям их командиров.

В голове дивизии - Карельский полк. Его первый эшелеон отправился из Приморья, с берегов озера Ханка 1 сентября 1941 года.

Остановившись в Бологое, мы вплотную приблизились к фронту. Куда повезут нас дальше, никто не знает. К сожалению, не знаю и я, командир дивизии. Остается только ждать и строить предположения. От Бологое лучами расходятся пять путей. По

одному нз них мы приехали с востока. На Москву нас едва ли повезут, мы могли бы попасть туда из Ярославля. Остаются еше три направления: на Ленинград, на северо-запад и на запад. Многие почему-то уверены, что дивизия двинется к Ленинграду.

Целый день томимся в ожидании.

Наконец в десятом часу вечера трогаемся, и сразу все становится ясно. Нас везут на северо-запад, под Старую Руссу.

- Теперь уже недолго ждать, - расхаживая по вагону, рассуждает смуглый круглолицый майор Алешин, начальник связи дивизии, - часа через два начнем разгружаться.

- Конечно, не в Руссе: она занята противником,- говорит высокий и стройный майор Носков - начальник штаба артиллерии, задумчиво глядя в темное окно.

- Поживем - увидим, - откликается из соседнею купе полковник Иноходов - начарт нашей дивизии - и тут же запевает могучим басом:

Вот мчится тройка почтовая,

По Волге-матушке зимой...

Дородной фигуре начарта соответствует его внушительный голос, которым он гордится.

В пути Иноходов частенько будил нас своими любимыми ариями. "Ни сна, ни отдыха измученной душе", - начинал он с утра, - и вагон оживал.

Песню, начатую Иноходовым, дружно подхватывают. За этой песней, широкой, раздольной, следуют новые. Каждый поет и думает о скорой высадке и предстоящих боях. Поют и в других вагонах.

Не поет только наше купе. Вместе со мной едут комиссар дивизии полковой комиссар Василии Дмитриевич Шабанов и начальник штаба - майор Григории Иванович Секарев.

Мы озабочены, кажется, больше, чем другие.

- Где-то сейчас наши эшелоны? - говорит Секарев, глубоко вздыхая.

- Не скоро, видно, соберутся они вместе, - откликается Шабанов и, обратившись ко мне, спрашивает: - Павел Григорьевич, как считаешь, где нас высадят?

- Трудно сказать, - отвечаю я. - Одно ясно: далеко не повезут

- Скорей бы! Ждать и нагонять хуже всего. - говорит Секарев

К полуночи эшелон прибыл на станцию Валдай. Началась разгрузка.

Сеет мелкий дождик. Над землей поднимается такой густой туман, что в пяти - шести шагах ничего не видно. Гудит голосами платформа. Один из водителей пытается включить фару, чтобы хоть чуть чуть осветить то место, где нужно поставить машину.

Вспыхивает свет и сейчас же разлается ругань, слышится звон разбитого стекла. Опять наступает мрак.

- Товарищ Черепанов! Сбегайте, узнайте, в чем там дело, и приведите того, кто бьет фары, - говорю я своему адъютанту.

- Есть! - отвечает лейтенант и мгновенно исчезает в темноте.

Через несколько минут - передо мной командир роты нашего батальона связи и незнакомый лейтенант, называющий себя представителем военного коменданта станции.

- Это бы стекла бьете? - спрашиваю я у лейтенанта.

- Товарищ полковник, я вас разыскивал,-оправдывается он, - а на фару нарвался случайно... Нельзя нарушать светомаскировку.

- Зачем я вам понадобился?

- Вас ожидает полковник из штаба фронта. Он сейчас у нашего коменданта. Я провожу вас. А за фару извините.

Вместе с Шабановым и Секаревым идем к коменданту. В маленькой комнатушке, еле-еле освещенной плохонькой керосиновой лампочкой, у стола сидит человек. При нашем появлении он встает и идет нам навстречу. Здороваемся. Полковник сообщает, что решением Ставки наша дивизия передана в распоряжение командующего войсками Северо-Западного фронта и производит выгрузку на станциях Едрово и Валдай. До нас уже прибыло пять эшелонов.

Полковник советует сейчас же поехать к командующему с докладом о состоянии дивизии.

- Ехать обязательно нужно, - соглашаюсь я,- но смогу ли я ночью найти штаб?

- Трудно, но найти можно, - говорит полковник и развертывает на столе карту. - Выедете из Валдая по шоссе на Крестцы, доберетесь до первой развилки, а затем свернете вправо. Проедете вот эту лощину с мостом а затем налево на бугорке и будет командный пункт. У первых построек остановитесь и спросите, а там вас проведут. Тут километров десять, не больше. Желаю приятной встречи с командующим, - улыбается полковник. - Не робейте, он у нас хороший. Слышали о генерал-лейтенанте Курочкине?

- Да, конечно.

* * *

Ко дню прибытия на станцию Валдай первых эшелонов нашей дивизии обстановка на северо-западном направлении советско-германского фронта была следующей.

Здесь действовала вражеская группа армий "Север" под командованием фельдмаршала фон Лееба. В ее состав входили: 16-я армия генерал-полковника Буша, 18-я армия генерал-полковника фон Кюхлера и 4-я танковая группа генерал-

полковника Геппнера, всего 20 пехотных, три танковые и три моторизованные дивизии. Группу армий "Север" поддерживал 1-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Келлера.

Ценой огромных потерь немецко-фашнстским войскам удалось выйти на побережье Финского залива в районе Урицка и на южный берег Ладожского озера у Петрокрепости (Шлиссельбург) и блокировать Ленинград с суши. В то время, когда гитлеровцы рвались к Ленинграду, а навстречу им наступала финская армия, войска Северо-Западного фронта форсировали реку Ловать и нанесли из района Старой Руссы сильный контрудар по южному крылу 16-й немецкой армии. Для парирования этого контрудара фашистские командование вынуждено было перебросить подвижные войска не только группы армий "Север", но и группы армий "Центр", наступавшей на Москву. Кроме того, сюда же была перенацелена и вся авиация 1-го воздушного флота. Контрудар ослабил немецко-фашистские войска на ленинградском направлении. Ценой потери некоторого пространства к востоку от реки Ловать войска Северо-Западного фронта выиграли время, необходимое Ленинграду для организации прочной обороны.

К 20 сентября вражеское наступление на Ленинград было окончательно приостановлено. Гитлеровцы оказались скованными активной обороной советских войск. К концу сентября прекратилось наступление и финской армии на Карельском перешейке севернее Ленинграда и на реке Свирь, между Ладожским и Онежским озерами.

В ожесточенных боях на рубежах рек Ловать и Пола наши части понесли значительные потери. Сдерживая натиск немецких танков, отражая непрерывные налеты вражеской авиации, они организованно отошли на рубеж Лычково, Демянск, Осташково, где заняли оборону.

На усиление поредевших войск фронта Верховное Главнокомандование и направило нашу дивизию.

...Всю дорогу к командующему фронтом я обдумывал свой доклад ему. Беспокоило меня многое. Дивизия, обучавшаяся в Приморье, привыкла действовать на совершенно безлесных сопках. Теперь же ей предстояло сражаться на лесисто-болотистой местности. На первых порах это покажется слишком тяжело. Хотелось бы иметь немного свободного времени до вступления в бой, чтобы пообвыкнуть и осмотреться.

"Попрошу командующего, - думал я, - чтобы дивизию на недельку поставили в оборону. Мы смогли бы тогда изучить местность, противника и втянуться во фронтовую жизнь. Если же

сразу придется наступать, то на подготовку буду просить хотя бы несколько суток".

Волновался я и за необученное пополнение в пятьсот человек, влившееся в дивизию перед отъездом на фронт. Тревожило меня и то, что артполку недоставало двух гаубиц. Он сдал их для ремонта в армейские мастерские, а обратно получить не успел.

Позже, когда я ознакомился с обстановкой на фронте, мое беспокойство в отношении гаубиц показалось мне смешным.

До штаба фронта доехал без происшествий.

Дежурный провел меня к командующему войсками фронта генерал-лейтенанту Павлу Алексеевичу Курочкину. Я видел его много раз до войны, на совместных учениях, на праздничных парадах. Теперь, когда я вошел к нему и представился, мне показалось, что время не изменило его. Он был по-прежнему строен, подтянут. Поздоровавшись и пригласив присесть, генерал начал свою беседу с вопросов: "Как доехали?", "В каком состоянии дивизия?"

Коротко доложив обо всем, я вручил ему ведомость "О боевом и численном составе дивизии".

- Замечательно! С таким составом вы хорошо сможете помочь нам, сказал Курочкин, ознакомившись с ведомостью и выслушав мои краткие объяснения.

- Все это учтем,- пообещал командующий, когда я доложил ему о своих пожеланиях. - Вам действительно необходимо время, чтобы осмотреться. А часть людей мы у вас обязательно заберем, - успокоил он меня, имея в виду необученное пополнение.

- Какие еще будут указания? - спросил я.

- Вы - во фронтовом резерве, - ответил Курочкин, - продолжайте сосредоточение. Связь у нас с вами есть, и все дополнительные указания будут даны своевременно.

Прежде чем уехать из штаба фронта, я переговорил еще с членом Военного совета корпусным комиссаром В. Н. Богаткиным. Очень жалел я, что мне не удалось увидеть начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М. Ф. Ватутина: он был занят переговорами со Ставкой. Только глубокой ночью я вернулся на станцию. Там уже никого не было. Эшелон разгрузился, и люди убыли к месту расквартирования.

На большаке к югу от Валдая я догнал колонну батальона связи. Пешая группа успела проскочить вперед, а машины застряли на разбитой дороге и теперь буксовали в грязи и ползли черепашьим шагом.

Как ни старался мой водитель, обогнать автоколонну нам не удалось. Наша "эмка" так завязла, что ее еле-еле удалось вытащить.

- По такой дороге мы и к утру не доберемся, товарищ полковник, счищая с себя грязь, говорит адъютант Федя Черепанов.

- А что же делать?

- Ожидать рассвета.

- Нет! Попробуем еще. Прижмитесь ближе к грузовикам, - приказываю я водителю. - Если застрянем, то помогут соседи.

Приткнулись к хвосту автоколонны. Впереди в темноте продолжают рычать застрявшие машины, слышатся ругань и дружное "раз, два - взяли!", а мое продрогшее тело и уставший от напряжения мозг погружаются в забытье...

Издалека слышится голос:

- Вы полковника нашего не видели? Ищу, ищу и никак не найду!

Это вас разыскивают, - трогает меня за плечо адъютант.

- Меня? Кто? - бормочу я, поеживаясь от холода и пытаясь снова задремать.

- Комдив здесь, - открыв дверцу, говорит кому-то Черепанов.

"Да, это меня разыскивают", - наконец доходит до моего сознания, и дремота мигом улетучивается.

- Товарищ полковник! Вас вызывает к себе командующий войсками фронта, - подойдя к машине, докладывает офицер, оставленный Секаревым на станции Валдай для связи с прибывающими эшелонами.

- Я же только что от командующего, - говорю я ему.

- Когда вы выехали?

- Около двух.

- А мне позвонили из штаба фронта в половине четвертого и приказали разыскать вас.

Сомнений не оставалось. Значит, произошли какие-то изменения. Нало срочно возвращаться.

Минут через сорок - пятьдесят я снова у генерала Курочкнна.

- Решил подтянуть вас поближе к линии фронта, - говорит он мне, - и поэтому изменил станции выгрузки. С сегодняшнего дня все ваши эшелоны начнут подаваться на станция Дворец и Любница. Тем, кто сосредоточился в старых районах, дайте сегодня отдохнуть, а завтра к вечеру передвиньте их в новый район. Смотрите на мою карту, - подзывает он меня к себе и показывает новый район и маршруты.

Двухкилометровку местного района я видел впервые и разглядывал ее с интересом.

- А у вас своя карта есть? - вдруг спрашивает генерал.

- Пока нет.

- Тогда возьмите мою. Я поблагодарил его и взял.

- Ну вот, пока все, - говорит Курочкин. Часы показывали шесть утра. Было это 21 сентября 1941 года.

* * *

Возвратился я к себе, когда уже совсем рассвело. - Где же ты запропал? Случилось что-нибудь? - бросился ко мне комиссар. Вместе с Секаревым и Иноходовым он поджидал меня в избе у начальника штаба.

- Все в порядке! - ответил я, снимая снаряжение и присаживаясь к столу, - даже лучше, чем предполагал.

- А мы то беспокоились! Решили, если через час не подъедешь, посылать на розыски.

- Ты, Григорий Иванович, может быть, чайком напоишь с дороги?-спросил я у Секарева.

- Можно заказать...

- У нас в своей хате все подготовлено, - перебил Шабанов, - есть и чай, и завтрак. Хозяйка с самого рассвета старается. Попьем дома, а то она обидится.

- Дома так дома.

- Вы нас, товарищ полковник, не томите, расскажите, что вы узнали в штабе,-попросил Иноходов. Я сообщил все по порядку.

- Раньше чем через неделю в бои не вступим, - сказал Секарев. - Денька три будут подтягиваться наши эшелоны, а затем, при всех условиях, дня три четыре дадут на изучение обстановки и на подготовку.

- Так и полагается, - поддержал Секарева Иноходов. - По уставу на подготовку к бою отводится: комдиву - два дня, комполка - один день, комбату с комротами - один день; итого четверо суток.

- А вы не особенно-то рассчитывайте, - умеряет восторженный пыл друзей Шабанов. - На войне все бывает: думаешь одно, а получиться может другое.

- Ну, уж вы, товарищ комиссар, все берете под сомнение, - недовольно ворчит Иноходов. - Обещали же комдиву в штабе фронта!

- Нет, товарищи, обещать мне ничего не обещали, - сказал я, - там только соглашались с моими доводами.

- Это одно и то же. Если соглашались, значит, дадут, - уверенно говорит Иноходов.

- Будем надеяться.

Заглядывая несколько вперед, скажу: предположения наши не оправдались. В бой пришлось вступить при неблагоприятных условиях, без должной ориентировки и подготовки, не через неделю, а через три дня, когда большая часть дивизии находилась еще в пути. Но в то утро мы были вполне уверены, что дела наши

пойдут нормально, по уставу, и мы сможем своевременно подготовиться к боям.

В последующие ночь и день прибывшие части выдвигались в новые районы. Раскисшие полевые дороги изматывали силы.

На станции Дворец и Любница не поступило ни одного эшелона: Бологое бомбила фашистская авиация, и там образовалась пробка.

На второй день, как только наши части, прибывшие из фронтового тылового района, передвинулись в армейский район, дивизия по распоряжению начальника штаба фронта была передана в состав 11-й армии генерал-лейтенанта В. И. Морозова. Я решил в первую половину дня продолжать ознакомление с новым районом и станциями выгрузки, а к командарму с докладом о состоянии дивизии явиться во второй половине дня.

Вместе с адъютантом я выехал на станцию Любница. Это была наша конечная станция: дальше на запад все станции от Лычково до Руссы находились в руках противника,

Уже при подъезде к станции чувствовались близость фронта и напряженность недавних боев. Большинство станционных построек было разбито, железнодорожные пути исковерканы.

В полуразрушенном вокзале меня встретил незнакомый майор.

- Товарищ полковник! - обратился он ко мне.- Вы командир дальневосточной дивизии?

- Да.

- А я из оперативного отдела штаба армии. Меня направил сюда начальник штаба наблюдать за выгрузкой и сосредоточением вашей дивизии, а заодно встретить вас и передать распоряжение.

Майор вынул из своего планшета конверт и протянул его мне. "Сегодня 22.9.41 в 19.00 вам надлежит прибыть в штаб армии для доклада командующему о состоянии дивизии", - говорилось в предписании.

- Вы не знаете, смог бы командующий армией принять меня пораньше, скажем, часа в три - четыре дня? - спросил я.

- Нет. Он к двенадцати выехал в штаб фронта и едва ли скоро вернется.

- А до вашего штаба далеко?

- Километров пять, прямо по шоссе, в Семёновщине.

Майор сказал мне, что час тому назад ему удалось переговорить с комендантом станции Валдай о наших эшелонах. По мнению коменданта, раньше следующей ночи ожидать прибытия войск нельзя. Поблагодарив за сообщения, я попросил майора доложить начальнику штаба армии, что в Семеновщине

буду своевременно. Майор поехал к себе в штаб, а я продолжал рекогносцировку.

Во всем тыловом районе было единственное шоссе от станции Любница на Семеновщину, Сухую Ниву и далее на Демянск, занятый противником. Вся прилегающая к шоссе местность имела малоприезжие, раскисшие после дождя грунтовые дороги. Машина наша буксовала, застревала на каждом шагу, н нам поминутно приходилось вытаскивать ее из грязи.

- Товарищ полковник, куда же мы попали? - тревожно спрашивал меня адъютант. Здесь не только без карты, а и с картой заблудиться можно. Кругом леса, перелески да болота. Как тут воюют? Ни сопки, ни наблюдательного пункта. Ну и ну! - беспомощно разводил он руками.

* * *

Ровно в 19.00 я прибыл в штаб армии.

Командарм еще не вернулся. Принял меня начальник штаба армии генерал-майор И. Т. Шлемин. Я доложил ему о состоянии дивизии. Когда с делами было покончено, он предложил мне пообедать.

- Подзаправьтесь, отдохните и дожидайтесь, - сказал Шлемин.

Потянулись часы ожидания. Кроме меня, к командующему армией были вызваны еще два командира дивизии. Познакомились. Один из них-полковник Михаил Семенович Назаров-оказался моим однокашником по академии Фрунзе. Вспомнили про старое, наговорились и о фронтовых делах, а командарма все не было.

Приехал Морозов только во втором часу ночи,

- Простите, товарищи, - входя в избу, сказал он.- Задержал командующий войсками фронта. Да и дороги наши. Знаете, какие они! Насилу добрался, продрог. К тому же дождь.

Прибежавший из другой половины избы ординарец снял с командарма плащ и, притащив другие сапоги, предложил переобуться.

- Переобуваться не буду, приготовь мне умыться,- сказал генерал и вышел вслед за ординарцем на другую половину.

Возвратился он оттуда приглаженный н улыбающийся. Это был высокий, красивый мужчина лет сорока пяти.

- А-а, Кузнецов, с прибытием!-приветствовал он меня. - Мы с ним старые знакомые, когда-то служили вместе, - пояснил Морозов, обращаясь к командирам дивизий. - Познакомьтесь.

- Да мы уже перезнакомились, - ответил Назаров. - Времени было достаточно.

- Тогда будем пить чай и поговорим о деле. Доклада о

состоянии дивизии слушать не буду, - сказал мне Морозов, - все необходимое узнал от командующего фронтом, а о деталях потолкуем позже. Прошу к столу.

Ординарец внес хозяйский самовар и чайную посуду и все это бережно расставил на столе. Самовар по-семейному шумел, и в избе сразу сделалось уютнее.

Пришел начальник штаба, и все мы уселись за стол.

- Несколько часов назад, - начал командарм, - командующий фронтом утвердил наши соображения и поставил армии боевую задачу. События на других фронтах не позволяют нам сидеть и выжидать. На московском и ленинградском направлениях продвижение гитлеровцев хотя и приостановлено, но они готовятся там к новому наступлению. Нашей армии приказано нанести противнику удар, прорвать на узком фронте его оборону и, развив успех, овладеть Демянском. В операции примут участие ваши три дивизии, - обвел нас Морозов взглядом, - и танковая бригада. Все подробности и взаимодействие, сказал он в заключение, - мы разберем завтра, вернее, уже сегодня, 23 сентября в 16.00 на рекогносцировке. Сбор на безымянной высоте южнее Сосницы.

- Когда же начало наступления? - спросил я.

- Готовность в 10.00 24 сентября, - ответил Морозов.

Я доложил генералу, что к указанному времени моя дивизия не будет готова. До начала наступления оставалось 32 часа, а из тридцати эшелонов прибыло всего восемь. В их числе - один стрелковый и один артиллерийский полки, да и те не в полном составе. Все же остальные части находятся в пути и ранее чем через двое - трое суток сосредоточиться не смогут. Дивизии нужно не менее трех суток на сосредоточение и на подход к переднему краю и еще хотя бы двое суток на смену соседних частей и подготовку к наступлению,

- Товарищ командующий, прошу учесть мои соображения, - сказал я.

- Напрасно волнуетесь, - успокоил Морозов. - Вам в новинку фронтовая обстановка. А мы здесь пережили многое, были моменты куда сложнее, чем теперь, и то находили выход. А у вас ничего сложного нет. Наступать будете тремя эшелонами, полк за полком. Ваш первый эшелон прибыл, с утра он может приступить к подготовке, а остальные подойдут.

- Товарищ командующий! Карельскому полку предстоит еще проделать тридцатикилометровый марш. Когда же он будет сменять соседей и готовиться к наступлению? - снова пытался возразить я.

- Все будет хорошо, - сказал генерал. - Главное - не

волнуйтесь и приступайте к подготовке. На рекогносцировке задачу уточним, а время изменить я не могу: это приказ комфронта.

У других комдивов вопросов к командующему не оказалось, для них все было ясно. К наступлению они, видимо, готовились заранее. Все ждали только прибытия новой, свежей дивизии, на которую возлагались большие надежды. Это я понял по общему тону нашего совещания.

Разошлись мы около трех часов ночи. Известие о предстоящем наступлении ошеломило меня. Но приказ оставался приказом, и теперь нужно было принять все меры к тому, чтобы выполнить его.

Только с рассветом окружным путем через Любницу добрался я до своего штаба. Все мои ближайшие помощники были уже на ногах.

- Поздравляю вас с боевой задачей, - приветствовал я их. - Будем наступать.

- Когда?

- Завтра утром.

- Как же так? У нас и наступать-то пока некому. Вы шутите, товарищ комдив?

- Нет, товарищи, мне совсем не до шуток. Давайте лучше обсудим, как нам расставить силы и подготовить людей к выполнению боевой задачи.

Тут же был составлен план мероприятий штаба и политотдела по обеспечению первого боя. В Карельский и легкоартиллерийский полки были посланы распоряжения о готовности к маршу.

Мы наметили районы и порядок выдвижения к линии фронта вновь прибывающих подразделении и частей, определили места тыловых учреждений. На станции выгрузки направили командиров штаба. Послали в штаб армии за топографическими картами.

Комиссар дивизии с работниками политотдела направился в части готовить их к предстоящему бою, а я, немного отдохнув, выехал на рекогносцировку.

Рекогносцировка началась, как и было назначено, в 16.00.

Безымянная высотка на лесной полянке южнее Сосницы, где собрались командиры дивизий, мало чем выделялась среди окружающей местности и не давала желаемого обзора. В сторону переднего края, удаленного от нас до шести километров, тянулась полоса сплошного мелколесья. Она закрывала не только речку Лужонку, отделявшую наши войска от противника, но и населенные пункты Лужно и Каменную Гору, находившиеся на

переднем крае вражеской обороны. Площадь мелколесного массива достигала 25 квадратных километров.

Изредка вдалеке, где-то на переднем крае, рвались мины. Па горизонте появилось звено наших "илов". Сбросив бомбы и развернувшись, самолеты улетели обратно. Генерал Морозов, показывая рукой в сторону противника, пытался ориентировать нас.

- Прямо перед нами - Лужно, правее - Ильина Нива, левее - Каменная Гора.

Но нам, кроме сплошного леса, подернутого вдали легкой дымкой, ничего не было видно.

- Гитлеровцы подготовили к обороне Лужно и Каменную Гору, а между ними возвели полевые укрепления.- продолжал Морозов.

Таким же образом "уточнилась на местности" и задача дивизии.

Исходное положение дивизии - опушка леса на северном берегу Лужонки. Дивизия должна была прорвать подготовленную противником оборону и, углубившись на четыре километра, овладеть населенным пунктом Красея. В последующем ей предстояло пропустить на рубеже Красеи через свои боевые порядки танковую бригаду и, устремившись вслед за ней, развивать успех на юг в направлении Демянска, удаленного от Лужно на 22 километра.

Дивизию поддерживали два дивизиона армейской артиллерии. Соседи содействовали нашему наступлению своими смежными флангами. Атаке предшествовал десятиминутный артиллерийский налет по переднему краю.

Приказ командующего, как и вчера, никаких существенных вопросов у соседей не вызвал. Их части длительное время находились в соприкосновении с противником, хорошо изучили его и к наступлению были подготовлены,

В сложных условиях оказалась наша дивизия. Частям предстоял ночной марш. Ночью им надо было занять исходное положение на совершенно незнакомой местности, без рекогносцировки и даже без карт. Не изучив противника, не зная ни его расположения, ни его оборонительной системы. Карельский полк должен был утром атаковать, причем без предварительной артподготовки. Десятиминутный артналет не по целям, а по площади не мог дать нужного результата.

Учитывая все это, я еще раз попытался убедить командарма оттянуть время начала наступления на одни сутки, но он опять отказал мне.

- Время определено командующим фронтом, и нарушать

сроки я не имею права, - ответил Морозов. - Положение у вас не такое уж плохое. Первый полк налицо, атаковать есть кому, а другие подтянутся. Артиллерии - три дивизиона да я еще добавил два. Этого вполне достаточно.

На этом и закончилась наша рекогносцировка. Не удалось увидеть ни противника, ни местности, на которой предстояло действовать.

Через некоторое время ко мне прибыли командиры полков. Но я уже не мог их задерживать. Наскоро поставил задачу, и они выехали навстречу своим частям. Вместе с ними уехал и начарт с начальником оперативного отдела, чтобы переместить наш штаб в Сосницы.

До темноты оставалось полтора часа.

* * *

Первым вступал в бой Карельский полк, считавшийся в дивизии лучшим. Командовал им опытный командир подполковник Сергей Иванович Михеев.

Михеев принадлежал к поколению командиров, прошедших сквозь огонь первой мировой и гражданской войн. Ему за сорок пять. По возрасту он старше всех в дивизии, по не по годам подвижен, с утра до ночи на ногах. Его высокую, сухощавую фигуру за день можно было увидеть всюду: и в штабе, и на занятиях в поле, и на окопных работах. Он как-то сразу вошел в жизнь полка, сдружился с соседями, и вскоре командиры других частей и старшие командиры нашего штаба называли его запросто -Михеичем. Полюбили его и в полку: по натуре он добр, справедлив, отзывчив.

За время долгой дороги Михеич осунулся, постарел и выглядел неважно.

- Вы не больны? - спросил я у него.

- Вполне здоров.

- Почему же так осунулись?

- Пустяки, старая история. Все лето сидел на диете, чувствовал себя прекрасно, а в дороге чего-то перехватил. Пошаливает язва. Приходится от всего воздерживаться. Да вы не беспокойтесь -старые солдаты не подведут, заверил он меня.

В полку понимали сложность и ответственность предстоящей боовой задачи. Несколько свободных часов между двумя маршами были использованы с большой загрузкой. Прежде всего подготовили к бою оружие, боеприпасы. Люди привели себя в порядок. Утром в полк прибыли комиссар дивизии и несколько работников политотдела. Разбившись по батальонам и ротам, политработники в беседах и на собраниях напомнили бойцам о грозной опасности, нависшей над Родиной, разъяснили задачу

полка и призвали выполнить ее с честью. В подразделениях состоялись партийные собрания.

В 15.00 23 сентября полк выступил из района сосредоточения, с тем чтобы к 24.00 занять исходное положение для наступления,

В семь утра 24 сентября из полка поступило донесение. Михеев сообщал, что ночью сбился с направления, вышел на участок правого соседа, а на рассвете, обнаружив свою ошибку, начал передвигать боевой порядок полка влево. Передвижку предполагал закончить к девяти часам и после этого приступить к рекогносцировке. Сменять ему некого, соседи освободили участок. не ожидая смены. Михеев просил выслать к нему для участия в рекогносцировке поддерживающих артиллерийских начальников.

Вскоре вернулся из полка комиссар дивизии.

- Ну и ночка была! - сказал Шабанов. - Едва продрались сквозь густой кустарник.

Вдоль левой щеки у него тянулась глубокая ссадина, ладонь правой руки была перевязана, на штанине зияла дыра.

- Хорош, ничего не скажешь! А как чувствует себя Михеич?

- Прекрасный командир! Где появится - люди сразу оживают. Только утром расстроился - не туда вышел. Эх, говорит, старый разведчик, подкачал. Шабанов рассмеялся. - В полку настроение бодрое, можно положиться - не подведут. А соседи подвели. Искали, искали - нет никого. Самим во всем разбираться пришлось.

В десять утра я доложил генералу Морозову о неготовности дивизии. Да он это и сам видел. На его глазах артиллерия занимала огневые позиции, никакой связи между нею и пехотой установлено еще не было, и сама пехота тоже не подготовилась. Начало наступления было отодвинуто на два часа.

- Имейте в виду, - сказал Морозов, - больше оттяжек не будет. Принимайте энергичные меры!

И я стал принимать их.

В половине одиннадцатого был уже у Михеева. Застал его на опушке леса севернее реки Лужонки. Он уточнял задачу командиру второго батальона капитану Каширскому, который прорывал оборону между опорными пунктами Лужно и Каменной Горой. Правее, на Лужно, наступал первый батальон а третий располагался во втором эшелоне.

Капитан Каширский стоял с тетрадкой в руках рядом с командиром полка и докладывал ему. Полукругом, чуть поодаль располагались старший адъютант батальона и пять командиров рот.

Батальон Каширского мне всегда нравился. Это был лучший батальон полка. Выделялся он своей слаженностью, дисциплиной, строевой подтянутостью и физической выносливостью.

Из доклада Каширского выяснилось, что до Лужонки ему с командирами рот пробраться не удалось. Выходы с опушки леса и поляна между опушкой и берегом находились под сильным обстрелом. Река Лужонка не просматривалась. Каширский не узнал, проходима ли она для танков и где удобнее всего переправлять пехоту и орудия.

- Уж очень мало времени дали, - с сожалением заключил он, - не успели как следует осмотреться. К тому же и карт нет.

В ста метрах от командирской группы, на выступе леса минометная рота батальона оборудовала огневую позицию. Минометчики отрывали площадки и ровики, устанавливали материальную часть. Командир минометной роты то и дело посматривал в их сторону, беспокоясь, все ли они делают так, как нужно.

Неожиданно над нашими головами прошуршали мины. Две из них угодили в центр расположения роты. Послышались крики и стоны раненых.

Никто из командиров не выдал своего волнения, резко вздрогнул только комбат. Лицо его на мгновение побледнело, и в полусогнутых руках, державших тетрадку, появилась еле заметная дрожь.

- Поздравляю, товарищи, с началом боевого крещения,-сказал я командирам.-Привыкайте!

- Чего - чего, а этого теперь хватит, - взглянув на меня, ответил Михеев. - Ничего, привыкнем! - весело кивнул он головой.

Поглядывая то на меня, то на командира полка, заулыбались и остальные командиры, лишь Каширский еще несколько секунд никак не мог справиться с собой - руки его продолжали нервно вздрагивать.

В полку я пробыл до одиннадцати, а затем выехал к себе на НП. Па прощанье пожелал комбату и его командирам не уронить чести Карельского полка.

- Постараемся, товарищ полковник, сделаем все, что в наших силах, заверили они меня.

Отозвав в сторону Михеева, я сообщил ему время начала атаки и приказал поторопиться, а он попросил меня ускорить прибытие поддерживающих артиллеристов.

Прощаясь, я крепко пожал руку Михееву и пожелал боевого успеха. Это была последняя моя встреча и с ним и с командирами второго батальона. Больше уж никого из них увидеть мне не

пришлось.

За десять минут до атаки открыла огонь артиллерия. Не имея наблюдения и не выявив целей, она била по площадям: армейские дивизионы - по Лужно, легкий артполк-по бугру за Лужонкой. Вряд ли такая артподготовка могла дать серьезный результат. В 12.00 Карельский полк перешел в атаку. Прорыв вражеской обороны развивался медленно и с большими для нас потерями. Ожившая огневая система противника приковала наши подразделения к земле Пехота вынуждена была окопаться и вступить в огневой бой.

Прежде чем форсировать речку и добраться до переднего края, требовалось подавить вражеский огонь. На это ушло целых два часа, и они дорого обошлись Карельскому полку.

Подполковник Михеев был убит миной на своем НП, на опушке леса севернее Лужонки. Выбыли из строя и многие другие командиры его полка.

До самых сумерек длилось прогрызание переднего края на южном берегу Лужонки. Проникновению вглубь мешал фланговый огонь из сильных опорных пунктов Лужно и Каменной Горы. Гитлеровцы поливали огнем из подвалов, окон, с чердаков. Только вечером, когда ухудшилась видимость и нарушился прицельный огонь, пехота прорвала псредний край и начала продвигаться на Красею.

Теперь надо было развивать прорыв последующими эшелонами. Это я понял, побывав на Лужонке и увидев, как наша пехота, карабкаясь на бугор, устремлялась в глубь обороны.

Не приостанавливая наступления на Красею, следовало бы часть своих сил развернуть в стороны флангов и, нанеся удары в тыл Лужно и Каменной Горе, овладеть этими опорными пунктами. Но где взять для этого силы? Второй эшелон Карельского полка был уже введен в бой, а второй эшелон дивизии находился еще где-то далеко на железной дороге. Расчеты командующего армией на наступление дивизии тремя эшелонами не оправдались.

Поздно вечером, в темноте, подразделения Карельского полка достигли Красеи и с ходу овладели ею. Эту радостную весть принес мне и Шабанову комиссар полка Дутченко.

- Какие подразделения занимают Красею? Кто возглавляет их? Где начальник штаба майор Герусов? Взято ли Лужно?- забросали мы Дутченко вопросами.

Оказалось, что вечером в Красею одновременно ворвались подразделения второго и третьего батальонов. Общее командование ими принял на себя капитан Каширский. Выбив гитлеровцев, подразделения организовали оборону. Каширский

просил усилить его артиллерией и пополнть боеприпасами. Первый батальон про-должал драться за Лужно, захватив с десяток домов на восточной окраине. Майор Герусов находился под Лужно вместе с первым батальоном.

Я тут же приказал начарту немедленно выдвинугь в Красею один артиллерийский дивизион. Кроме того я предполагал направить туда один из батальонов Новгородского полка, если он подойдет к нам этой ночью.

Но, к сожалению, намеченные мероприятия осуществить не удалось. Подтянув резервы, гитлеровцы перешли в контратаку, восстановили положение и изолировали в Красее наши подразделения. Артдивизион выдвинуться на помощь Каширскому не смог. Передний край теперь надо было прорывать вновь.

Пехоты для этого прорыва мы не имели. Ни один батальон Новгородского полка не прибыл. Я располагал только комендантским взводом.

Наши потери продолжали возрастать. Обстановка для Карельского полка осложнилась. Были ранены и эвакуированы в тыл комиссар Дутченко и комбат Каширский. От всего штаба полка остались только майор Герусов, начальник связи и начальник химической службы. Окончательно нарушилась связь и с подразделениями в Красее. Оттуда доносились звуки боя, но мы не могли оказать своим товарищам никакой помощи, так как не имели ни сил, ни средств.

На другой день стал прибывать на станции Дворец и Любница Новгородский полк. По своей подготовке и организованности полк занимал в дивизии третье место. Скатился он на это место незадолго до отправки на фронт, после того как его штатный командир подполковник Пономарев отбыл на длительное лечение.

Вступивший в командование полком заместитель командира майор Г. В. Фирсов не справлялся со своими обязанностями. Заменить его перед отъездом на фронт нам не удалось. Нерасторопен был и начальник штаба майор Н. П. Свистельников.

Гордостью полка являлся батальон капитана Чуприна, считавшийся одним из лучших в дивизии. Он соревновался с батальоном Каширского за первое место.

Новгородский полк, которого мы ожидали с таким нетерпением, существенных изменений в обстановку не внес. Прибыл он слишком поздно, да и боевые действия его развернулись совсем не так, как мы предполагали и планировали.

Из района сосредоточения Новгородский полк сразу же ночью был выдвинут на исходный рубеж. На него возлагалась задача, не

решенная до этого Карельским полком. Он должен был снова прорывать оборону на том же участке, где прорывал ее Карельский полк, выдвинуться на рубеж Красеи и высвободить блокированные там паши подразделения.

Задачу полк получил перед рассветом, а утром после непродолжительной рекогносцировки атаковал.

Вскоре после начала атаки к нам на КП прибыли на двух легковых машинах командующий войсками фронта и командарм.

Встретив комфронта, я коротко доложил ему обстановку.

- Ну что? Растерялись, наверное, попав сразу в такой переплет? выслушав мой рапорт, спокойно спросил Курочкин.

- Трудновато приходится, товарищ командующий, - откровенно признался я. - Оказались неподготовленными к первому бою. Все свалилось как-то срзу.

- Привыкайте, привыкайте! - сказал Курочкин. - А теперь доложите подробнее.

Развернув рабочую карту, я сообщил обо всем, что произошло у нас за двое суток, и показал положение своих частей и их задачи. Склонившись над картой, генералы внимательно слушали.

- Рановато вы использовали Кузнецова, - обратился к командарму комфронта. - Мы обещали дать дивизии осмотреться, а вы ее с ходу бросили в бой.

- Кроме Кузнецова, у меня и наступать-то некому, - пожав плечами, ответил командарм.

- Я вас не торопил, готовность вы сами определили.

- Кто знал? Подвело Бологое. Никак не думал, что произойдет такая задержка. - Морозов тяжело вздохнул и просительно посмотрел на Курочкина, как бы предлагая прекратить неприятный для него разговор в присутствии подчиненного.

Комфронта, видимо, понял его.

- Ладно! Разберёмся, - ответил он командарму и обратился ко мне: Дела у вас, полковник, сложные, но боевую задачу, тем не менее, выполнить надо. Вчера я наблюдал на станции Любница за разгрузкой одного из ваших эшелонов. Люди-то молодец к молодцу, а вот воевать пока не умеют. Боевую задачу надо выполнить! - повторил он. - Чем вам помочь?

- Прошу назначить мне нового начальника штаба. Майор Секарев в первый день боя направился в Карельский полк, чтобы наладить там управление, и до сих пор не вернулся. Все наши попытки разыскать его оказались безрезультатными.

- Постараемся помочь, но вы особенно ни на кого не надейтесь, у вас и своих сил вполне достаточно, их надо только правильно использовать, ответил мне командующий фронтом.

Пожелав дивизии успеха, оба командующих уехали.

* * *

А Новгородский полк продолжал вести безуспешный бой, и никто на командном пункте - ни я, ни командиры штаба - не подозревал, что выполняет он не свою, а чужую задачу. Разобрался я в этом позднее.

Судя по докладам майора Фирсова, все шло как будто бы правильно. Преодолев Лужонку, полк наступал на Красею. Правда, ему до сих нор не удалось прорвать переднего края. Фирсов объяснял это тем, что слишком силен был неподавленный огонь противника и что поддерживающая артиллерия ему плохо помогала.

Я поругивал своих артиллеристов за плохое обеспечение наступления, а они оправдывались, ссылаясь на самого командира полка.

Я решил разобраться во всем на месте и поехал к Фирсову. К своему удивлению, ни Фирсова, ни его полка в положенном пункте не обнаружил. Полк оказался не левее Лужно, а правее - в полосе наступления дивизии полковника Назарова. Как могло произойти такое недоразумение? Ведь ночью полк правильно занял свое положение.

На командном пункте ни командира, ни комиссара, ни начальника штаба полка я не застал. Они находились в подразделениях. Удалось переговорить по телефону с двумя комбатами. Оба они были уверены, что наступают на Красею. Так ориентировал их утром на рекогносцировке командир полка.

Приказав начальнику связи разыскать командование полка и донести мне о положении, я тут же выехал к своему правому соседу полковнику Назарову.

- А, здравствуй, здравствуй, очень рад, что приехал, - широко улыбаясь, встретил меня Назаров на своем командном пункте.

Назаров был бодр, оживлен, чисто выбрит. Вместо каски на голове у него красовалась новенькая фуражка. Да и люди, окружавшие его, выглядели бодрее и чище, чем у меня. Я даже позавидовал Назарову.

У меня люди только - только еще обстреливались, многое для них было необычным, а здесь во всем чувствовалось спокойствие и уверенность. Бойцы Назарова уже имели суровую боевую закалку. Командиры штаба и средства управления размещались в просторных легких блиндажах. Увидев блиндажи, я опять сравнил их с нашими узкими и неудобными щелями.

- Может, не завтракал, закусишь чего-нибудь? - любезно предложил мне Назаров. - Интересуешься размещением? Я покажу.

- Нет, нет! Спасибо, уже завтракал, да у меня и времени нет. Вот приехал разобраться в обстановке и, наверное, поругаться на первый раз. Ознакомь, пожалуйста, со своим расположением да заодно расскажи, как дерется тут у тебя мой полк.

- Знаешь, здесь какое-то недоразумение!-развел руками Назаров. - Твой полк спутал все карты. Залез в мою полосу, наступает на Иловку, почти вдоль фронта. Мне надо наступать на Лужно, а впереди твой полк. Я и наступать не могу, и огня не могу вести. Сейчас покажу на местности. Пойдем на НП.

Мы вышли на опушку леса и спустились в окопы наблюдательного пункта, вырытые в обрывистом бугре. И опять я позавидовал Назарову. В нашей полосе, покрытой сплошным кустарником, нельзя было выбрать хорошего НП, а в его расположении с высокого берега открывался чудесный обзор.

Местность перед фронтом в полосе наступления дивизии Назарова очень напоминала нашу полосу. Так же, как и у нас, впереди - Лужонка, за ней шоссе, на флангах - по населенному пункту, а на дальнем плане. в глубине обороны,- еще один населенный пункт. Это обманчивое сходство, очевидно, и ввело в заблуждение Фирсова. Потеряв ориентировку, он уклонился вправо, вывел подразделения на чужой участок и развернулся не там, где надо.

- Видишь окопы по ту сторону шоссе? Это и есть передний край обороны, - объяснял мне Назаров. - А вон прямо, перед шоссе, мелкие разбросанные окопчики - в них залегли твои бойцы. Расстояние между ними и противником не более ста метров.

- А где же твои люди?

- Их у меня очень мало. Моя дивизия по численности раза в три меньше твоей. Мои батальоны малочисленнее твоих рот. А станковых пулеметов у меня осталось всего два. Ты только пойми: два станковых пулемета на всю дивизию! Вот и воюй теперь с ними! На передовой людей совсем мало.

- А как же ты наступал в первый день? Как обеспечивал мой удар на Лужно? - спросил я у него.

- А вот так и наступал. Если уж твоя дивизия ничего сделать не смогла, так что же требовать от меня? Помогал тебе огоньком, помогал, как мог. Да что там говорить!

- Но ты ведь знал, что мой полк должен наступать восточнее Лужно на Красею, а не в твоей полосе на Иловку. Почему же ты не позвонил, не прислал штабного командира, чтобы помочь мне разобраться?

- Я думал, ты сам обо всем знаешь. Зачем же мне вмешиваться в твои дела?

- Командир полка потерял ориентировку, случайно оказался в твоей полосе и не может разобраться до сих пор. Он и теперь продолжает доказывать, что наступает на Красею, а слева у него не Лужно, а Каменная Гора.

- Не может быть! Если бы я знал, то сам бы приехал к тебе.

- Ко мне, может быть, далеко, а вот командир полка совсем рядом. Его командный пункт в МТС. Можно было бы помочь ему.

Меня возмущала неискренность Назарова.

О тяжелых условиях вступления нашей дивизии в первый бой знал не только Назаров, знала и вся 182-я стрелковая дивизия, которой он командовал. Она прошла с боями сотни километров, растеряла часть своих сил н вооружения, но зато приобрела боевой опыт. Отдохнувшие в обороне и хорошо изучившие местность и противника, ее командные кадры, главным образом штабы, могли бы оказать нам посильную товарищескую помощь...

Под вечер, когда бой стал стихать, я позвонил по телефону командиру Новгородского полка.

- Обстановка без изменений, - ответил он на мой вопрос. - Полк форсировал Лужонку, подошел вплотную к переднему краю н скован огнем. Подразделения окопались и ведут огневой бой.

- На какой населенный пункт вы наступаете?

- Я уже докладывал и послал письменное донесение со схемой. Там всё указано.

- Ну, а все-таки?

- На Красею.

- С правым соседом вы имеете связь?

- Нет. При выходе на исходный рубеж мы никого не обнаружили.

- Где ваш командный пункт?

- На каком-то хуторе, точно не знаю.

- А не кажется ли вам, что ваш командныи пункт в МТС, а полк находится на участке соседа и наступает не на Красею, а на Иловку?-продолжал я допрашивать Фирсова.

- Что вы, что вы, товарищ первый! - удивился он,

- И все же это так, - сказал я. - Наступаете вы на Иловку, справа от вас Ильина Нива, а слева - Лужно. Ваш КП расположен в МТС, и все командиры штаба, кроме вас, теперь уже об этом знают. Посмотрите еще раз на карту.

Я решил временно приостановить наступление, в течение ночи перегруппировать части к своему левому флангу, привести их в порядок и только с прибытием Казанского полка возобновить активные действия общими усилиями всей дивизии. Свое решение доложил командарму с просьбой утвердить его.

Но, должен сказать, решение мое так и осталось решением, а

события развернулись совсем иначе. Майор Фирсов приказа о перегруппировке не выполнил. Из боя полк он вывел, а передвигать влево не стал, имея на этот счет собственное мнение. Явившись ко мне, продолжал уверять, что полк находится на положенном ему месте, что передвигаться ему незачем и что ошибается не он, Фирсов, а я и штаб дивизии. Пришлось временно командование Новгородским полком возложить на начальника штаба Николая Павловича Свистельникова.

Наступило четвертое утро нашей боевой жизни. Из-за леса выплыло осеннее солнце и залило своим золотистым светом и маленькую полянку с овражком, где приткнулся наш командный пункт, и обступивший ее со всех сторон кустарник.

В это утро мы не проявляли активности. Молчал и противник. Я все еще ожидал ответа командующего на мое решение. Тихо было на КП - "порядок" навела немецкая авиация. Нас бомбила шестерка "юнкерсов". О налете напоминали огромные воронки и вывороченная черная торфянистая земля.

Из своих неудобных щелей на свет появлялись штабные командиры: измятые, выпачканные в глине, усталые. И эта ночь не принесла им ни успокоения, ни отдыха. Да и как можно отдыхать, когда кругом три дня подряд рвались снаряды и мины! Нервы были напряжены, сон не приходил.

Умение сохранять силы в бою приходит вместе с умением воевать, когда исчезает возбуждение, когда человек начинает мыслить, как в обычных нормальных условиях. Такое время для нас еще не наступило...

К нам спешил наш, третий по счету. Казанский полк. С раннего утра он находился на марше. Навстречу ему выехал комиссар дивизии, а начальник политотдела со своими политработниками провел там всю ночь. Ожидал я полк к полудню.

Казанский полк считался у нас средним. По своим командным кадрам и сколоченности он не уступал Карельскому полку, а до прибытия Михеева к карельцам даже превосходил его.

Командир полка подполковник Степан Иванович Герасименко был не только прекрасным организатором, но и настоящим хозяином, глубоко вросшим в учебную жизнь и быт своей части. Его дополнял военком - старший батальонный комиссар Григорий Яковлевич Антонов, такой же деловой и энергичный. Жили они между собой очень дружно. Хорош был в полку и начальник штаба майор Иван Максимович Саксеев: спокойный, вежливый, усидчивый. Штаб Казанского полка был лучшим среди штабов других частей.

Пока подходил Казанский полк. мы получили новый приказ

командарма, вносивший и задачу существенные изменения. В бой вводилась танковая бригада. Казанский полк переподчинялся командиру этой бригады. Танковая бригада, усиленная Казанским полком, наносила удар на Лужно, Красею, выполняя тем самым главную задачу. На Новгородский и Карельский полки ложилась вспомогательная задача: обеспечение флангов ударной группировки. Таким образом, Казанский полк должен был вступить в бой, так же как и другие полки до него, прямо с марша.

С подполковником Герасименко я встретился около полудня неподалеку от своего командного пункта. Он ехал верхом в сопровождении ординарца, впереди шли дозоры боевого охранения. Я еще издали узнал Герасименко по посадке. Не виделись мы с ним почти месяц, расстались па Дальнем Востоке, а встретились в Новгородской области, под Лужно...

На радостях крепко расцеловались.

- Как доехали? Все ли в порядке? - спросил я Герасименко.

- Доехали хорошо. Перед выступлением провели по батальонам митинги. Люди обо всем знают. На марше получил задачу прямо из армии. Не понимаю только, почему полк должен наступать с танковой бригадой, а не со своей дивизией. - Герасименко пристально посмотрел на меня. - И времени на подготовку дали уж очень мало, - продолжал он. - Сейчас 12.00. а готовность к 16.00 - осталось четыре часа. За эти четыре часа полку надо подойти, провести рекогносцировку, занять исходное положение, увязать взаимодействие. Времени в обрез. А я еще должен обязательно встретиться с командиром бригады. Мне сказали, что он где-то здесь, на рекогносцировке...

Слушая Герасименко, я не мог понять, чем вызвана такая спешка, почему не дали на подготовку весь сегодняшний день, как я просил, почему и третий полк будет брошен в бой с ходу?

- Да, времени на подготовку действительно маловато. Надо спешить, сказал я и, развернув свою карту, стал объяснять Герасименко обстановку.

Неожиданно из кустарника на поляну выползли два танка. На одном из них, опершись о башню, стоял полковник в очках. Это и был командир бригады. Заметив нас, полковник соскочил на землю. Познакомились.

- Вот и хорошо, что все собрались, - сказал я. - Обсудим предстоящую задачу.

- Атаковать танками Лужно прямо в лоб я не могу,-заявил командир танковой бригады, - меня расстреляют. Попытаюсь обойти и атаковать с фланга. В лоб пусть атакует пехота.

- Пехоте без танков взять Лужно так же тяжело, как и танкам

без пехоты, - доказывал я и настаивал усилить полк хотя бы одной ротой танков непосредственной поддержки. В конце концов командир бригады согласился с моими доводами и пообещал выделить танковую роту.

Решив вопрос о танковой поддержке, мы перешли к артиллерийскому обеспечению. Вся артиллерия находилась у меня, и я хотел получить от комбрига заявку: когда, по каким участкам или по каким целям надо вести огонь.

- С артиллерией мне возиться некогда, - заявил комбриг. - У меня в каждом танке своя артиллерия.

- Ну что ж, - сказал я, не желая спорить. - Если для танков артиллерия не нужна, то она нужна пехоте, а с пехотой мы уладим дело сами.

На этом и закончилась наша предварительная увязка действий. Комбриг и Герасименко договорились встретиться еще раз, через час после рекогносцировки, и окончательно решить все остальные вопросы.

Однако, несмотря на договоренность, совместной, одновременной атаки танковой бригады и полка не получилось.

Бригада ушла далеко вправо в лес и пропала. Танковая рота в полк не прибыла, снялись и скрылись в лесу и танки взаимодействия, оставленные комбригом при командире полка.

Казанский полк в 18.00 один атаковал Лужно. Казанцы действовали геройски, но лобовая атака пехоты на сильно укрепленный населенный пункт успеха не имела. Неподавленный огонь врага сметал наши цепи одну за другой. Плохо обеспеченная артиллерийским огнем и не поддержанная танками атака захлебнулась.

Поздно вечером, вне всякой связи с пехотой, атаковала противника танковая бригада. Переправившись через Лужонку, она вышла на заболоченный луг и, добравшись кое-как до шоссе, повернула на Лужно вдоль немецкого переднего края. Понеся значительные потери на минах и от огня орудий прямой наводки, танковые батальоны отошли обратно.

Так закончился для нас четвертый боевой день.

В этот день отыскался майор Секарев. Наши связисты нашли его в лесу на подступах к Каменной Горе. Танкетка Секарева была подбита прямым попаданием, водителя убило. Майора контузило, и он двое суток пролежал без памяти. На третьи пришел в себя и кое-как вылез из танкетки. Он еле держался на ногах и без посторонней помощи не смог бы выбраться из лесу.

Подлечившись в медсанбате, Секарев убыл от нас в отдел кадров армии. Месяца через полтора - два он получил в командование отдельную стрелковую бригаду.

Его место занял новый начальник штаба подполковник Павел Федорович Батицкий. До этого он служил начальником штаба в другой дивизии. Я знал Батицкого еще до войны, знал его как неутомимого, энергичного человека с твердым, волевым характером. Из всех старших командиров нашего штаба Батицкий оказался самым молодым - ему шел 31-й год.

Наутро пятого дня к нам приехал генерал Морозов, чтобы лично разобраться в причинах неуспеха. Докладывали ему я и командир танковой бригады. Командарм никак не мог уяснить себе, почему не получилось одновременного и согласованного удара стрелковым полком и танковой бригадой.

Я считал, что раз Казанский полк был переподчинен командиру бригады, он в первую очередь и нес ответственность за организацию взаимодействия. Комбриг же доказывал, что если бы бригаде придали один стрелковый батальон в качестве танкового десанта, она могла бы выполнить задачу.

Так мы препирались с командиром бригады, а командарм слушал, задавал нам вопросы и, очевидно, не находил виновного. Отругав нас обоих, он уехал.

Через день дивизия была выведена из боя в ближайший тыл. На освобожденном ею участке по-прежнему сомкнулись фланги соседних с нами дивизий.

Так и не смогли наши части вновь прорвать оборону и вызволить из Красеи подразделения Карельского полка. После того как у карельцев кончились боеприпасы, они ушли в лес, в тыл врага, а затем, когда утихли бои, прорвались через передний край в полосе соседней с нами 34-й армии.

* * *

В течение пяти дней дивизия приводила себя в порядок.

Прежде всего был переформирован и доукомплектован понесший наибольшие потери Карельский полк. В командование им вступил единственный оставшийся в строю старший командир начальник штаба майор Михаил Иванович Герусов.

Главная задача, стоявшая в те дни перед нами, заключалась в том, чтобы извлечь уроки пятидневных боев, дать им правильную оценку и на основе этого подготовить личный состав к новым боям.

Как могло случиться, что наша кадровая, хорошо вооруженная и обученная дивизия не оправдала возлагавшихся на нее надежд?

Об этом думал каждый участник боев. Существовало множество мнений. Одни говорили, что если бы не погиб командир Карельского полка Михеев, обстановка сложилась бы совсем иначе, другие связывали неуспех с действиями

Новгородского полка, третьи ссылались на разновременность нанесения удара Казанским полком и танковой бригадой.

Одним словом, предположений выдвигалось много. Но всем было ясно, что главной причиной наших неуспехов являлись неправильные действия армейского командования. Оно просчиталось во времени, переоценило наши силы и недооценило силы противника. Отсюда преждевременный ввод в бой нашего первого эшелона - Карельского полка, торопливость и неорганизованность ввода в бой последующих эшелонов.

Противник оказался не таким слабым, как думал штаб генерала Морозова. Перед нами занимала оборону одна из лучших в немецко-фашистской армии дивизий - дивизия СС "Мертвая голова". Эта дивизия имела огромный боевой опыт. Она прошла Европу и с первых же дней участвовала в боях на советском фронте.

Свыше десяти дней дивизия СС подготавливала оборону на южном берегу Лужонки: закопалась в землю, приспособила к обороне населенные пункты, хорошо изучила местность, организовала огонь.

И вот с таким хорошо подготовленным противником нам и пришлось помериться силами.

Первый боевой опыт обошелся нам слишком дорого: мы потеряли около трети своего боевого состава. Но каждый из нас хорошо помнил русскую пословицу: "За битого двух небитых дают".

В обороне

После сентябрьских дождей установилась сухая погода. С утра хмурилось, низко над землей стелился туман, а к полудню разгуливалось.

Мелколесье обнажилось, сделалось прозрачнее, улучшился обзор, легче стало ориентироваться.

Фронт стабилизировался. Бои у Лужно отгремели, наступило затишье. Стороны продолжали закапываться в землю, улучшали позиции, вели разведку и изредка беспокоили друг друга огневыми налетами.

Из прифронтовой полосы переселялись местные жители. С болью в душе оставляли они родные места, сдавали уполномоченным армейского командования постройки и, забрав пожитки и скот, уходили на восток.

В опустевших деревнях и селах размещались войсковые тылы, медсанроты, медсанбаты, госпитали.

На колхозных полях остался на корню лен. Осенние ветры прижали его к земле. Неубранные поля навевали грустные думы. Солдаты рыли окопы, ставили мины и натягивали проволоку на

лесных полянах, на окраинах сел и деревень, приспосабливали к обороне дома. Создавались тыловые оборонительные рубежи и полосы.

Оборонительная полоса дивизии протянулась на десять километров, имея правый фланг у МТС, а левый - восточнее Сухой Нивы. Все три полка Казанский, Новгородский и Карельский - расположились рядом.

На правом фланге передний край обороны проходил вдоль правого берега Лужонки, на левом - пересекал Лужонку у Ерушково и тянулся по ее левому берегу, через небольшой населенный пункт Борок. Командный пункт переместился в овраг у восточной окраины Сосницы.

Правым нашим соседом по-прежнему была дивизия Назарова, левым - часть другой армии.

Противостояла нам, как и раньше, дивизия СС "Мертвая голова", которая занимала, левый берег Лужонки и опиралась на населенные пункты Лужно, Михальцово, Каменная Гора, Ерушково, Польцо и Кирилловщина. Наиболее сильные укрепления находились на ее флангах - у Лужно и у Кирилловщины.

Самым уязвимым следовало считать наш левый участок. Возможный удар из района Кирилловщины на Сухую Ниву и Семеновщину выводил противника на единственную здесь шоссейную дорогу.

Неожиданно в одно раннее утро первой половины октября загрохотало в полосе правого соседа. Это был массированный огонь большой артиллерийской группы, продолжавшийся четверть часа. После этой короткой, но мощной артподготовки можно было ждать начала атаки. Выяснилось все минут через двадцать. Позвонил Назаров.

- Выручай, друг,- попросил он меня.

- Что случилось?

- Из Белого Бора немцы атаковали. До батальона вклинилось ко мне в оборону.

- Почему же допустили? Разве нельзя было остановить?

- Не удалось. Произошло все очень быстро. Очевидно, противник долго готовился. Сначала навалился огнем, подавил один из ротных районов, а затем атаковал и захватил его. Надо теперь выбивать. Сможешь помочь мне?

- А в чем ты нуждаешься?

- Помоги, пожалуйста, огоньком и пехотой.

- Пехотой не могу, да ты и сам справишься, а вот один - два артдивизиона постараюсь переключить тебе на помощь.

- Спасибо.

Однако восстановить положение своими силами Назарову не удалось. Днем я разговаривал с ним еще раз, а затем мне позвонил командующий и приказал помочь Назарову моим единственным резервным батальоном, который я берег как зеницу ока. К вечеру противника отбросили и оборону восстановили.

Вскоре гитлеровцы переключили свою активность на нашу полосу. Продолжительное время внимание дивизии было приковано к Сухой Ниве. Да и не только нашей дивизии. Этот населенный пункт часто упоминался в армейских и фронтовых оперативных сводках.

Сухая Нива расположена на правом берегу Лужонки. Ее 130 дворов раскинулись по обеим сторонам шоссе и вытянулись с севера на юг на целый километр. Посередине села - большая каменная церковь с высокой колокольней. К западной окраине примыкает глубокий, заросший кустарником овраг, к восточной - колхозное поле. За колхозным полем метрах в восьмистах от села тянется густой хвойный лес.

На левом берегу Лужонки, прямо против Сухой Нивы, - маленький населенный пункт Борок. Сухую Ниву и Борок связывает низкий каменный мост, перекинутый через речку. В одном километре южнее Борок - такой же маленький населенный пункт Польцо, а еще немного южнее на холме - крупный узел обороны противника Кирилловщина.

От Сухой Нивы до Кирилловщины три километра. Все эти населенные пункты находились на крайнем левом фланге дивизии. Польцо и Кирилловщину занимали гитлеровцы, Борок и Сухую Ниву оборонял под командованием капитана Н. В. Прядко левофланговый батальон Карельского полка. Батальон поддерживался артиллерийским дивизионом капитана Нестерова.

В середине октября от Прядко и Нестерова стали поступать сведения о необычном оживлении противника в Кирилловщине. Наблюдатели засекли до десятка легковых машин. На гребне между Кирилловшиной и Польцо время от времени появлялась группа офицеров: по-видимому, велась рекогносцировка.

Эти сведения приковали к себе внимание штабов. Противник что-то замышлял. Но что?

Через два дня на рассвете раздался грохот. Шквал артиллерийского и минометного огня обрушился вдоль шоссе на Сухую Ниву в полосе шириной четыре километра и глубиной вплоть до артпозиций. Мины засыпали и овраг, где размещался наш командный пункт.

Огонь бушевал двадцать минут. Он взбудоражил всю оборону, порвал связь, нарушил управление. Ясно было, что

противник готовил прорыв.

Для удобства управления я и комиссар перебрались из своей землянки в блиндаж начальника штаба. Наш штаб очень изменился со времени боя под Лужно: в его работе чувствовались теперь спокойствие и слаженность.

Пока Батицкий выяснял через командиров штаба обстановку, я, расположившись за другим столиком, пытался проникнуть в тайну боя иным, логическим путем.

Разгадать замысел врага - самое трудное и в то же время самое важное для принятия решения командиром.

"Почему удар наносится на нашем левом фланге, против батальона Прядко, а не в каком-либо другом месте? - спрашивал я сам себя и сам же пытался найти объяснение. - Во-первых, здесь стык двух наших армий, а стык, как известно, наиболее уязвимое место, во-вторых, через Сухую Ниву и далее на север на станцию Любница проходит единственная на этой местности шоссейная дорога, выводящая прямым путем на наши коммуникации.

Избранное гитлеровцами для удара направление наиболее заманчивое, и будь мы на месте противника, поступили бы так же. Кстати, в сентябре нами было избрано для удара направление на Лужно, Красею, вдоль того же самого шоссе. Расстояние от переднего края до Демянска и до Любницы почти одинаковое, разница лишь в двух - трех километрах. И если мы тогда ставили себе целью прорвать фронт и выйти к Демянску, то почему же противник не может поставить себе точно такую же цель - прорвать наш фронт и выйти к Любнице?

Что принесет гитлеровцам этот удар при полном успехе? Он рассечет наш фронт на две части и образует клин в нашей обороне глубиною до двадцати километров. Если же, кроме удара на Сухую Ниву - Любницу, противник нанесет еще удар от Лычково на Любницу, оба эти удара, соединившись у Любницы, могут отсечь и окружить три дивизии вместе со штабом армии. Под удар тогда попадут наша дивизия, дивизия Назарова, обороняющаяся правее нас, и армейский резерв-дивизия генерала Фоменко.

Возможно, противник как раз и имеет такой замысел. А если это так, то вслед за первым ударом на Сухую Ниву нужно ожидать и второго удара от Лычково. Какие же силы потребуются гитлеровцам для того, чтобы осуществить свой замысел? Против наших трех дивизий враг должен иметь не менее четырех - пяти дивизий. Но есть ли они у него? Трудно сказать. Мы пока знаем: против нас обороняется дивизия СС "Мертвая голова", а против Назарова пехотная дивизия.

Еще две дивизии гитлеровцы могли подтянуть с других

направлений. Ну а если они их не подтянули? Тогда и замысел нереален для противника, как оказался он нереален для нас в сентябре.

А может быть, вражеское командование имеет более узкие цели и не ставит себе задачу окружить три дивизии, а только одну нашу? И это вполне возможно..."

Мысли мои прервал полковник Иноходов. Он буквально ворвался в блиндаж.

- Товарищ полковник, разрешите! - с трудом переводя дыхание, начал он. - Герусов атакован... атака отбита!

- Откуда сведения?

- От майора Селезнева, командира артгруппы. - Иноходов протянул мне радиограмму. "Атакованы, атаку отбили", - прочитал я.

Через несколько минут удалось восстановить связь с Карельским полком. Оказалось, что противник атаковал силами пехотного полка: одним батальоном - из рощи западнее Польцо в стык наших батальонных районов обороны, и двумя батальонами - прямо из лощины у Польцо на батальон Прядко. Ширина фронта атаки - два километра, направление на Борок - Сухая Нива.

- Мне кажется, что это только начало,- оторвавшись от карты, сказал Батицкий. До этого он что-то измерял, делал пометки и в раздумье слегка барабанил по столу пальцами.

- Почему ты так думаешь?-спросил Шабанов.

- А потому, что если бы гитлеровцы преследовали узкие цели, скажем боевую разведку с захватом какого-либо пункта, то зачем им было вводить в бои целый полк? Десять дней назад у Назарова они использовали для атаки с ограниченными целями не более батальона. Сегодня же бросили в атаку целый полк, причем солидно подготовили ее огнем, значит, они преследуют более важные цели. Направление вдоль шоссе на Сухую Ниву и далее на Любницу очень выгодное, оно выводит на наши коммуникации. При успехе, достигнув Семеновшины и Любницы, гитлеровцы могут развернуть наступление на запад, вдоль железной дороги, чтобы соединиться со своими частями у Лычково и таким образом окружить нашу группировку, расположенную в треугольнике между Сухая Нива, Семеновщина и Лычково.

- Да, да! - согласился Шабанов, следя по карте.

- Исходя из этого, - продолжал Батицкий, - я считаю, что следует ожидать повторной атаки. Фашисты упрямы и самоуверенны. Они будут лезть до тех пор, пока не израсходуют все свои силы или не получат хорошей сдачи.

- Ну как, Василий Дмитриевич? - спросил я у комиссара. - Удовлетворен?

После некоторого раздумья он ответил:

- С выводами, пожалуй, нужно согласиться. Повторные атаки будут обязательно,

- А как начарт думает? - спросил я у Иноходова.

- Я тоже согласен с Павлом Федоровичем, - ответил тот. -Дело одной атакой не ограничится. Уж очень подозрительно вел себя противник в последние дни. Да и артиллерии натащил много.

Слушая все эти соображения, я вместе с тем проверял правильность собственных мыслей. Выводы наши оказались схожи: и в том, что за первой атакой последуют другие, и в том, что за первым ударом надо ожидать второй. Я только допускал возможность второго удара со стороны Лычково, а Батицкий предполагал, что гитлеровцы нанесут его не с фронта по дивизии Назарова, а в тыл ей, при условии, если противнику удастся прорваться через Сухую Ниву на Семеновшину.

Обменявшись мнениями, мы пришли к единому выводу: обстановка складывается напряженная, следует ожидать повторных ударов.

- Ну ежели так, то я пошел в Карельский полк, - сказал Шабанов.

- Надолго?

- Пока не отобьем все атаки, Воевать так воевать!

- А вы, товарищ комиссар, без автоматчиков не ходите. Учтите опыт Секарева, - посоветовал Иноходов.

- Не мешало бы захватить с собой и кого-либо из политотдела. Надо помочь Прядко, - напомнил я комиссару.

- Да, я так и думаю сделать, - ответил Шабанов.

Наши предположения относительно дальнейших действий противника оправдались.

В десять часов утра, после повторной артподготовки, последовала новая атака гитлеровцев. До конца дня немцы предприняли еще две атаки. Все атаки были отражены с большими для противника потерями.

Поздно вечером из полка возвратился Шабанов, очень усталый, но довольный результатами боя. - Ну и молодцы! - восхищался он. - Не люди, золото! Сержант Акимов уложил из своего пулемета не менее ста фашистов. А разве такой он один?

- А как вели себя Прядко и командир дивизиона Нестеров?

Меня особенно интересовал Прядко. Сегодня был его первый серьезный бой.

- К ним добрался после второй атаки, через минометную роту. Пришел, а минометчики сидят себе в воронках на бережку да посмеиваются, некоторые бойцы моют в Лужонке котелки. Можно подумать, не бой, а привал после марша. Кругом черно, избито, изрыто, а им хоть бы что! Привыкли, втянулись. Прядко и Нестеров встретили весело. Подсыпали, говорят, немцам табачку - пусть почихают. Понравились мне их наблюдательные пункты. Врылись в берег, словно стрижи, - не достанешь.

- Зато с тыла уязвимы.

- Это правда.

В течение следующих двух дней гитлеровцы предприняли еще три атаки, стремясь прорваться к Сухой Ниве. Отдельным подразделениям врага удавалось вклиниваться в наш передний край, но для развития успеха у противника не хватало сил.

Три дня боев на нашем левом фланге стоили фашистам дорого. Карельский полк отплатил врагу сторицею и за Лужно и за Красею. Но при отражении яростных атак большие потери понес и батальон капитана Прядко.

Как мы и предполагали, противник предпринял попытку нанести вспомогательный удар и от Лычково. Но там все было наготове, и вражеская атака, не оказавшаяся внезапной, быстро захлебнулась.

К концу третьего дня у нас в штабе сложилось твердое убеждение, что гитлеровцы выдохлись и едва ли смогут вести

дальнейшие наступательные действия. Но оказалось, что мы недооценили их настойчивости и не предусмотрели всех возможных вариантов.

На рассвете четвертого дня последовала новая, хорошо подготовленная и обеспеченная огнем атака пехоты, поддержанной пятнадцатью броневиками.

Наши бойцы и на этот раз отразили фронтальную атаку: пехоту сковали огнем, а вырвавшиеся вперед броневики подорвали на минах и расстреляли прямой наводкой. Однако, пока наше внимание было приковано к отражению атаки с фронта, гитлеровцам удалось незаметно просочиться лесом на стыке с соседней дивизией. Неожиданно в тылу у Прядко появился батальон автоматчиков. Наступал он со стороны соседа северным берегом Лужонки. Под огонь автоматов с тыла попали командно-наблюдательные пункты батальона, дивизиона и огневые позиции минометной роты. Выбыл из строя капитан Нестеров. В исключительно тяжелых условиях оказался батальон Прядко. Сдавленный с трех сторон, он вынужден был отбивать атаки и с фронта, и с фланга, и с тыла. Обтекание с тыла продолжалось. Выдвинутая командиром полка на помощь батальону резервная рота не смогла задержать автоматчиков. Нанеся удары с фронта и тыла, гитлеровцы ворвались в Сухую Ниву.

От батальона Прядко в строю осталось восемнадцать человек. Покидая после ожесточенного сопротивления поле боя, они вынесли на руках тяжело раненного комбата, получившего восемь пулевых и осколочных ран. Прядко руководил боем до последней возможности, пока не истек кровью.

Пример мужества и стойкости батальона Николая Васильевича Прядко, в течение четырех суток сдерживавшего напор значительно превосходивших его по численности сил врага, вошел в боевую историю Карельского полка и всей нашей дивизии. На этом примере мы воспитывали потом тысячи новых воинов.

Захватив Сухую Ниву, гитлеровцы продолжали рваться на север, пытаясь расширить прорыв и в стороны флангов. Кроме дивизии СС "Мертвая голова", в бой втянулась еще пехотная дивизия. На дорогах южнее Кирилловщины противник держал наготове для развития успеха бронедивизион и мотоциклетный батальон.

Для восстановления положения я выдвинул к месту прорыва два резервных батальона - все, что имел. Сил этих оказалось недостаточно.

На помощь к нам пришла дивизия армейского резерва. Еще

три дня шла ожесточенная борьба за Сухую Ниву, но возвратить ее нам тогда так и не удалось.

* * *

Сентябрьские и октябрьские бои на северных отрогах Валдайской возвышенности, в которых участвовала 26-я стрелковая дивизия, хотя и не завершились тактическим успехом, но имели важное оперативное значение. Эти бои содействовали успешной обороне Ленинграда и в значительной мере помогли сорвать планы гитлеровского командования по соединению немецких войск с финскими.

Об этих боях упоминает в своей "Истории второй мировой войны" гитлеровский генерал Курт Типпельскирх, сам побывавший в "Демянском котле".

Сентябрьские наступательные бои советских войск юго-восточнее озера Ильмень он расценивает как сильные контратаки. Эти контратаки, по его словам, сковали немецкие войска на южном крыле группы армий "Север" и не позволили гитлеровскому командованию перебросить оттуда ни одного своего солдата под Ленинград{1}.

Таким образом, будучи скована нашими активными действиями, 16-я немецкая армия во второй половине сентября ничем не смогла помочь своему левому соседу - истекавшей кровью под Ленинградом 18-й армии. Таково значение наших сентябрьских наступательных боев.

Октябрьские наступательные бои немцев на Сухую Ниву - станцию Любница начались вскоре после развернувшегося "генерального" наступления группы армий "Центр" на Москву и наступления группы армий "Север" на тихвинском направлении.

Типпельскирх пишет об этих боях: "В начале октября ослабленная группа армий "Север", передавшая часть своих сил группе армий "Центр", согласно директиве начала наступление севернее озера Ильмень. К середине октября удар в северо-восточном направлении нанесли ее корпуса, располагавшиеся юго-восточнее озера Ильмень у Валдайской возвышенности; встретив сильного противника, они после некоторых первоначальных успехов вскоре застряли у Валдайской возвышенности. Этим с самого начала был поставлен под угрозу успех наступления, в ходе которого северный фланг 16-й армии к 10 ноября, преодолевая упорное сопротивление противника, продвинулся до Тихвина. После того как наступление через Валдайскую возвышенность на северо-восток провалилось, для прикрытия юго-восточного фланга, который от Новгорода до вершины ударного клина растянулся на 150 километров, уже не хватило сил. Русское контрнаступление, начавшееся в начале

декабря, отбросило части 16-й армии, продвинувшиеся до Тихвина, за реку Волхов"{2}.

Генерал-майор немецко-фашистской армии Бутлар так же, как и Типпельскирх, общий неуспех предпринятого гитлеровцами наступления связывает с неуспехами южного фланга 16-й немецкой армии в районе Валдайской возвышенности{3}.

Из высказываний гитлеровских генералов видно,что наступление немцев на Сухую Ниву-станцию Любница преследовало не узкие тактические, как мы предполагали в то время, а широкие оперативные цели. Прорывая нашу оборону на северных отрогах Валдайской возвышенности, немецко-фашистское командование намеревалось выровнять свой фронт, вынести его восточное озера Ильмень и сомкнуть разделенные озером северный и южный фланги 16-й армии, чтобы в дальнейшем надежно обеспечить удар на реку Свирь для соединения с финской армией.

Однако успешное наступление северного фланга 16-й армии на Тихвин не было поддержано южным флангом. Наступление немецкого армейского корпуса на северных отрогах Валдайской возвышенности было сорвано в самом его начале. Дальше Сухой Нивы немцы продвинуться не смогли. Удары дивизии СС "Мертвая голова", а затем и пехотной дивизии разбились о стойкость частей 26-й стрелковой Златоустовской дивизии.

Несмотря на численное и техническое превосходство, гитлеровцам не удалось преодолеть сопротивление наших частей.

* * *

Зима установилась рано. Уже в первых числах ноября земля покрылась тонким слоем снега. Ночью и по утрам было холодно, днем по-осеннему пригревало. Внимание дивизии по-прежнему приковывала Сухая Нива. Занимал ее эсэсовский батальон численностью до четырехсот человек.

На левый участок я перевел Казанский полк, который был теперь наиболее боеспособным. Центр полкового участка обороны проходил перед Сухой Нивой, седлал шоссейную дорогу, а своими флангами обтекал населенный пункт с востока и запада. На Казанский полк была возложена частная задача освободить Сухую Ниву.

Как-то в одно из моих посещений полка Герасимснко сказал мне:

- Выкуриваем фашистов из Сухой Нивы. Задачу выполним.

- Чем же вы выкуриваете? - спросил я.

- Снайперами. Фашисты воют от этих орлов, а поделать с ними ничего не могут.

- Кто же эти орлы?

- Савченко, Майоров, Тевосян и другие - всего тринадцать человек.

Свою задачу Казанский полк выполнил с честью. Упорно и долго добивался он цели. Там, где ранее не помогла сила, теперь помогло умение.

Группа снайперов во главе с зачинателем снайперского движения в дивизии сержантом Григорием Савченко за полтора месяца вывела из строя свыше трехсот гитлеровцев.

В любую погоду снайперские пары вели свою кропотливую и настойчивую охоту. Уходили они затемно, а возвращались на отдых поздно ночью.

Обложив Сухую Ниву с двух сторон и постоянно меняя места засад, снайперы все ближе и ближе подвигались к горловине, связывавшей гарнизон немцев с остальной их обороной.

За малейшие промахи в маскировке и передвижении фашисты расплачивались жизнью.

Активность гарнизона Сухой Нивы постепенно замирала, численность его сокращалась, и, наконец, он оказался совсем парализованным. Пришло время штурма.

Командир полка и его штаб длительное время тренировали для ночных действий роту лейтенанта Бушуева. Рота была доукомплектована специально подобранными бойцами: смелыми, физически сильными, имеющими хорошие зрение и слух. Тщательная подготовка дала блестящие результаты. Сухая Нива была захвачена внезапной ночной атакой с незначительными потерями.

К глубокому нашему прискорбию, при выполнении задачи погиб непосредственный руководитель штурма лейтенант Бушуев. Он подорвался в одном из оставленных немцами бункеров. Противник имитировал бункер под командный пункт. Внутри него, на столике, были небрежно разбросаны командирская карта, блокнот, карандаши, автоматическая ручка. Некоторые из этих предметов тончайшими проводами соединялись со взрывателями сильных зарядов. На эту приманку и наскочил командир роты. Неосторожность погубила его.

Сухую Ниву мы освободили. С нас наконец была снята та вина за ее потерю, которая долгое время камнем лежала на дивизии.

Командующий войсками фронта наградил тринадцать снайперов Казанского полка орденами и медалями. Армейская газета писала о наших снайперах целую неделю, а фронтовая посвятила им специальный номер.

Вскоре в каждом полку насчитывались уже десятки снайперов. Стали проводить специальные полковые и

дивизионные слеты, на которых снайперы обменивались опытом.

* * *

В Новгородском полку, занимавшем оборону правее Казанского, тем временем шла своя жизнь. Командовать им продолжал начальник штаба майор Свистельников. Нового командира вместо Фирсова нам все еще не назначали.

Конфигурация обороны Новгородского полка представляла собой глубокий выступ в расположение противника. Перед фронтом находились Лужно и Каменная Гора, а на флангах, оттянутых на четыре - пять километров назад, - Белый Бор и Сухая Нива. Ширина выступа достигала четырех километров и с обоих флангов простреливалась пулеметным огнем.

Командный пункт полка находился как раз в центре выступа, в том самом маленьком овражке, где когда-то, в первые дни боев за Лужно, размещался КП дивизии. Трудно было теперь узнать эти места. Там, где осенью стоял густой зеленый лес, торчали пни: деревья были сметены снарядами и минами. Овражек и канавы до краев засыпало снегом. Сохранились лишь наши старые земляные постройки. Полк усовершенствовал их и приспособил к зимним условиям.

Командиры штаба дивизии предпочитали посещать Свистельникова днем, в часы затишья. Ночью фронт оживал, и передвижение в "мешке" становилось опасным. Непрерывным огненным потоком неслись с обоих флангов трассирующие пули, гулко рвались мины, обкладывая наезженную дорогу.

В полку я бывал раза два в неделю. Во время очередного посещения полка предложил его командиру:

- Пройдемте сначала на правый фланг к Чуприну, а потом к Лютикову. (Старший лейтенант Лютиков командовал вторым батальоном.)

Сопровождаемые адъютантом и автоматчиком, мы двинулись в путь.

- Товарищ полковник! Кто-то бежит навстречу. Смотрите!- обратился ко мне адъютант Федя Черепанов, когда мы поднимались на оголенный гребень, отделявший командный пункт полка от расположения первого батальона. Гребень хорошо просматривался с Каменной Горы, и раньше переходить его днем было небезопасно. Теперь Каменная Гора помалкивала: со снарядами у немцев так же, как и у нас, стало туговато.

Навстречу нам бежал маленький боец, одетый в легкий ватный костюм, ушанку и валенки. Через плечо у него висела большая санитарная сумка.

- Да это же Катя! - всмотревшись, сказал Свистельников.- Точно, чупринская Катя,- после небольшой паузы подтвердил он.

С этой смуглой черноглазой девушкой я был уже знаком. Недели две назад она появилась у нас на КП дивизии вместе с новым начальником штаба, который проверял полк.

Подполковник Батицкий в начале декабря убыл от нас командовать дивизией, а вместо него был назначен комбриг Корчиц.

- Она пленила меня, - смеялся Корчиц, представляя мне Катю. - Застала меня в окопе, когда я беседовал с бойцами, а потом уж так и не отпустила от себя.

- Товарищ полковник, я чуть не умерла со страху, когда узнала, что в нашем батальоне комбриг один по окопам ходит. А если бы что случилось с ним? - наивно оправдывалась передо мной Катя.

Мне понравилась бойкая, миловидная девушка. На вид ей было лет двадцать.

- У нее блестящие командирские способности!- говорил Корчиц. Однажды, когда она возвращалась к себе в батальон, ей поручили доставить человек сорок пополнения. При переходе через открытую поляну гитлеровцы заметили их и обстреляли. Что делать? Надо бы броском выбежать из-под огня, а молодые бойцы перепугались, залегли и стали зарываться в снег. Вот тут-то Катя и проявила себя. Стоя под огнем во весь рост, она обозвала молодых бойцов трусами, заставила подняться и благополучно доставила по назначению. Сконфуженные бойцы потом отзывались о ней с восхищением. "С виду незаметная, а дала нам жизни. Молодец!" С тех пор у Кати большой авторитет.

Поравнявшись с нами и глубоко вздохнув, чтобы успокоить дыхание, Катя обратилась ко мне:

- Товарищ полковник! Командир санитарного взвода военфельдшер Светлова. Разрешите сопровождать вас?

- Здравствуйте, Катя! Как это вы узнали, что мы идем к вам?

- А нам позвонили из штаба.

- Где капитан Чуприн?

- Он у себя на капе.

- Очень хорошо. Можете пристраиваться.

Чуприн и Катя! - эти два имени как-то незаметно переплелись между собой. Поговаривали, что с прибытием Кати в батальон Чуприн очень изменился. Раньше он был неряшлив, частенько поругивался, а теперь стал вежлив, подтянут, всегда с белоснежным подворотничком.

К концу декабря капитан Чуприн остался у нас единственным кадровым комбатом.

Батальон Чуприна занимал оборону по мелколесью, на границе с дивизией Назарова. Правофланговая рота батальона

располагалась фронтом на запад, на Ильину Ниву, а левофланговая - фронтом на юг, на Лужно. Центр батальона был несколько оттянут и образовывал уступ назад. За уступом, у маленькой лесной поляны, находился КП батальона. Он сразу бросался в глаза своей оригинальностью. Неподалеку от двух жилых землянок были отрыты четыре окопа, соединенные с землянками глубокими ходами сообщения. От окопов по мелколесью лучами расходились четыре широкие просеки для обзора и обстрела. Землянки и окопы были обнесены проволочным забором, удаленным от сооружений немногим более чем на бросок гранаты. Все сделано с особым вкусом, продуманно. Командный пункт превращен в маленький, но крепкий опорный пункт.

- Чего это вы загородились? - показывая на забор, шутя спросил я у выбежавшего навстречу комбата.

- Он как феодальный князек: построил себе город, обнес тыном, обособился и скоро признавать никого не станет,- посмеиваясь, сказал Свистельников.

- Боюсь, как бы не украли,- в тон нам ответил Чуприн.

- А почему вы обнесли командный пункт забором? - спросил я у капитана. - Не лучше ли было загородить проволокой на низких кольях?

- Я уже думал об этом, - ответил Чуприн.-Препятствие на низких кольях менее заметно и маскируется лучше, но у меня было мало проволоки.

Немного помолчав, он добавил:

- Я хотел бы обнести проволокой и командно-наблюдательные пункты командиров рот. Если поможете, то там я оплетку обязательно сделаю на низких кольях.

По дороге к Чуприпу Свистельников рассказал мне о том, что на днях в расположение капитана забрались гитлеровцы. Я попросил Чуприна рассказать об этом подробнее.

Было это два дня назад перед рассветом. Сидя в своей землянке, капитан дремал. И вдруг ему почудилось, что кто-то бродит около землянки, бродит осторожно, нерешительно. Свои люди так не ходят.

Набросив на плечи шинель, Чуприн вышел из землянки. У входа в нее стояли несколько немцев и о чем-то тихонько переговаривались.

- Увидел я их и, откровенно говоря, опешил, - вспоминал Чуприн. - При моем внезапном появлении они тоже растерялись. Разговор их оборвался. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не ординарец. Он вышел вслед за мной с автоматом и дал по фашистам очередь. Они и разбежались. Вот и все, закончил

Чуприн.

- И никого не убил?

- Никого! Очередь прошла поверх голов.

- У страха глаза велики, - сказал Свистельников. - После того случая пристал ко мне Чуприн: дай да подай проволоку. Отдал ему последний моток. А теперь у него новая идея - оплести желает и ротных командиров. Ну и ну!-насмешливо посмотрел он на комбата.

- Что ж! Это неплохо,- заметил я и спросил Чуприна:-Откуда проникла к вам разведка?

- Вот отсюда, со стороны Ильиной Нивы. - Чуприн показал рукой на стык с дивизией Назарова.

По приказу командующего армией за обеспечение стыка отвечал Назаров, но я все-таки еще раз приказал командиру полка и комбату вести серьезное наблюдение.

Целый день провел я в расположении Новгородского полка, осмотрел весь район Чуприна, а затем и район Лютикова. Заходил чуть ли не в каждую землянку. Люди потрудились основательно: оборудовали во всех землянках печи, устроили нары для отдыха, утеплили земляные полы хвоей. Да и сами бойцы, отдохнувшие за время обороны, выглядели тоже иначе, чем во время осенних боев.

Меня беспокоило то, что между взводными, ротными и батальонными районами по-прежнему имелись большие, никем не занятые промежутки. Днем они наблюдались и простреливались нашими войсками, а ночью через них в наш тыл могли проникнуть небольшие разведывательные и поисковые группы врага. В связи с этим меры, которые принял Чуприн по усилению обороны командных пунктов, имели большой смысл. Оборудовав в каждом батальонном районе еще несколько опорных пунктов, можно было не только предохранить командиров подразделений от всевозможных случайностей и обеспечить более надежную связь, но и повысить общую устойчивость обороны.

Я решил поддержать инициативу Чуприна и распространить ее не только на Новгородский полк, но и на всю дивизию. Надеялся, что эти мероприятия будут поддержаны Военным советом армии.

* * *

Начавшийся 1942 год сулил много нового. После разгрома гитлеровцев под Москвой ожидались перемены и на Северо-Западном фронте.

Главная цель советских войск зимой сорок второго года на северо-западном направлении состояла в том, чтобы освободить

Ленинград от блокады и разгромить действовавшую на этом направлении группу вражеских армий "Север". Выполнить эту задачу, по замыслу Ставки, должны были войска Ленинградского и Волховского фронтов, а также войска правого крыла Северо-Западного фронта.

Северо-Западному фронту предстояло перейти в наступление на старорусском направлении, разгромить войска 16-й немецкой армии, находившейся южнее озера Ильмень, и выйти во фланг и тыл новгородской группировке противника.

Одновременно войска фронта должны были наступать и на своем левом крыле в направлении Торопец, Велиж, Рудня с целью содействовать войскам Калининского и Западного фронтов в разгроме главных сил немецкой группы армий "Центр".

Для решения задач, поставленных Ставкой, командующий Северо-Западным фронтом создавал две ударные группировки. На правом крыле фронта он сосредоточивал 11-ю армию в составе пяти стрелковых дивизий, десяти лыжных и трех танковых батальонов. Армия должна была нанести удар в общем направлении на Старую Руссу, Сольцы, Дно и совместно с войсками левого крыла Волховского фронта разгромить новгородскую группировку противника. Войска левого крыла фронта в составе 3-й и 4-й ударных армий получили задачу нанести удар из района Осташков в общем направлении на Торопец, Рудня и во взаимодействии с войсками правого крыла Калининского фронта глубоко охватить с запада главные силы группы вражеских армий "Центр".

На войска 34-й армии (пять стрелковых дивизий), действовавшей в центре Северо-Западного фронта, командующий фронтом возложил задачу сковать противника в центре полосы действия армии и одновременно нанести два удара своими фланговыми дивизиями: на правом фланге - в направлении Беглово, Свинорой, на левом - на Ватолино с целью окружения вражеской группировки в районе Демянска.

Начало наступления войск фронта намечалось на 7-9 января 1942 года.

В конце декабря в полосе обороны 11-й армии началась спешная перегруппировка войск. Она захватила и нашу дивизию.

Сначала командующий армией вывел в свой резерв наш Карельский полк, находившийся до этого во втором эшелоне дивизии. Исполняющего обязанности командира полка майора Герусова отдел кадров направил на учебу в военную академию.

Карельский полк мы доукомплектовали, усилили опытным командным составом, возвратившимся из госпиталей, поставили целиком на лыжи.

Жалко было расставаться с карельцами. Отправляя их, мы надеялись, что они быстро вернутся. Никому и в голову не приходило, что это произойдет не скоро.

Вслед за отправкой карельцев последовал новый приказ - принять оборонительную полосу от дивизии Назарова, которая также выводилась в армейский резерв.

Судя по распоряжениям из армии, чувствовалось, что производится какая-то большая перегруппировка.

Фронт нашей обороны увеличивался до двадцати километров, то есть в два раза, а ее плотность, без Карельского полка, уменьшалась в три раза.

Казанский полк дополнительно принимал участок Новгородского полка, растягиваясь, таким образом, по всей прежней полосе дивизии.

Освободившийся Новгородский полк сменял части Назарова.

Из представителей обеих дивизий была создана приемо-сдаточная комиссия, которая наблюдала за сменой и подготавливала акт о приеме и сдаче.

От наших приемщиков стали поступать сообщения о плохом состоянии оборонительных сооружений у сменяемых частей, особенно на переднем крае. Невольно вспоминался доклад Назарова в начале зимы на Военном совете. Тогда оборона Назарова ставилась в пример другим.

Я решил до подписания акта во всем разобраться сам и выехал в Сухонивочку.

Командные пункты дивизий разделялись тремя километрами и связывались глубоким оврагом, по которому пролегал санный путь.

- Прошу, прошу! - приветливо встретил меня Назаров. - Собирался уже звонить к тебе, думал, что не приедешь попрощаться.

- Ну как, Михаил Семенович, можно поздравить тебя с получением новой задачи? - спросил я Назарова, когда мы вошли в его маленький, но очень уютный блиндажик.

- Пока ничего неизвестно, - ответил он, - дали только новый район сосредоточения, а что за этим последует, сказать пока трудно.

- Я думаю, что вы будете наступать. Смотри-ка, как Гитлера от Москвы гонят. Пора и нам! Засиделись! Одним словом, завидую я тебе и желаю успеха.

- Спасибо. Может, позавтракаем? Ты ведь в гости приехал, на проводы!

- Нет, Михаил Семенович, - уклонился я, - вначале давай поговорим о деле. У меня есть претензии к вашей обороне. Ты

когда-то говорил, что у тебя замечательные оборонительные постройки, а они на деле оказались не такими: окопы и землянки оборудованы плохо, обогреваются люди кое-как, наблюдатели сидят под открытым небом.

- Неправда! - горячо возразил Назаров.

- Ну что ж, выходит, докладывают нам по-разному, а кому верить сказать трудно. Предлагаю выехать в ближайший полк и самим разобраться. Тогда уж со спокойной совестью и подпишем акт.

Поехали в полк, занимавший Володиху. Долго лазили по снегу, осматривали окопы, разговаривали с бойцами и командирами. Мои приемщики оказались правы.

- Черт возьми! Действительно недостатки есть, - согласился Назаров. Но ты же знаешь, - оправдывался он, - окопы есть окопы: они осыпаются, обваливаются, разрушаются снарядами и непогодой, заносятся снегом. За ними каждый день ухаживать надо. А землянки твои люди доделают по своему вкусу. Когда в квартиру вселяется новый хозяин, он всегда переделывает все по-своему. Вы теперь новые хозяева - вам и карты в руки.

Эта наша встреча с Назаровым поистине оказалась прощальной. Через месяц он сдал свою дивизию и выехал в тыл страны. Увиделись мы с ним только после войны.

* * *

Вскоре после приема от Назарова обороны наша дивизия приказом фронта была передана из 11-й армии в состав 34-й. В начале февраля меня срочно вызвали к новому командующему.

Командный пункт 34-й армии находился у Соснино, в 20 километрах от нашего расположения. Добраться туда, а тем более найти его в лесу оказалось не так-то просто.

Все лесные дороги были занесены снегом. Как нарочно, началась метель. Ехать пришлось ощупью, наугад. Лошадка моя по брюхо утопала в сугробах, измучилась, обессилела и еле-еле тянула сани.

С большим трудом, опоздав на целых два часа, добрался я, наконец до места. Из-за опоздания чувствовал себя неловко, волновался, ожидал замечания, но, к моему удивлению, все обошлось благополучно. Командный пункт новой армии, расположенный в бору с густой порослью молодого ельника, целиком был врыт в землю.

В блиндаже начальника штаба, куда меня провели, царила тишина. За рабочим столиком сидел седой генерал и, склонившись над картой, измерял что-то циркулем. От настольной электрической лампы разливался вокруг мягкий свет. Через открытую дверь виднелась маленькая спальня.

- Здравствуйте, здравствуйте! - поднимаясь из-за стола, любезно ответил на мое приветствие генерал-майор П. С. Ярмошкевич.

- Прошу извинить меня, товарищ генерал. Первый раз являюсь и то с большим опозданием, - оправдывался я.

- Ничего, ничего, погода-то ведь вон какая! Командующий уж беспокоился, не замела ли вас по дороге вьюга. Раздевайтесь! Сейчас пойдем к нему.

Генерал провел меня крытым ходом в столовую Военного совета и через нее на половину командарма. В столовой около длинного стола, накрытого к обеду, толпились и тихо переговаривались человек десять старших командиров.

Генерал-майор Николай Эрастович Берзарин принял меня радушно.

- Наконец-то! Очень приятно видеть дальневосточника, - улыбаясь, протянул он мне руку. - Как здоровье? Как дивизия?

На столе была развернута оперативная карта с нанесенной обстановкой. Тут же в коробочке лежали цветные карандаши, циркуль, резинки.

- Радуйтесь! - сказал командарм после моего короткого ответа. Радуйтесь и хорошенько запоминайте! Подойдите сюда поближе и внимательно смотрите, - пригласил он меня к оперативной карте. - На днях наша армия возобновит наступление. Ставкой и фронтом подтверждена задача - окружить демянскую группировку в составе шести - семи дивизий 16-й немецкой армии. Соседняя с нами армия генерала Морозова продолжает бои за Старую Руссу. На ее левом фланге командующий фронтом вводит прибывшие к нам во фронт 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса и 1-ю ударную армию. Эти войска нанесут улар из района Парфино на юг вдоль берегов Ловати и Редьи, рассекут фронт противника и отделят его старорусскую группировку от демянской. Вместе с армией Морозова они создадут внешний фронт окружения, вместе с нашей армией - внутренний, непосредственно вокруг демянской группировки.

Войска левого фланга нашей армии, - продолжал Берзарин, - 9 января прорвали оборону противника, продвинулись на расстояние свыше сорока километров и ведут теперь бои за Ватолино и Молвотицы. Они вновь переходят в наступление в общем направлении на Залучье, Коровитчино. Где-то здесь, на берегах Ловати, - генерал показал по карте, - и должна произойти встреча с войсками 1-го гвардейского корпуса. Ваша дивизия будет наступать на правом фланге армии вместе с 202-й стрелковой дивизией полковника Штыкова. Ей ставится серьезная

задача - форсировать болото Невий Мох, прорвать оборону противника и развить успех в направлении на Любецкое, Веретейка, Горчицы. На берегах реки Пола вы должны соединиться с войсками 1-го гвардейского корпуса, а может быть, даже и с войсками южной ударной группы армии. Но это мы еще уточним, - сказал Берзарин, оторвавшись от карты. - На смену и сосредоточение вашей дивизии будет предоставлено два - три дня и один - два дня на марш ее в исходное положение. Ясно?

- Все ясно, товарищ генерал.

- Очень хорошо. Имейте в виду, все, что вы узнали сейчас от меня, это только для вашей личной ориентировки и проведения подготовительных мероприятий. Письменный приказ на смену получите завтра, а приказ на наступление - через два - три дня.

- А как с Карельским полком? Он возвратится в дивизию? - спросил я.

- Нет. Он держит оборону у Лычково, и заменить его пока некем, ответил Берзарин. - А теперь пойдемте пообедаем, - пригласил он. - Там я познакомлю вас с командирами других дивизий, а главное, с полковником Штыковым - вашим соседом слева. С ним вам надо держать тесный контакт.

Обед проходил непринужденно, по-домашнему.

С большим интересом и вниманием присматривался я ко всему, что происходило за столом, к моим новым боевым товарищам, вместе с которыми предстояло провести в эту зиму, может быть, не один бой.

Командарм держал себя просто, как старший товарищ, шутил, смеялся, подтрунивал над некоторыми командирами. Те не оставались в долгу. По их поведению в присутствии старшего начальника и обращению между собой чувствовалось, что коллектив здесь спаянный, а командарма не только уважают, но и любят.

Мне самому генерал Берзарин нравился уже давно, еще со времени нашей совместной службы на Дальнем Востоке. Да не я один, очень многие любили его в нашей дивизии, любили и гордились им, как своим старым однополчанином. Всего несколько лет назад он отлично командовал у нас Казанским полком, а теперь уже командарм!

Чувствовалось, что большим авторитетом среди командиров пользуется и начальник штаба генерал Ярмошкевич, скромный старый служака, длительное время проработавший преподавателем военной академии. Верный своим педагогическим правилам, он и за обедом не переставал поучать молодых командиров. В руках у него оказалась объемистая рабочая тетрадь в мягкой коричневой обложке, которой он как бы

играл, то скатывая ее трубочкой, то перекладывая из руки в руку. Тетрадь невольно привлекла к себе внимание и вызвала кое у кого недоумение, а потом и шутку.

- И зачем это начальнику штаба школьная тетрадь? - посмеиваясь, спросил один из командиров.

- А вы не смейтесь, - ответил генерал. - У меня таких тетрадей скоро полсейфа накопится. Окончим мы с вами войну и вновь соберемся в стенах академии, и вот тут-то и понадобятся все мои тетради для обобщения боевого опыта. Кто попадет тогда ко мне, тот смеяться уж не станет, он поймет, зачем я записывал, собирал и накапливал тетради. Так-то! Генерал с любовью похлопал ладонью по коричневой обложке.

Не смеяться надо было, а брать пример с него. Я с тех пор тоже начал вести записи, часто заглядывал в них, чтобы не повторять ошибок, надеялся после войны на досуге подытожить пройденный боевой путь.

Передав оборону другим частям, дивизия готовилась к маршу. В полках шли строевые смотры, проверялась боевая техника, проводились собрания.

- Не проехаться ли нам к Свистельникову? - предложил я комиссару. Людей посмотреть, да и себя показать.

- С удовольствием! - согласился Шабанов. Через час мы уже были в шестой роте - лучшем подразделении полка. За день до смены она захватила здоровенного фельдфебеля. Перед рассветом между взводными районами просочилась немецкая разведка. Ее обнаружили и обстреляли. Гитлеровцы бросились наутек. В погоню устремились ротные связные Ченцов и Шумов. Они-то и взяли в плен фельдфебеля.

Занимала рота три крестьянские избы. Отдыхали бойцы на полу, на толстом слое чистой соломы, прикрытой плащ-палатками.

Завязалась беседа.

- Располагаемся, как у тещи в гостях, - шутили бойцы. -Спать только неудобно: ни тебе пуль, ни мин, ни снарядов, даже тоска берет.

- А не жалко расставаться с такими хоромами? Скоро ведь в поход, а отдохнули маловато.

- Спасибо и на этом. Хорошего понемножку, - сказал кто-то.

Всех интересовал вопрос: далеко ли пойдем, когда и в каком месте станем наступать. Бойцы с любопытством посматривали то на меня, то на комиссара, ожидая наших ответов.

- Пойдем на запад, километров сорок отсюда, - сказал я, - а где наступать будем, мы и сами пока не знаем. Увидим потом, торопиться некуда, да и немец не убежит от нас.

- Разве убежишь от шестой роты? - поддержал меня Шабанов. - Эти молодцы и под землей достанут. Не подведете?

- Постараемся, товарищ комиссар!

- А где же наши специалисты по "языкам"?

- Ченцов и Шумов? Они в другой избе.

- Позовите их! - распорядился командир полка. И вот перед нами два молоденьких красноармейца. Они похожи друг на друга: оба белокуры, со светло-серыми глазами и округлыми юношескими лицами. Ченцов только чуть поплотнее, покряжистее.

- И как только вы захватили его? - смеется Шабанов, осматривая их с головы до нет. - фельдфебель - верзила под потолок, в два раза больше каждого из вас.

- Маленькие, да удаленькие, товарищ комиссар, Новгородцы! - говорит командир полка.

Я поблагодарил Ченцова и Шумова за службу и пожал им руки.

- Служу Советскому Союзу! - дружно ответили они.

- Товарищ полковник! Я их к награде представил, к медали "За отвагу", - выступив вперед, доложил командир роты.

- Поддержим - заслужили!

...Новгородский полк двинулся в путь в предвечерних сумерках. Следом за ним потянулся и штаб дивизии.

Сам я решил в эту ночь заехать в Карельский полк, в котором уже давно не был, да заодно побывать и у полковника Штыкова.

На участок Карельского полка добрался около полуночи и, прежде чем найти место штаба, долго блуждал вдоль полотна железной дороги. Искусно врезанные в высокую насыпь и хорошо замаскированные землянки не только ночью, по и днем разыскать было трудно. Ночью их выдавали лишь искры и легкое зарево над блиндажами. По ним я и нашел командный пункт. Полк оборонялся на широком фронте. Центр его находился севернее Лычково, а фланги вытянулись вдоль полотна железной дороги.

Встретил меня новый командир полка подполковник Николай Васильевич Заикин. Я выслушал его доклад, а затем вместе с ним обошел ближайшие подразделения. Мое появление насторожило карельцев. Их интересовало: на старом ли месте дивизия, скоро ли будем наступать, возвратится ли полк в ее состав? В меру возможности мы постарались удовлетворить это любопытство и разъяснить, что успех дивизии во многом будет зависеть от их стойкости.

- На карельцев можете надеяться. Мы не подводили и не подведем, заверили меня бойцы.

Подполковник Заикин с первой же встречи показался мне

хорошо знающим дело и заботливым командиром. За короткий срок он сумел не только изучить людей, но и войти в курс всех прошлых боев полка, узнал его историю. С особым уважением он отзывался о своем предшественнике подполковнике Михееве, хотя и не знал его лично. Светлая память о Михееве продолжала жить в полку.

Уехал я из полка со спокойной душой. К Штыкову добрался уже на рассвете и тоже с трудом разыскал его среди разбросанных по лесу н заснеженных хуторов Яблони Русской.

Располагался он в плохоньком крестьянском домишке с земляным полом и двумя крошечными окошками. Бледный свет утренней зари еле-еле проникал внутрь. На длинных во всю стену нарах отдыхали штабные командиры, связисты и среди них командир дивизии. Его разбудили. Набросив на плечи полушубок, Штыков присел со мной у окошка. Выглядел он устало и показался мне еще меньше и суше, чем в нашу первую встречу у командарма. Кутаясь в полушубок, поеживаясь и вздрагивая от холода, он стал знакомить меня с обстановкой.

Его 202-я стрелковая дивизия, уже значительно обескровленная и разбросанная по лесу, занимала 15-километровую полосу. Своим левым флангом, вытянутым вдоль железной дороги, она примыкала к Карельскому полку и оборонялась, а ее правый фланг, поднятый от железной дороги на восемь километров к северу, вел наступление. Правый фланг должен был овладеть двумя сильными опорными пунктами Вершина и Высочек, расположенными на восточном берегу болота Невий Мох.

С выполнением задачи у Штыкова пока не клеилось. Атаки пехоты, плохо обеспеченные артиллерией, успеха не имели. Потери росли.

Я посочувствовал ему и пообещал в ближайшие дни оказать посильную помощь.

О Штыкове в армии шла хорошая молва. Соседи уважали его. Впоследствии и меня сдружила с ним совместная борьба с врагом.

Наутро из армии поступило два приказа: одним - дивизии ставилась задача на наступление, а другим - наш начальник штаба комбриг Корчиц переводился в другую армию на должность командира дивизии. Все мы от души порадовались новому назначению Корчица: он вполне заслужил его.

Владислав Викентьевич Корчиц и его предшественник Павел Федорович Батицкий очень помогли дивизии: наш штаб вырос при них и хорошо слаженный и боеспособный орган управления. Как с тем, так и с другим расстались мы тепло, большими друзьями, обещая в будущем помогать друг другу. Жалели

только, что дивизия накануне серьезных наступательных боев опять осталась без начальника штаба.

Зимнее наступление

Перед нами стояла задача - форсировать болото Невий Мох, переправиться с его восточного берега на западный, затем спуститься берегом на десять километров южнее и, снова развернувшись на запад, повести наступление на Любецкое, Веретейка.

Этим маневром будут обойдены и потеряют свое тактическое значение опорные пункты Вершина и Высочек, за которые бьется теперь дивизия Штыкова. В этом и скажется наша реальная помощь левому соседу.

Болото Невий Мох - обширное пространство в междуречье Полометь и Полы, к юго-востоку от озера Ильмень. Длина его достигает сорока, ширина - от трех до десяти километров. Изрезанные берега болота и острова причудливой формы покрыты густым лесом. Отдельные деревья растут и по всему заболоченному пространству. Болото проходимо только зимой. Посреди него находится длинный лесистый мыс Урочище Вершинский Кремняк, занимаемый вражеским боевым охранением, а за ним - остров Саватес, превращенный фашистами в сильный опорный пункт. Избежать боя никак нельзя. Кремняк и Саватес преграждают нам путь.

В первый же день наша боевая разведка овладела северной частью Кремняка. Поставленная на лыжи, она широкой цепью ринулась через болото. Бой был коротким и успешным.

С наступлением темноты к берегу подтянулись Новгородский и артиллерийский полки. Но неожиданно произошла задержка. Оказалось, что по болоту трудно пройти без лыж и совершенно невозможно протащить артиллерию и обозы. Бойцы по пояс проваливались в снег, касаясь ногами незамерзшей болотной воды. Создалась опасность обморозить людей.

Пришлось приостановить выдвижение в Кремняк и всю первую половину ночи затратить на подготовительные работы. Пехотинцы и саперы начали прокладывать два маршрута: тропу для пеших и санную дорогу для артиллерии и обозов. Снежный пласт разгребался до слабенькой подснежной корки, затем дорога гатилась ветками и смачивалась водой. Освобожденная от снега поверхность быстро леденела и превращалась в плотное покрытие.

Вторая половина ночи ушла на переброску в Кремняк двух полков. Штаб дивизии к утру переместился на восточный берег и, раскинув палатки, приступил к работе.

Светало. Подернутое утренней зарей безоблачное небо

поминутно меняло оттенки. От сильного мороза трещали деревья, скрипело под ногами и полозьями. Мороз обжигал лицо.

Над Кремняком, в том месте, где сосредоточились наши полки, в небе висело облако белесого дыма. И чем сильнее разгоралось утро, тем больше беспокоило меня это облако. В любую минуту мог появиться воздушный разведчик и, обнаружив скопление войск, навести бомбардировщиков.

Не выдержав, я поспешил туда сам. Волнение мое оказалось не напрасным: в Кремняке творилась неразбериха. На узкой полосе, в которую упиралась дорога, сбились люди и лошади, обозы и артиллерия. В лесу снег оказался еще более рыхлым и сыпучим, чем на болоте, он буквально засасывал.

Морозное утро встряхнуло людей, лес гудел голосами, у походных кухонь толпились очереди за завтраком. Тянуло дымом от затухающих костров и кухонь, и этот дым, собравшись в облако, стелился над лесом и демаскировал. Большого труда стоило мне развести людей, рассредоточить артиллерию и обозы.

Подтвердив командиру Новгородского полка задачу - овладеть островом Саватес, - я возвратился в штаб.

Там меня поджидал генерал Берзарин. Прибыл он к нам спозаранку, после бессонной ночи, возбужденный и обеспокоенный неприятным разговором со штабом фронта. Его плотная фигура в полушубке и валенках маячила между штабными палатками и санной дорогой. Он то и дело посматривал на болото.

- Как дела? - тревожно спросил Берзарин, когда я соскочил с саней п подошел к нему.

- Все в порядке, товарищ командующий.

Подробно доложив обо всем, что было сделано за ночь и утром, я рассказал и о своих дальнейших намерениях. Берзарин внимательно выслушал меня. Его хмурое, озабоченное лицо оживилось и приняло обычное приветливое выражение. Взяв меня под руку и прохаживаясь, генерал говорил:

- Имейте в виду, на вашу дивизию я возлагаю большие надежды. Выходом западнее болота и наступлением на юго-запад вы должны нарушить всю оборону противника, вынудить его произвести перегруппировки и тем самым облегчить задачу Штыкову. Возможно, в глубине встретите новый подготовленный противником рубеж. Прорывайте его, не теряя времени, действуйте смелее и увереннее. От меня этого требует командующий войсками фронта, а я требую от вас.

Я заверил командарма, что все его требования будут выполнены, и в то же время доложил ему, что меня сильно тревожит открытый правый фланг. К тому же на западном берегу

болота, там, где дивизия должна сделать разворот к югу, находится опорный пункт противника Пустынька, который также может угрожать нашим тылам.

- Ко мне прибудет лыжный батальон, - сказал командарм. Направлю его для обеспечения стыка, а возможно, и подчиню вам. С Пустынькой же следует разделаться самим. Да, самим. И это, пожалуй, будет выгоднее всего.

- Пустынька отвлечет на себя часть моих сил, а их у меня и так немного. Нельзя ли высвободить и возвратить мне Карельский полк? - попросил я.

- Нет. Такой возможности пока не предвидится, - сказал Берзарин. - Все задачи придется решать наличными силами.

- Тогда у меня еще одна просьба - ускорить назначение начальника штаба дивизии.

- Это сделаю. Сегодня же пришлю.

Пожелав дивизии успеха и напомнив еще раз о необходимости решительных действий, Берзарин уехал.

Во второй половине дня я снова был на болоте. Погода резко изменилась. Подул ветер, густыми хлопьями повалил снег. Видимость сократилась. За остров Саватес разгорался бой: там наступал батальон Чуприна.

Прокладка дороги к западному берегу шла успешно. Работы велись уже севернее Саватеса. Наступившее ненастье позволяло полку начать продвижение, не ожидая темноты. И я стал торопить Свистельникова.

План был таков: прикрываясь батальоном Чуприна, полк выходил на западный берег, а оттуда повертывал на Любецкое. По прямой до Любецкого насчитывалось около двенадцати километров. В голову колонны полка Свистельников направил батальон старшего лейтенанта Лютикова.

По бездорожью и глубокому снегу батальон мог продвигаться только налегке: без артиллерии, минометов, обоза, с одними пулеметами на лыжных установках. Головную роту поставили на лыжи. Она должна была прокладывать маршрут и утрамбовывать снег, чтобы дать возможность пройти всему батальону.

Батальон получил задачу - ночным маршем сблизиться с противником, выйти на подступы к Любецкому и внезапной атакой овладеть этим населенным пунктом.

Вечерело. Густой снег продолжал слепить глаза. Пообедав и оставив свой транспорт в Кремняке, пехота начала строиться в колонну вдоль проложенной дороги. Когда я и Свистельников подошли к батальону, Лютиков, окруженный командирами рот, ставил задачу. Говорил он отрывисто, сопровождая слова резким взмахом правой руки.

В головную заставу выдвигалась шестая рота лейтенанта Балабанова. Она получила задачу обойти остров Саватес с севера и продвигаться берегом болота на юго-запад. Через десять километров марша рота должна была повернуть строго на запад и, выйдя на подступы к Любецкому, прикрыть сосредоточение батальона.

Задача по своему замыслу была проста - не сбиться с направления и выйти в заданный район. Но ее исполнение в условиях ночи, лесною бездорожья и ненастной погоды таило немалые трудности.

Застава тронулась, а вслед за ней двинулся весь батальон Лютикова. Через час должны были выступить и главные силы полка.

Свистельников попросил высвободить ему батальон Чуприна, и я обещал сделать это к утру независимо от результатов боя за остров. Нужно было подготовить дивизионную школу младшего начсостава, и поэтому я, не ожидая выступления главных сил, вернулся на командный пункт.

* * *

Снег шел всю ночь. Саперы выбивались из сил, расчищая дорогу.

Опорный пункт Саватес был взят, и батальон Чуприна получил возможность присоединиться к полку. Прибывшей для смены батальона школе младшего начсостава участвовать в бою не пришлось. Утром курсанты вместо ожидаемого боя оказались на своеобразной экскурсии. Они с интересом осматривали оборонительную систему острова: противопехотные минные поля, проволочные заграждения, разбросанные по опушкам леса, пулеметные площадки на деревьях, систему просек с легкими дзотами для перекрестного огня перед опушкой и в глубине леса.

По всему было видно, что гитлеровцы намеревались серьезно защищать остров и готовились обороняться всю зиму.

Бросалось в глаза отсутствие земляных построек. Блиндажи и землянки заменялись утепленными солдатскими шалашами продолговатой формы с длинными, вовсю стену, нарами и рублеными офицерскими домиками с двойными стенками. Углубляться в землю не позволяла подпочвенная вода.

У шалашей под навесами хранились огромные, неуклюжие, сплетенные из соломы эрзац-валенки.

Штабелями лежали ящики с неиспользованными минами для малокалиберного ротного миномета, который в зимних условиях оказался непригодным: легкая мина при падении в снег не взрывалась.

Кроме курсантов, на острове побывали разведчики, саперы,

связисты. Приезжала группа командиров Казанского полка. Всем хотелось познакомиться с обороной врага в болотистом лесу.

Пробыв почти весь день в Кремняке и на болоте, я продрог, простудился и ночью заболел ангиной. Температура подскочила до сорока, заложило горло, пропал голос. На два дня я вышел из строя.

А события на фронте продолжали развиваться. Правда, не так, как хотелось нам.

От Новгородского полка донесения поступали с перебоями. С большим трудом прибивал он себе дорогу. Подобно огромному бураву, врезался полк в полутораметровый слой снега, сверлил и разбрасывал его в стороны, подминал под себя и в образовавшийся проход втягивал сначала голову, потом туловище, а затем уже длинный хвост из артиллерийских и санных запряжек.

Без помощи каких-либо дорожных машин люди боролись со снежной стихией и шаг за шагом отвоевывали пространство. Более суток затратил полк на прокладку двенадцатикилометровой дороги и выдвижение к своей цели.

На второй день, под вечер, в штабе дивизии с часу на час ожидали доклада Свистельникова о соединении с Лютиковым и вступлении в Любецкое. Но, к общему разочарованию, поступили сведения иного характера.

Пробившись через лес, полк вышел на подступы к населенному пункту, занятому противником, а батальона Лютикова там не оказалось. Какой перед полком населенный пункт, где сейчас Лютиков, командир полка не знал: находясь со своим штабом в лесу, он потерял ориентировку.

День подходил к концу, между тем положение у Свистельникова не менялось, сам он все больше и больше терял уверенность в своих действиях.

Вечером мне удалось с помощью адъютанта переговорить с командиром полка.

- Что вы сейчас делаете?-спросил я у Свистельникова.
- Уточняем положение.
- Ну и что же, уточнили хоть сколько-нибудь?
- Да. Полк как будто бы находится у Любецкого.
- А где же Лютиков?
- С ним еще не связались.
- Вы атаковали Любецкое?
- Пытались, но безуспешно. Сковывает глубокий снег.
- Что же вы намерены делать?
- Выполнять задачу.
- Каким же образом?

- Пока еще не решил, но будем выполнять.

- Может быть, вы не у Любецкого, а у какого-либо другого пункта? Где вы сами-то? Что вы лично видите и слышите?- допытывался я, стараясь уяснить положение полка.

- Я в лесу, в километре от населенного пункта. Ориентиров здесь никаких нет. Днем вправо слышалась перестрелка, а теперь и там тихо. Пехота лежит на опушке, артиллерия находится на лесной поляне.

- Вы уточняли, кто вел перестрелку?

- Посылал разведку, но она возвратилась ни с чем.

Слушая доклад Свистельникова и всматриваясь в карту, я думал о действиях полка и о его командире. Дело обстояло не так уж плохо, как это представлялось Свистельникову. Попав в новую обстановку, резко отличавшуюся от обычной при обороне на хорошо изученной местности, он просто растерялся.

"Если полк находится у Любецкого, то это нетрудно проверить, рассуждал я. - В двух - двух с половиной километрах южнее проходит железная дорога, нужно только подтвердить это".

- У вас есть под рукой несколько лыжников? - спросил я у Свистельникова.

- Есть,- ответил он, - комендантский взвод, связисты, разведчики.

- Вышлите трех бойцов по азимуту 180 - прямо на юг, пусть они пройдут по лесу и определят расстояние до железной дороги. По возвращении немедленно доложите.

Минут через пятнадцать - двадцать Свистельников вызвал меня к телефону и сообщил, что лыжники возвратились. До железной дороги напрямик оказалось 600 - 700 метров.

- Правильно! Теперь скажите, где вы находитесь и за какой населенный пункт ведете бой?

- Извините, - виновато донеслось из трубки, - полк находится не у Любецкого, а перед Большим Калинцем.

- То-то и оно! Вы вышли на два километра южнее и втянулись в бой за Большой Калинец. А Лютиков вышел к Любецкому и, возможно, захватил его. Перестрелку, которую вы слышали справа, вел он.

- Все ясно. Черт знает, как я запутался, - удивлялся командир полка.

- Немедленно свяжитесь с Лютиковым и, если нужно, окажите ему помощь.

- А что же делать с Калинцем?

- Как что? Готовьте атаку и захватывайте. Разговор этот окончательно убедил меня, что Свистельников как командир полка со своими задачами не справится. Нужно срочно заменить

его другим, более энергичным, волевым и инициативным командиром, способным решать задачи самостоятельно, без излишней опеки. В обороне с ним можно было еще мириться, а для наступления в сложных условиях он явно не подходил. Но где взять другого командира? Ждать, пока пришлют из армии, слишком долго, да и пришлют ли его? Готовых командиров полков и там нет. Искать надо было у себя. Пригласил комиссара. Его мнение не расходилось с моим. Перебрали всех кандидатов и остановили свой выбор на майоре Корнелии Георгиевиче Черепанове - начальнике пятого отделения штаба дивизии, однофамильце моего адъютанта.

В штабе у нас Корнелия Георгиевича Черепанова называли Черепановым большим, а Федора Степановича Черепанова-маленьким. Это соответствовало и их служебному положению, и воинскому званию, и возрасту, и даже внешнему виду.

- Корнелий Георгиевич, думаю, подойдет, - сказал Шабанов. - Волевой командир.

- Подойти-то подойдет, да вот маловато у него командирской практики, командовал только взводом, а потом все время был на хозяйственных и штабных должностях.

- Да, командных навыков мало, это верно. Но я уверен, что он справится. Будем помогать,-заявил Шабанов.

- А не заменить ли нам и комиссара полка? И он там временный, предложил я.

- Правильно! Укреплять так укреплять.

Комиссаром полка мы решили назначить батальонного комиссара Егорова.

Решение о снятии Свистельникова было оформлено на другой день, когда нам стало известно о судьбе батальона Лютикова. В неуспехе батальона был повинен и Свистельников. Он явно переоценил молодого малоопытного комбата, а переоценив, ввел в заблуждение и нас.

С батальоном же Лютикова, как мне доложили, произошло следующее.

Незадолго до рассвета батальон вышел к Любецкому и, установив, что оно занято противником, атаковал. Бой длился не более десяти - пятнадцати минут. Захваченный врасплох и ошеломленный внезапным ударом, противник не мог оказать организованного сопротивления и был выбит из населенного пункта. Победителям достались натопленные дома, а кое-где даже готовый завтрак.

После напряженной бессонной ночи, после марша по снежным сугробам в мороз и снегопад усталых и замерзших людей потянуло к теплу.

Возбужденные боем, командир, комиссар и старший адъютант, сопровождаемые связистами и автоматчиками заскочили в освещенный дом, который полчаса тому назад занимало немецкое начальство.

- Иван Тихонович! А крепко мы им всыпали! Замечательно получилось! потирая застывшие руки и бегая по комнате, говорил Лютиков комиссару батальона старшему политруку Володину.-Я думаю,-продолжал он, - мы сделаем сейчас так: ты пойдешь по ротам и посмотришь, как они устраиваются-надо людей обогреть и накормить,-адъютант подсчитает трофеи и заготовит донесение командиру полка, а я соберу командиров рот и переговорю с ними. Не возражаете?

Возражений не было. Каждому хотелось поскорее выполнить порученное дело и хотя бы немного отдохнуть.

Минут через десять - пятнадцать командиры рот были уже в штабе и докладывали о том, какие они захватили трофеи и как устроились. Восседая за столом в позе победителя, Лютиков чувствовал себя превосходно.

А время шло. Снегопад прекратился. Брезжил рассвет. И вдруг застрекотали автоматы.

"Что такое? В чем дело?"

- Товарищи! Бегом по ротам! - закричал Лютиков, вскочив из-за стола. Он сразу понял, что произошло непоправимое.

Помещение опустело. Вместе с командирами рот выбежали старший адъютант и командир взвода связи.

- Товарищ старший лейтенант, скорее, скорее! - торопил Лютикова его автоматчик, - а то опоздаем!

Бой разгорался. К автоматной трескотне прибавились разрывы гранат.

Выскочив из дома и отбежав от порога всего на несколько шагов, Лютиков уткнулся в снег, сраженный автоматной очередью.

Было уже совсем светло, когда батальон, выбитый из Любецкого, вновь сосредоточился на опушке леса, откуда два часа назад он переходил в атаку.

- Что же произошло? - Где командир батальона? - спрашивал Володин у командиров рот. - Как это получилось?

А ответ был прост. Пришла расплата за головокружение от успеха, за самоуспокоенность и беспечность. Овладев Любецким, батальон занялся в первую очередь бытовыми вопросами и забыл про врага. Люди разбрелись по ломам греться и отдыхать. За это время гитлеровцы опомнились, получили подкрепление из Большого Калинца, внезапно контратаковали и заняли Любецкое.

Володин и командиры рот решили снова атаковать этот

населенный пункт и захватить его.

Повторная атака, однако, несмотря на ее настойчивость, успеха не имела. Противник оказывал упорное сопротивление. Потеряв около пятидесяти человек убитыми и ранеными, батальон вынужден был отойти. В числе раненых оказался и Володин. Рискуя жизнью, с большим трудом его вынесли из боя связные командира шестой роты Ченцов и Шумов.

Раненые отнимали много времени и внимания. За ними требовался уход, их надо было не только перевязать, но и накормить и обогреть. Из-за раненых отошли поглубже в лес.

Найден был батальон на второй день в лесу на подступах к Любецкому.

Так неудачно для Новгородского полка начался его второй наступательный бой.

Новому командованию предстояло срочно всё выправлять.

* * *

Почувствовав угрозу окружения своей демянской группировки, гитлеровцы начали срочно создавать новую полосу обороны к западу от болота Невий Мох, фронтом на восток.

Фашистское командование выдвинули на участок между болотом и рекой Пола свежую 290-ю пехотную дивизию, которая оседлала железную дорогу на Старую Руссу. Передний край обороны дивизии опирался на естественный рубеж из ряда населенных пунктов, вытянутых с севера на юг: Мотыренку, Большой и Малый Заход, Пестовку, Любецкое, Большой и Малый Калинец, Дуплянку, Ольховсц, Заречье. Эти десять населенных пунктов на фронте в двенадцать километров были превращены а опорные пункты, связанные между собой огневой системой. Каждый опорный пункт занимался одной - двумя пехотными ротами с пулеметами, орудиями, минометами.

Во второй линии, на глубине трех километров, к северу и к югу от железной дороги, в Большом Яблонове и Веретейке были созданы батальонные узлы сопротивления.

Полковые резервы н штабы полков располагались западнее, в Сельцо и Тополево. Штаб дивизии с дивизионным резервом занимал районный центр Пола.

Общая глубина оборонительной полосы немецкой дивизии достигала восьми - десяти километров.

Наша дивизия, форсировав болото Невий Мох и спустившись к югу, в первых числах февраля оказалась перед этой новой полосой обороны. Попытка Новгородского полка прорвать оборону с ходу и овладеть Любецким и Большим Калинцом успеха не принесла. Сосредоточившись восточное Большого Калинца, полк приступил к более тщательной подготовке.

Севернее Новгородского полка, против Любецкого, сосредоточивался Казанский полк.

Еще севернее для обеспечения правого стыка с соседней армией вышел армейский лыжный батальон.

Дивизионная школа младшего начсостава блокировала опорный пункт Пустынька. Левый сосед - дивизия Штыкова, используя наше выдвижение на юг, освободила Вершину и Высочек, срезала выступ и, выравнивая фронт, выходила своим правым флангом к линии железной дороги. Ее передовые части ввязались в бой за станцию и поселок Беглово.

Генерал Берзарин торопил меня с прорывом, но нас задерживали дороги н подъездные пути к районам сосредоточения, сковывал глубокий снег. Надо было подтянуть артиллерию и тылы, подвезти боеприпасы, продовольствие.

Перемещение нашей дивизии и ее подготовка к прорыву не остались незамеченными. Противник производил артиллерийско - минометные налеты по исходному положению. Новгородский полк дважды подвергался бомбежке. Медлить с атакой было нельзя, и Новгородцы атаковали. Однако, к большому нашему огорчению, задачи своей они не выполнили и Большим Калинцем не овладели. Полк израсходовал свыше тысячи снарядов и мин, но этого количества оказалось слишком мало.

Гитлеровцы приспособили для обороны дома, разместились в полуподвалах н на чердаках, за всем наблюдали и поливали нас прицельным огнем. Нашим подразделениям не удалось преодолеть открытого заснеженного поля, которое отделяло исходное положение от населенного пункта. Обычные приемы атаки не привели к успеху. Надо было искать что-то новое, более действенное.

Целый день мы с Шабановым, командиром полка и начартом изучали огневую систему противника, планировали новые варианты штурма. Всесторонне оценив обстановку, решили, что для успеха необходимо повысить действенность своего огня и сократить время броска в атаку.

К этому выводу мы пришли сами, другой нам подсказал генерал Берзарин, прибывший в дивизию на следующий после атаки день.

Я доложил командарму наш новый план. Если в предыдущей атаке участвовало шесть рот, то теперь число их сокращалось до трех. Зато исходное положение для броска мы при помощи отрытых в снегу траншей приблизили до ста метров. Артиллерийское обеспечение оставалось прежним, артиллерия подготавливала атаку с закрытых позиций.

Выслушав меня, командарм, хотя и не возразил против плана,

но, как мне показалось, не совсем остался доволен им.

- Обидно, товарищ генерал, что мы никак не можем пробить брешь в обороне, - откровенно признался я.

- А сделать это все-таки надо, - заметил Берзарин.

- Да, но как?

- Пушками.

- Снарядов маловато, товарищ командующий, - вставил Иноходов.

- А вы пушки поближе подвиньте, тогда и снарядов потребуется меньше.

"Конечно, если вести огонь прямой наводкой, тогда, пожалуй, и можно было бы выкурить немцев", - подумал каждый из нас. Но в то же время эта мысль показалась странной. Применять дивизионную артиллерию для стрельбы прямой наводкой по противнику, засевшему в жилых постройках, нам еще не приходилось.

- Жалко построек, товарищ командующий. Наши крестьяне десятками лет строили, а мы разрушать станем, - сказал Иноходов.

- А вам людей не жалко? Сколько вы их здесь потеряли? Останутся в живых люди, дома построят новые, а вот если людей не станет, то строить уже будет некому.

Казалось, и дело-то простое, а вот не додумались сами. Я поблагодарил командующего за совет.

Начинался снегопад. Командующий спешил по своим делам. Провожая его, мы попали под артиллерийский обстрел. Пришлось немного переждать в снегу под кустиками. Здесь мы случайно сделались свидетелями воинского подвига,

Небольшого роста боец в легком ватнике, подхватив под мышки другого, более плотного, одетого в полушубок и валенки, тащил его волоком по снегу. Оба тяжело дышали: один - от огромных усилий, другой - превозмогая сильную боль.

Присмотревшись, я узнал в маленьком бойце Катю, а в большом командира артдивизиона, поддерживающего батальон Чуприна.

- Что случилось. Катя? - спросил я у девушки, когда она доползла до кустов.

- Беда, товарищ полковник, капитана тяжело ранило. - Катя осторожно положила свою ношу на снег. Раненый открыл глаза и, облизнув запекшиеся губы, застонал.

- Почему ты одна его тащишь?

- Мы вдвоем с разведчиком вели, разведчика убило, а капитана ранило во второй раз. Теперь я одна осталась.

- Помоги! - сказал я адъютанту.

Адъютант осторожно поднял капитана и направился на батальонный медпункт. Следом за ним заторопилась и Катя.

- Чудесная девушка! - похвалил Берзарин. - Не забудьте представить к награде.

Через два часа на опушку для стрельбы прямой наводкой выдвинулись дивизион капитана Нестерова (двенадцать пушек) и вся полковая артиллерия. Каждому орудийному расчету были указаны цели.

План артподготовки пришлось изменить. Он выглядел теперь совсем просто: орудия прямой наводки в течение пяти минут ведут самый напряженный огонь на разрушение и подавление.

Под прикрытием огня прямой наводкой пехоте предстояло сделать бросок и ворваться в населенный пункт.

Артиллерия с закрытых позиций должна была отражать возможные контратаки, парализовать огонь соседних опорных пунктов и преследовать противника при отходе.

В четыре часа дня полк атаковал. С той же опушки, где несколько часов назад стоял Берзарин, я вместе с Шабановым, Черепановым и Егоровым наблюдал за ходом боя.

Это был прекрасно слаженный скоротечный бой.

Внезапный шквал огня в упор из двадцати дивизионных, полковых и батальонных орудий в сочетании с огнем пулеметов и автоматов быстро сделал свое дело. Рушились стены, валились чердаки и крыши; огонь и дым, пламя разрывов ошеломили противника. Не успел он опомниться, а пехота уж ворвалась на улицу. Туда же, для закрепления успеха, артиллеристы покатили пушки.

После десятиминутного боя Большой Калинец был освобожден.

Так была пробита в обороне врага первая брешь. Ключом победы явилась прямая наводка. Три сотни снарядов в упор оказались действеннее тысячи снарядов, выброшенных ранее издалека, с закрытых позиций.

Берзарин, выслушав мой доклад, был удивлен той быстротой, с которой мы на этот раз разделались с опорным пунктом.

Всем участникам штурма Большого Калинца генерал объявил благодарность.

Следующими объектами, которые нам предстояло захватить, являлись Любецкое и Малый Калинец. Но теперь, когда ключ борьбы был найден, задачи эти не представляли большой сложности. При атаке Казанским полком Любецкого и Новгородским - Малого Калинца был использован положительный опыт Новгородского полка. Опять исключительную роль сыграли орудия прямой наводки. И

Любецкое и Малый Калинец удалось освободить почти без потерь.

С освобождением этих трех населенных пунктов ширина прорыва достигла четырех километров. В эту брешь для развития успеха в сторону Веретейки устремился Новгородский полк. Казанский же полк временно остался на рубеже Любецкого, чтобы прикрыть дивизию от контратак справа и затем развить успех в направлении на Большое Яблоново.

* * *

Сидели мы в обороне - спокойно было с кадрами. Тронулись наступать тронулись и наши кадры.

Не успели проводить комбрига Корчица и распрощаться с майором Свистельниковым, как вскоре пришлось расстаться с начартом Иноходовым, командиром Казанского полка Герасименко, комиссаром полка Антоновым, комбатом Чуприным.

Иноходов уезжал в глубь страны для передачи боевого опыта новым войсковым формированиям. На его место был назначен подполковник Павел Георгиевич Носков.

Герасименко назначили командиром стрелковой бригады, Антонова начальником политотдела дивизии.

В Казанский полк прислали из армии нового командира, но он оказался больным, прокомандовал всего неделю и уехал обратно. В командование полком вступил начальник штаба майор Саксеев.

Самым неприятным и, как мне казалось, ничем не обоснованным явился перевод в дивизию Штыкова нашего лучшего комбата капитана Чуприна.

О его переводе я узнал впервые от него же самого за час до атаки Казанским полком Любецкого. Чуприн явился ко мне на НП. Выглядел он на этот раз необычно. Я привык видеть Чуприна бодрым, подвижным, а теперь он как-то весь сник. Капитан явно был чем-то расстроен.

- Почему вы здесь, а не готовите атаку на Малый Калинец?- спросил я у него.

- Товарищ полковник, я пришел к вам с разрешения командира полка, по личному делу.

- Случилось что-нибудь?

- Поступило распоряжение направить меня в отдел кадров армии.

- А почему вас хотят перевести, разве вы просили об этом?

- Нет. Я никуда не хочу из своего полка. Делается это помимо моего желания.

- Кому же нужен перевод? Я вами доволен, новый командир полка тоже. Он за Большой Калинец представляет вас к награде.

Вы знаете об этом?

- Знаю, - тихо ответил Чуприн и, потупившись, добавил: -Мне кажется, товарищ полковник, перевод связан с Катей. Вы ведь знаете Катю Светлову?

- Знаю. Славная девушка. Но она-то при чем здесь?

- Видимо, нашлись недоброжелатели, которые завидуют чужому счастью. Вот они и стараются разлучить нас. Товарищ полковник, - продолжал Чуприн, я пришел просить вас оставить все по-старому.

- Если не поздно, то постараюсь, - пообещал я ему.

- Ну а если перевод вес же неизбежен, тогда чем помочь вам? - спросил я у Чуприна.

Он задумался, как бы не решаясь высказать свою самую заветную мысль. Но, посмотрев на меня и увидев в моих глазах сочувствие, попросил:

- Позвольте тогда взять с собой Катю.

- Вот что, товарищ Чуприн, - после некоторого раздумья ответил я, пока не разберусь с переводом, не смогу дать ни положительного, ни отрицательного ответа. Придется подождать до завтра.

Вечером я позвонил начальнику отдела кадров армии. Он ответил:

- Перевод связан с особыми соображениями. Приказ уже подписан.

Все стало ясно. Чуприн в своих предположениях оказался прав. А для меня приказ подлежал не обсуждению, а выполнению.

Наутро я был на НП командира Новгородского полка и наблюдал за атакой Малого Калинца.

Атаковал батальон Чуприна. Его целиком поставили на лыжи, собрав их со всего полка, чтобы совершить пятисотметровый бросок от железной дороги по чистому полю как можно быстрее.

Атака была проведена образцово. Великолепно показала себя артиллерия Нестерова, прекрасно действовала и пехота Чуприна, а сам комбат выглядел настоящим орлом.

В освобожденном Калинце я поздравил Чуприна с успехом и объявил благодарность.

"Служу Советскому Союзу",- вытянувшись радостно ответил он.

Чуприн стоял передо мной в своей неизменной телотрейке, легкий как ветер, готовый броситься куда угодно по первому моему приказу. Я с восхищением смотрел на него.

- Слушайте, капитан, а я не ожидал, что вы лично поведете батальон в атаку, - признался я ему. - Мне казалось, что, узнав о переводе, вы уже не в состоянии будете сделать это.

- Нет, товарищ полковник, я очень люблю свой батальон и, пока не получу приказ сдать его, всегда буду с ним, - ответил он.

- Честь и хвала вам. А все-таки, товарищ Чуприн, придется нам с вами расстаться, - сказал я после непродолжительной паузы. - Приказ о переводе получен, и мы должны его выполнить. С ходатайством об оставлении вас в полку я опоздал.

Чуприн на мгновение побледнел, но четко ответил:

- Слушаюсь! Кому прикажете сдать батальон?

- А кого бы вы считали достойным преемником? Кто сможет заменить вас?

- Старший лейтенант Крелин. Достойнее его никого нет, - не задумываясь, ответил Чуприн.

- Пожалуй, так и сделаем, - сказал стоявший рядом Черепанов.

- Вам виднее, - согласился я. Наступила пауза. Я ожидал от Чуприна вопроса о Кате, но он молчал.

- Перед отъездом зайдите ко мне, я напишу письмо Штыкову, - сказал я Чуприну.

- Спасибо, товарищ полковник, зайду. Сделав крутой разворот, он легко заскользил на лыжах на окраину захваченного населенного пункта наводить порядок, а я вместе с командиром полка направился на НП.

* * *

Удар за ударом наносили наши войска под основание Демянского выступа, и один за другим откалывались от обороны противника опорные пункты.

Все больше округлялся выступ и все уже становился перешеек, соединявший выступ с основной линией фронта, проходившей где-то западнее реки Ловать.

И чем уже делался перешеек, тем ожесточеннее сопротивлялся враг.

На помощь своим войскам, оборонявшимся восточное реки Пола, гитлеровское командование бросило транспортную авиацию. Целыми днями кружили в небе немецкие самолеты, сбрасывая на парашютах вооружение, боеприпасы, продовольствие.

Наше фронтовое командование требовало от своих соединений ускорить темп наступления и стремилось одновременными ударами с севера и юга как можно скорее соединить ударные группировки и завершить окружение.

26-я стрелковая дивизия своим Новгородским полком, располагавшимся на левом фланге, выдвинулась на подступы к Веретейке, а ее правый фланг, в том числе лыжный батальон, передаюший нам из армии, находился в пятнадцати километрах

севернее, у Лутовни.

Соседняя с нами армия генерала Морозова вела бои за Старую Руссу.

Войска 1-го и 2-го гвардейских корпусов и 1-я ударная армия, прорвавшись из района Парфино на юг, сражались в междуречье Ловати и Порусьи, отделяя старорусскую группировку противника от демянской.

Веретейка расположена на возвышенности и командует над окружающей местностью. В разных направлениях от нее расходятся восемь дорог на Любецкое, Большое Яблоново, Полу, Тополево, Подбело, Горчицы, Гривку, Дуплянку.

Генерал Берзарин, подтвердив задачу дивизии - овладеть Веретейкой, настойчиво торопил с выполнением.

Борьба за этот сильно укрепленный узел приняла ожесточенный характер.

Гитлеровцы, учтя нашу тактику коротких огневых ударов прямой наводкой и быстротечных атак, создали вокруг Веретейки внешний оборонительный обвод. С трех угрожаемых сторон они опоясали ее двухметровым снежным валом с амбразурами для стрельбы из автоматов и пулеметов.

Высокий снежный вал, удаленный от построек на двести-триста метров, хорошо маскировал огневые средства, позволял немцам скрытно маневрировать вдоль фронта живой силой и таким образом создавать преувеличенное впечатление о своих силах и огневой мощи. С населенным пунктом вал был соединен прорытыми в снегу траншеями.

Попытка Новгородского полка овладеть Веретейкой с ходу оказалась неудачной. Снежный вал явился дополнительным препятствием, помешавшим нашей атаке.

Черепанов готовил новую атаку: бойцы разгребали снег, сближались с противником, подкатывали поближе к валу орудия.

Под утро полк атаковал вторично, однако опять безуспешно. Правда, пехоте удалось проникнуть через вал и захватить на окраинах несколько домов, но закрепиться там она не смогла. Ожесточенными контратаками гитлеровцы восстановили положение.

Утром мне предстояло отчитаться за неудачную ночную атаку и принять другое, более действенное решение.

Кто командовал, тот знает, как тяжело докладывать старшему начальнику о неуспехе, объяснять, почему не выполнен приказ. Выслушав мой доклад, Берзарин огорчился, но упрекать меня не стал.

- Помочь вам я уже больше не смогу ничем, - сказал он. - Принимайте меры сами, а Веретейка должна быть взята. И как можно скорее. Этого требуют фронт и Ставка.

Да, эти требования были справедливы. Веретейский узел тормозил наше продвижение навстречу южной ударной

группировке армии, и захватить его надо было во что бы то ни стало. От этого во многом зависел успех не только армейской, но и всей фронтовой операции.

Мучительно долго не приходило решение. Новгородский полк ни днем ни ночью не справился со своей задачей, сил и средств у него оказалось мало. А где же взять новые силы? Может быть, использовать Казанский полк? Но ведь он решает свои задачи.

После долгих колебаний я все-таки решил снять Казанский полк со старого направления и перебросить его под Веретейку. При этом возникала одна серьезная опасность: противник мог с оголенного участка нанести нам удар в спину и отрезать нас от коммуникаций. Но выхода другого не было, приходилось идти на риск.

Я отдал приказ ночью атаковать Веретейку всеми наличными силами дивизии: Новгородским полком - с севера, Казанским- с юга. На старом направлении Казанский полк для маскировки оставлял лишь одну роту. Наступила третья, последняя, ночь нашей борьбы за Веретейку. Казанский полк, оставив свой участок у Лю-бецкого и незаметно оторвавшись от противника, двинулся через Большой Калинец в направлении на Веретейку. Ему предстояло проскользнуть мимо занятого гитлеровцами опорного пункта, расположенного на высоком холме, пересечь дороги из Верстейки на Гривку и Горчицы, по которым противник маневрировал резервами, поддерживал связь между опорными пунктами и обеспечивал снабжение своих частей, и занять исходное положение.

Малейшая неосторожность могла привести к потере внезапности и срыву всего намеченного плана. На это я и обратил внимание командира полка и двух его комбатов, явившихся ко мне за получением задачи.

По своему характеру и командирским качествам комбаты Казанского полка резко отличались один от другого. Командир первого батальона старший лейтенант Седячко во всем был исключительно осторожен, очень дисциплинирован и упорен в достижении цели.

Командиру второго батальона старшему лейтенанту Каминскому недавно исполнился 21 год. Для солидности он отпустил пышный чуб и маленькие усики. За чуб, за удаль друзья называли его донским казаком.

В противоположность Седячко Каминский был подвижен, решителен и горячо брался за выполнение любой задачи.

Если Седячко хорош был в обороне, где события развиваются медленно и есть время всесторонне взвешивать их, то в

наступлении незаменимым становился Каминский.

Зная обоих комбатов, я одобрил решение командира полка выделить в первый эшелон батальон Каминского.

Проводил Казанский полк до Малого Калинца и долго смотрел ему вслед, пока последние ряды не растаяли в темноте...

Потянулись часы и минуты, полные тревог и ожиданий.

Мой наблюдательный пункт - в Большом Калинце. Со мной комиссар, начарт, адъютант и по одному командиру от отделов штаба: оперативного, разведки, связи.

Размещаемся мы вместе с узлом связи в полуподвале одного из полуразрушенных домов. Сюда загнал нас холод, и спрятаться от него больше негде: прямая наводка сделала свое дело.

Из Калинца хорошо просматриваются и Веретейка, где развернулся бой Новгородского полка, и Дуплянка, за которую дерется дивизия Штыкова, и правый фланг в сторону Любецкого, Пестовки. Большого Яблоново, куда наступал ранее Казанский полк.

Где идут бои - легко определить по звукам и пожарам. В небо тянутся густые столбы дыма, а затем, расплывшись, стелятся над населенным пунктом. Ночью зарево пожаров, отблески разрывов и искрящиеся потоки трассирующих пуль еще резче обозначают места боев.

Каждые десять минут из полвала поочередно вылезают командиры штаба и, забравшись на разбитый чердак, смотрят, не появится ли что-нибудь новое. Особенно беспокоит маневр Казанского полка. Как бы не наскочил он на кого-либо и раньше времени не обнаружил себя. Но пока всё идет по намеченному плану.

Новгородский полк атаковал северную окраину Веретейки несколько раньше Казанского, чтобы все внимание противника, как и раньше, привлечь на себя. Медленно вгрызался в оборону батальон Крелина. Штурмом брался каждый дом. Завершали дело автоматы и ручные гранаты, а когда не помогали и они, то подкатывались пушки.

Батальону старшего лейтенанта Балабанова, который атаковал левее крелинцев, также удалось преодолеть снежный вал, но приблизиться к постройкам ему мешал автоматный огонь. Пришлось глубоко зарыться в снег и сближаться ползком. Уходило дорогое время, однако другого выхода не было.

Около четырех часов от Черепанова стали поступать тревожные вести: к противнику с запада, со стороны Херенок и Тополево, подходят подкрепления.

Приближался кризис ночного боя. Надо было спешить, чтобы упредить врага в последнем и решительном ударе. И как назло

молчал Казанский полк.

"Где же Каминский, неужели подвел? - неотвязно сверлила мысль. - Нет, не может быть!"

А бон становился все ожесточеннее. Пожары, ракеты и трассирующие пули освещали подступы к Веретейке, а сама она на фоне темной ночи казалась горящим факелом.

Но вот грохот и треск захватили и южную окраину. "Значит, и казанцы начали". Минут через десять по проводу донесся радостный и возбужденный голос Каминского:

- Товарищ первый! Захватил семь домов... штурмую дальше!..

Голос оборвался, растворившись в грохоте. Но вскоре послышался снова, такой же взволнованный:

- Товарищ первый! Захватил еще семь домов. Мало карандашиков. Выручайте! Противник контратакует...

И опять голос пропал.

По наследству от Герасименко бойцы кодировались у Каминского карандашиками.

Батальон Каминского, захватив четырнадцать домов, понес потери и стал выдыхаться.

Надо было немедленно помочь ему и развить достигнутый успех. Это сделал сам командир полка без моего вмешательства. Он ввел в бой свой второй эшелон - батальон Седячко.

Последовал удар и с востока батальоном Балабанова, который вместе с пушками ворвался в центр Веретейки.

Никакие ожесточенные контратаки гитлеровцев не могли уже исправить положения - судьба Всретейки была решена. К утру наши войска полностью уничтожили веретейский гарнизон.

Под ударами соседних частей не выдержала и Пола. Остатки разбитой немецкой дивизии предстояло уничтожить на рокаде западнее Веретейки, в опорных пунктах Херенки, Тополево, Горчицы. Сюда и направились части дивизии.

Новгородский полк получил задачу овладеть Херенками, затем, развернувшись на юг, захватить Тополево и выйти на берег реки Пола на соединение с частями южной ударной группы.

Казанский полк повел наступление на юго-запад с задачей овладеть Подбело и Горчицы.

Лучше всех со своей задачей справился Новгородский полк. Сломив ожесточенное сопротивление врага в лесу западнее Веретейки и захватив там склады с продовольствием и боеприпасами, он вышел на подступы к Херенкам. Гитлеровцы, почувствовав приближение советских войск, заперли пленных в колхозном сарае, а также в бане и подожгли.

В разгар боя из объятых пламенем построек неслись душераздирающие крики и мольбы о помощи. Когда новгородцы

захватили Херенки, враг уже сделал свое подлое дело.

Рядами лежали на снегу обуглившиеся трупы, и каждый боец, проходя мимо, невольно срывал с головы шапку и клялся отомстить врагу.

Взволнованные трагической гибелью советских людей и охваченные благородной яростью, бойцы стремительно рвались вперед: батальон Крелина на Тополево, батальон Балабанова - правее, на высоту 49,4.

Ни огонь, ни снежный вал, опоясывавший Тополево, не смогли сдержать натиска. Отрадно было наблюдать, как дружно и самоотверженно управляли своими подразделениями командир и комиссар полка.

Черепанова и батальонного комиссара Егорова я застал на временном НП по дороге из Херенок на Тополево. Цепи по заснеженному полю продвигались к Тополеву, а командир и комиссар в широких полушубках, с расстегнутыми белыми воротниками, в больших валенках спорили у телефона. Жестикулируя, они то поднимались со снега, то вновь опускались, наклоняясь к телефонному аппарату.

- Ты, комиссар, побудь немного у телефона, а я побегу вперед, говорил Черепанов.

- Нет, лучше я побегу, а ты побудь здесь, - возражал Егоров.

- Не будем торговаться, посиди, а я побежал. И Черепанов вскакивал и бежал к цепям. Егоров, выждав немного, пока цепи продвинутся, снимал аппарат и вместе с телефонистами, прокладывавшими кабель, догонял Черепанова.

На новом месте опять начинался спор - кому быть впереди.

- Теперь ты, командир, посиди, а я побегу к людям, - говорил Егоров.

- Стой! Стой!-кричал ему вдогонку Черепанов, но Егоров продолжал удаляться.

Тогда Черепанов в свою очередь, выждав немного, переносил телефон и догонял комиссара.

Новое командование Новгородского полка резко отличалось от старого своей подвижностью, настойчивостью, умением появляться среди бойцов в самые ответственные минуты. Это радовало меня - мы не ошиблись, выдвинув Черепанова и Егорова.

Боевое возбуждение наступающих передавалось всем: и телефонистам, и посыльным, и ездовым. Каждому хотелось как можно скорее овладеть последними опорными пунктами врага и соединиться с частями, действующими с юга.

Еще один бросок - пехота стремительно преодолевает снежный вал и врывается в Тополево. На окраине села, в

старинном тенистом парке с аллеями из вековых лип, в бункерах с обшитыми тесом стенами и красивой раскладной мебелью располагался штаб немецкого полка. Поспешно удирая, гитлеровцы не смогли вывезти ни роскошной мебели, ни даже штабных документов.

В Тополево Новгородский полк захватил пленных, оружие, тяжелую батарею и два портфеля со штабной перепиской и картами.

Развивая успех, батальон Балабанова спустился с высоты 49,4 на восточный берег Полы, овладел Кошелево и вошел в соприкосновение с пехотой и лыжниками 1-го гвардейского стрелкового корпуса, занявшими к этому времени Черный Ручей и Чапово. В этот же день (20 февраля) произошло соединение южной ударной группировки 34-й армии с частями того же гвардейского корпуса в районе Залучье.

Так, после многодневных напряженных боев сомкнулись клещи вокруг демянской группировки врага.

На огромном пространстве, достигавшем 2300 квадратных километров, были окружены основные силы 16-й немецкий армии общей численностью в 60-70 тысяч человек с разнообразной военной техникой и крупной базой снабжения в Демянске{4}.

Было приятно и радостно сознавать, что в решении столь важной задачи есть доля и нашей дивизии, что напряженный ратный труд и пролитая кровь не пропали даром.

* * *

Вечером Шабанов позвонил мне в Казанский полк, где я в то время находился, и попросил приехать в штаб. Оказалось, что Шабанов получил новое назначение - начальником политотдела армии генерала Морозова.

Расставаться с Шабановым было очень грустно. Нас сдружила с ним совместная служба на Дальнем Востоке и особенно боевая жизнь с ее неисчислимыми трудностями и мимолетными радостями.

Мы проговорили почти всю ночь. Потолковали обо всем: о положении в стране и на фронтах, о наших делах и о наших людях.

Радовало то, что начинал нарастать перелом и в стране и у нас на фронте. Советская Армия, измотав врага в оборонительных сражениях, получила возможность перейти в наступление на главных участках громадного фронта. Она нанесла удары под Ростовом-на-Дону, пол Тихвином, в Крыму и под Москвой. Советские войска освободили Московскую и Тульскую области, десятки городов и сотни сел других областей. Успешно развивалось наступление и на нашем фронте.

Вспомнили мы в эту ночь и о своих семьях.

...Шабанов достает из кармана гимнастерки листок. На нем цветными карандашами нарисованы два танка и два самолета с большими красными звездами. Под танками надпись кривыми буквами: "Папы и дяди".

- Ада прислала, - говорит Шабанов.

Передо мной сразу возникает милый образ белокурой четырехлетней девочки, дочери Шабанова.

- Что пишут? - спрашиваю я у комиссара. - Все ли благополучно дома?

- Как видишь: живут, весточки шлют с самолетами и танками. Совсем неплохо.

- Все там же?

- Да, на старом месте, в Ленинск-Кузнецком. А как твои? Им, наверное, труднее. У твоей на руках трое маленьких, а у моей - одна Ада.

Шабанов знает, что моя семья из Воронежа была эвакуирована за Волгу, в Питерку. Всю осень она жила там, а потом связь вдруг прервалась. Долго беспокоился я, не имея сведений, но недавно стал получать письма уже из Пензы.

День на командном пункте начался, как всегда: были подведены итоги за ночь, послано донесение в штаб армии, подтверждены частям боевые задачи и установлен контроль за их исполнением.

Пока адъютант готовил завтрак, мы с Шабановым, выскочив на мороз, проделали зарядку и начали умываться ледяной водой.

- Даниил Оскарович! Ждем завтракать - окликнул я начальника штаба, выглянувшего из своего блиндажа.

С новым начальником штаба нам, как говорится, повезло. Майор Вольфенгаген, назначенный на место комбрига Корчица, оказался не только хорошим начальником, но и прекрасным товарищем, интересным, остроумным собеседником.

Как ни старались мы растянуть завтрак, во время которого Даниил Оскарович развлекал нас шутками, наступила пора прощания.

Крепко пожав друг другу руки и расцеловавшись, расстались мы с Шабановым.

* * *

Не затихая, шли бои на ближних подступах к Старой Руссе. Все дальше на запад, к берегам Порусьи и Полисти, удалялись они от окруженной демянской группировки противника. Их вели соседние с нами армии, образуя по отношению к окруженной группировке внешний обвод фронта.

Главные усилия 34-й армии были сосредоточены на

внутреннем обводе, на сжимании кольца вокруг окруженных немецких соединений. Перед армией стояла сложная и ответственная задача - как можно скорее покончить с окруженным врагом. Однако сил а армии для этого было явно недостаточно. По количеству войск и боевой техники она уступала врагу. Растянутая на огромном фронте и по-прежнему скованная обороной в своем центре, армия имела свободный маневр только флангами.

Наша дивизия, действовавшая на крайнем правом фланге армии, после трехдневных безуспешных боев за Горчицы получила новую задачу. Сделав поворот налево, она в течение одной ночи пересекла ближайший тыл соседней, только что вступившей в бой дивизии и вышла в новый район: Свинорой, Пожалеево, Кузьминское. Отсюда дивизии предстояло наступать в юго-восточном направлении - на Вязовку. От Свинороя до Вязовки десять километров. Расстояние небольшое, но на пути лежали три опорных пункта: Норы, Лялино и Горбы, которые надо было взять.

Наступление развернулось вдоль двух лесных дорог, идущих почти параллельно. Расстояние между этими дорогами -один - два километра. Правую дорогу преграждали Лялино и Горбы, левую - Норы.

Построившись в два эшелона - в голове Новгородский полк, а за ним Казанский - дивизия в первых числах марта приступила к выполнению своей новой задачи.

Командный пункт переместился в лес восточное Свинороя.

Опорным пунктом Норы Новгородский полк овладел с ходу, а за Лялино и Горбы бои велись несколько дней, причем каждый бой имел свои особенности и свои поучительные стороны.

Лялино - небольшой населенный пункт всего в пятнадцать дворов, расположенный на крутом холме. Одна сторона холма, удаленная от нас, покрыта лесом, другая, обращенная к нам, открытая, заснеженная. Скат крутой, снег глубокий, и добраться до вершины нелегко.

Лялинский холм сковал наши действия. Пройти мимо него без потерь нельзя ни днем ни ночью.

Первая атака Лялино ограниченными силами успеха не принесла.

Вторично Лялино атаковал весь полк, усиленный батареей гвардейских минометов.

За полчаса до начала атаки я приехал на НП Черепанова. После короткой артподготовки и залпа гвардейских минометов пехота по глубокому снегу начала карабкаться на холм. Подъем оказался трудным, но вначале все шло хорошо. Цель была уже близка. До вершины и населенного пункта оставалось метров

двести. Противник молчал. Наша артиллерия перенесла огонь на обратные скаты.

И вот тут-то враг заговорил. Он обрушил на наши цепи шквал огня, сковал их и заставил зарыться в снег.

Всякие попытки подняться и продвинуться вперед хотя бы на несколько метров вызывали повторный шквал.

Атака захлебнулась. Мало-помалу пехоте пришлось отползти обратно. Без подавления огня об успехе нечего было и думать. Повторные лобовые атаки обрекались на провал, и мы тут же отказались от них. Нужен был новый тактический прием, еще не известный противнику.

До самого вечера лазили мы с командиром полка по снегу, стараясь нащупать в обороне врага слабое место и найти наиболее подходящее решение.

Слабым местом у Лялино оказался левый стык с соседним опорным пунктом. Хотя днем стык обеспечивался пулеметным огнем, а ночью патрулировался еще и дозорами, все же он был наиболее уязвим.

Сюда мы и решили направить резервную роту лыжников под командованием лейтенанта Зуева.

В целом план ночной атаки был следующий. К 3.00 рота лыжников проникает в тыл противника и занимает исходное положение для атаки на обратных лесистых скатах холма. В это время пехота, оставаясь на обращенных к нам скатах, открывает огонь из всех видов оружия и после сигнала "две ракеты" кричит "ура", но в атаку не переходит.

Предполагалось, что, услышав крики "ура", противник займет свои окопы и изготовится к отражению атаки с фронта. В это время гитлеровцам будет нанесен внезапный удар с тыла, который и обеспечит успех.

Главная роль в плане отводилась роте лыжников. Ей предстояло совершить сложный и опасный маневр.

От командира роты и всего личного состава требовались исключительная выдержка, выносливость и отвага. От того, как они справятся со своей задачей, зависел успех всего ночного боя.

С ротой в качестве проводников направили группу разведчиков, проводивших ранее разведку стыка.

Ночная атака явилась для лялинского гарнизона полной неожиданностью. Опорный пункт был взят в 15 - 20 минут и с незначительными потерями. Нами было захвачено все тяжелое оружие пехоты и свыше ста пленных.

После взятия Лялино Новгородский полк двинулся по лесной дороге к Вязовке.

Казанский полк в это время вел бой за Горбы. Бой вначале

развернулся неблагоприятно для наших войск. Докладывая об этом, майор Саксеев нервничал - он не был уверен в успехе.

Захватив с собой своего старого адъютанта - старшего лейтенанта Федю Черепанова и нового - лейтенанта Пестрецова, я поехал к Саксееву.

Замену адъютанта я произвел перед началом наступательных боев. Черепанов настойчиво просил меня перевести его в оперативный отдел. Он мечтал приобрести боевой опыт оперативного работника и поступить в военную академию.

...Лошади рванули с места, заскрипели полозья, морозный ветер обжег лицо. Кутаясь в меховые воротники полушубков и отворачиваясь от резкого ветра, мы долго молчим, занятые каждый своими мыслями.

Неожиданно Федя Черепанов спрашивает:

- Товарищ полковник, что слышно о Герусове?

- Ничего не знаю. Надо бы запросить Карельский полк - своим-то однополчанам он, наверное, пишет.

Вот уже два месяца, как майора Герусова направили на учебу в Военную академию имени Фрунзе.

- А чего там запрашивать? - говорит Черепанову Пестрецов. - Скоро весна. Болота наши раскиснут, бои затихнут, тогда и ты можешь поехать и встретиться в академии с Герусовым.

- При чем тут бои? - возражает Федя. - Разве набор в академию от боев зависит?

- А как же! - говорит Пестрецов. - Учатся во время передышек, а во время боев какая же учеба?

- Эх, ты! Тюфяк! - смеется Федя. - Академия, брат, от боев не зависит. У нее свои планы, свои бои.

- Ну а если знаешь, то чего же спрашиваешь? - обидчиво говорит Пестрецов и отворачивается.

- Не сердись! - дружески обнимает его Федя Черепанов.- Поедем вместе! Попросим комдива - он обоих отпустит.

- В добрый час! - говорю я. -Хорошие намерения всегда готов поддержать.

- Вот видишь? Поедем!

- Тебе-то хорошо. Ты среднее образование имеешь, военное училище окончил, а у меня только семилетка да стаж старшины мирного времени, печально говорит Пестрецов. - Куда уж мне...

- Ничего, лишь бы захотелось! - не унимается Черепанов. - В наше время горы можно свернуть. Правда, товарищ полковник?

- Правда? При желании все можно сделать.

Тррах-ра-рах! Та-та... Та-та... Та...-неожиданно раздается где-то совсем близко.

- Вот тебе и академия! Приехали! - задорно говорит

Черепанов.

Мы приближались к командному пункту Казанского полка, и противник "салютовал" нам из Горбов.

Командир полка коротко доложил мне обстановку и повел на местность, на подступы к Горбам. Вместе с нами на рекогносцировку направился командир поддерживающего дивизиона. Туда же должны были подойти и командиры батальонов.

В Горбах около двадцати дворов, разбросанных на пяти - шести небольших плоских холмах. Вздыбившись на ровной лесной поляне, холмы эти действительно напоминают чем-то горбы. Возможно, это сходство и обусловило название населенного пункта.

Со всех сторон Горбы окружены лесом. Только две дороги связывают их с внешним миром: одна, которая идет на север, на Лялино, другая - на юг, на Ольховец и Вязовку.

Полк обложил Горбы с трех сторон: с востока - батальон Седячко, с севера - батальон Каминского, с северо-запада - третий батальон. Пехота расположилась на опушках и блокировала всю поляну. Оба выхода из Горбов перехвачены: северный - Каминским, южный - Седячко. Дорогу на Ольховец седлала третья рота лейтенанта Гришина.

Так обрисовал мне обстановку командир полка.

- Вы отсюда атаковывали? - спросил я у него, показывая на чуть заметные следы на снегу.

- Да. товарищ полковник. Пехота почти вплотную подошла к населенному пункту, а затем вынуждена была отойти в исходное положение.

- Получают ли Горбы откуда-либо помощь?

- Нет. Мы считаем, что гарнизон полностью изолирован, - уверенно ответил Саксеев.

- Разрешите, товарищ полковник! - обратился ко мне командир дивизиона. До этого он слушал молча и в разговор не вмешивался.

- Вы не согласны с командиром полка? - спросил я у него.

- Согласен, но... имеются новые данные, разрешите доложить?

Мы с удивлением посмотрели на капитана. А он продолжал: - Сегодня в предутренних сумерках мои наблюдатели обнаружили подводу, которая двигалась из Горбов на Вязовку. Была ли она с грузом или то были легковые сани разведчики не рассмотрели.

- Как же так? У вас одни сведения, у командира дивизиона другие, кому же верить? - спросил я у Саксеева.

- Впервые слышу, - пожал он плечами.

- А Седячко действительно седлает дорогу на Вязовку?

- У меня имеется его донесение и схема. По схеме дорогу седлает его левофланговая рота. Лично не проверял.

- Проверять все не обязательно самому, надо было послать командира штаба.

- Товарищ полковник! - обратился ко мне снова командир дивизиона. Позвольте пробежать в третью роту, я сейчас же выясню. Здесь совсем близко, возвращусь минут через двадцать.

Вместе с капитаном я послал Черепанова. Подошли Седячко и Каминский. Командира третьего батальона мы не вызывали, он находился по ту сторону поляны.

- Вы что же, товарищи, отстаете?-спросил я у комбатов. - Новгородцы уже забрали Норы и Лялино. А вы почему не выполняете задачу?

Комбаты в нерешительности мялись, поглядывая на командира полка.

- Ну, так что же? Рассказывайте. Начнем с вас, - обратился я к Каминскому.

- Мне кажется, товарищ полковник, уважительных причин у нас нет, немного подумав, ответил он. - Мы несколько недооценили противника и переоценили себя, плохо прицелились, вот и получился пустой выстрел. Деревенька маленькая, рассчитывали забрать ее с ходу, да вот сорвалось. Думали, гитлеровцев здесь не более роты, а оказывается, их тут до батальона.

- А что скажете вы? - обратился я к Седячко.

- У нас мало огневых средств. Атака по глубокому снегу развивается медленно, противник все видит и отражает все наши действия. Я думаю...

Седячко неуверенно посмотрел на командира полка, потом перевел взгляд на меня, видимо, не решаясь делать выводов, но, пересилив свою нерешительность, ответил уже твердо: - Думаю, что дневная атака в наших условиях бесполезна, она не оправдывает себя. Атаковать нужно только ночью.

Выводы комбата, на мой взгляд, были правильны. Дневная атака не принесла успеха потому, что здесь не представлялось возможным применить в полной мере прямую наводку. В Горбах хорошо просматривались постройки, расположенные на холмах, а те, что скрывались в низинах, на обратных скатах, оставались недосягаемыми для прямого выстрела. Без подавления огневой системы рассчитывать на успех днем было трудно.

- А теперь, Седячко, скажите: ваша третья рота седлает дорогу на Вязовку или нет? - спросил я комбата.

- Седлает... Вернее, не седлает, а лежит около дороги, - с заминкой ответил он.

- Как не седлает? На вашей схеме ясно показано, что седлает, удивился Саксеев. - Выходит, вы обманываете меня, а я ввожу в заблуждение командира дивизии?

- Тут какое-то недоразумение, - сказал Седячко. - Вчера вечером я сам был в третьем роте, она окопалась в снегу вдоль дороги, фронтом на запад.

- А как могла проехать подвода из Горбов на Вязовку? - спросил я.

- Какая подвода? Я о ней ничего не слышал, - удивился в свою очередь Седячко.

- Вот видите, комбат даже не знает, что творится у него на участке, заметил я командиру полка. - Разберитесь!

- Есть! Разберусь! Кстати, вот и командир дивизиона возвращается, - он сейчас доложит.

Я увидел приближающихся капитана и комиссара полка. Черепанова с ними не было.

Из доклада капитана выяснилось, что третью роту они нашли не на дороге, а в лесу и потребовали от командира роты лейтенанта Гришина объяснения. Ранее рота располагалась на поляне у самой дороги, но там было слишком ветрено и холодно, поэтому Гришин решил отвести роту на ночь в затишье, на опушку, а утром, до рассвета, вновь занять свои окопы. Но так не получилось. Людей он отвел, а противник, узнав об этом, тут же занял их окопы. Рота вынуждена была остаться в лесу. О ночном происшествии командир роты комбату не донес: побоялся ответственности. В следующую ночь он рассчитывал восстановить положение.

- Когда мы все выяснили, - сказал в заключение капитан, - Черепанов захотел проверить достоверность доклада и с лейтенантом Гришиным пошел на опушку, поближе к дороге. Там Черепанов был ранен и сразу же потерял сознание.

- После перевязки мы отправили его на ваших санях в медсанбат, вставил молчавший до этого комиссар.

Ранение Черепанова взволновало меня до глубины души.

Лейтенанта Гришина я приказал привлечь к ответственности. Поступок его был для всего полка позором.

В целях внезапности атаку Горбов решено было провести ночью, ограниченными силами и без предварительной огневой подготовки.

Для начального броска от каждого батальона выделялось по одной роте. Кроме того, в атаке участвовала и рота лейтенанта Гришина, которая получила приказ выйти на свое прежнее место и закрыть дорогу на Вязовку.

По опыту боев за Калинец и Веретейку, траншеи подводились

вплотную к населенному пункту. С наступлением темноты пехота приступила к расчистке снега.

Всю ночь, до конца боя. я оставался в Казанском полку.

В четыре часа ночь огласилась взрывами гранат и трескотней автоматов. Горбы озарились ракетами. А через несколько минут заработали станковые пулеметы, и поток пуль с посвистом пронесся над штабными палатками.

"Кто же бьет сюда? Не сорвалась ли атака?"

Рука невольно потянулась к телефонному аппарату.

И тут же из телефонной трубки глуховатый и радостный голос Каминского:

- Алло! Алло! Говорит Каминский. Я из Горбов. Горбы наши!

- А кто же бьет оттуда?

- Извините! Это мы с комбатом-три из трофейных пулеметов Седячке привет шлем... Он опять опоздал...

В трубке послышался приглушенный смех. Вызвали к телефону Седячко и попросили доложить обстановку.

- Третья рота заняла свои прежние окопы и осел-лала дорогу, а штурмовая группа перешла в атаку. Из Горбов сильный огонь, поэтому она немного запоздала.

Седячко не догадывался еще, что огонь поверх голов вел из Горбов Каминский.

- Опоздал, опоздал, Седячко! - заметили ему. - Но лучше поздно, чем никогда. Выдвигайтесь скорей, остальные батальоны уже в Горбах.

Итак, внезапным ночным штурмом был взят еще один опорный пункт.

Путь на Ольховец и Вязовку для Казанского полка стал свободен.

Командир третьей роты лейтенант Гришин искупил свою вину кровью - в ночной атаке он получил тяжелое ранение и был эвакуирован в тыл.

Лично для меня радость успешного боя омрачилась известием о смерти Феди Черепанова, скончавшегося на рассвете.

Хоронили его на командном пункте. Всматриваясь в безжизненные черты своего адъютанта, я думал о том, какой огромный мир несбывшихся надежд молодости унес он с собой - чудесный, славный товарищ.

* * *

Целую неделю наша дивизия вела бои за Вязовку. Фронт дивизии представлял собой вдавленный в оборону противника тактический мешок. Ширина его четыре - шесть километров, глубина восемь.

К Вязовке с запада примыкали два опорных пункта - Обжино

и Ольховец. Все три пункта образовывали сильный огневой узел, занимаемый хорошо оснащенным немецким полком. Гитлеровцы проявляли здесь особое упорство.

А наша ударная сила ослабла - полки были обескровлены, пополнение не поступало. Поэтому мы и топтались на месте.

Казанский полк был скован со стороны Ольховца, а Новгородский непосредственно на подступах к Вязовке. Приостановилось наступление и у наших ближайших соседей.

Несколько дней подряд мимо нашего командного пункта, на стыке с дивизией Штыкова, тянулись лыжные батальоны, засылаемые внутрь окруженной группировки. Ночью они пересекали линию фронта, проскальзывали между опорными пунктами и, углубившись в тыл, развертывали боевые действия.

Однако молодые, неопытные и необстрелянные лыжники, попадая сразу в сложную обстановку, не приносили той пользы, которой от них ожидали.

К нам прибыл новый комиссар дивизии - старший батальонный комиссар Григорий Александрович Воробьев. Оказалось, что мы с ним лет пять - шесть назад служили вместе в Московской Пролетарской дивизии: он - инструктором политотдела, я -начальником штаба полка.

С первой же встречи у нас установился деловой контакт.

Вскоре дивизия получила на пополнение одну маршевую роту в сто человек, и одновременно штаб армии подтвердил нашу задачу - овладеть Вязовкой.

Мне хорошо запомнилась эта рота: я сам принимал ее, был у нее на партийном собрании, напутствовал в первый бой, представлял к награде отличившихся. Мы не стали роту расформировывать, а целиком влили ее в батальон Новгородского полка.

Народ в роте был самый разнообразный и по возрасту и по опыту. Командовал ею только что окончивший армейские курсы младший лейтенант Корольков. Политрука рота не имела, его обязанности выполнял парторг Раков. Взводами командовали сержанты. Ротная парторганизация состояла из пяти членов партии и двух кандидатов. Комсомольская - из девяти комсомольцев.

Роте предстояло вступить в бой в составе третьего батальона Новгородского полка. Батальон должен был совершить скрытный маневр, обойти Вязовку с востока и атаковать опорный пункт с фланга и тыла. С фронта атаковали другие батальоны. На новую роту, по замыслу комбата, ложилась вспомогательная задача - прикрыть батальон со стороны Дедно. Она выдвигалась на дорогу, связывающую Дедно с Вязовкой, седлала ее и создавала

заслон фронтом на восток.

После выдачи оружия в роте состоялось открытое партийное собрание с докладом Королькова о предстоящей задаче и о примерности в бою коммунистов и комсомольцев. Я призвал бойцов достойно выполнить свой долг. И нужно сказать, свою задачу рота выполнила с честью.

Бои за Вязовку явился последним боем на этом участке фронта. Протекал он не совсем удачно для нас. Мы многого не предусмотрели, не смогли произвести дополнительной перегруппировки, а главное - не достигли внезапности.

Совершая обходный маневр, командир батальона допустил две непоправимые ошибки, что по существу и предопределило неуспех.

Первая ошибка заключалась в том, что батальон слишком далеко уклонился в сторону Дедно и не сумел выйти до рассвета на свое исходное положение, вторая - в том что комбат пренебрег мерами личной маскировки, не сменил свою телогрейку на шинель, то есть не оделся так, как были одеты его бойцы.

Оставив роту Королькова заслоном на дороге, батальон стал приближаться к Вязовке. Начинало светать. И вот тут, на опушке леса перед Вязовкой, при выходе на исходное положение батальон наскочил на засаду из "кукушек".

Первым был убит комбат, шедший в голове колонны в своем ватнике, а через несколько минут снайперы нанесли значительный урон и всему батальону.

За контратакой из Вязовки последовала контратака со стороны Дедно. При отражении контратак и отличилась рота Королькова. Она приняла на себя удар со стороны Дедно, сковала гитлеровцев и сдерживала их до вечера. В бою Королькова ранило. Командование принял старшина роты старший сержант Митряев.

Рота, охваченная с трех сторон превосходящими силами противника, действовала на отшибе. После ранения Митряева в командование ею вступил ротный писарь сержант Никитин. В лесном бою помочь роте артиллерией и минометами с закрытых позиций было нельзя, а усилить численно не представлялось возможным.

Командир полка разрешил роте отойти и для ее прикрытия выслал группу разведчиков - последний свой резерв. Но рота сцепилась с врагом вплотную и оторваться от него днем не могла. Только с наступлением темноты ей удалось выйти из боя. При выходе из боя ранило Никитина. В командование ротой вступил четвертый по счету командир - парторг Раков.

Маршевая рота, имевшая в своем составе много бывалых

воинов и спаянная коммунистами, в первом же бою прекрасно справилась со своей задачей.

В ночь на 20 марта дивизия получила новый приказ: сдать свой участок под Вязовкой, выйти из боя и сосредоточиться в ближайшем войсковом тылу.

Так закончился первый этап нашего наступления. Дивизия прошла с напряженными боями более ста километров и освободила пятьдесят пять населенных пунктов.

На Ловати

В резерве нас держали меньше педели. По и за это короткое время люди сумели отдохнуть, набраться сил. Командиры и комиссары частей и подразделений успели провести ряд организационных и политических мероприятий.

Из боя части вышли морально крепкими и обогащенными опытом, но в значительной мере обескровленными. В батальонах осталось по одной - две роты. да и то неполноценных.

В специальных частях дело обстояло лучше, чем в стрелковых, там и потерь в людях было меньше и кадры были не так подвержены текучести.

На войне как-то сложилось так, что источником внутреннего накопления людских ресурсов стали тылы. Они незаметно обрастали, а если не обрастали, то сохраняли прежнюю численность при резком сокращении боевого и численного состава обслуживаемых ими частей.

Мы сократили тыловые органы и подразделения и укрепили за их счет боевые части. Благодаря этому боеспособность частей возросла, а тылы, освободившись от лишних людей, стали оперативнее. Пополнили политработниками батальоны и роты. Вновь создали или укрепили коммунистами ротные и батарейные партийные организации. Со всем личным составом подытожили результаты прошедших боев, во всех подразделениях провели общие и партийные собрания.

За полтора месяца зимних наступательных боев мы научились прорывать оборчну, бить врага днем и ночью, искусно маневрировать, использовать внезапность, изыскали новые способы борьбы с опорными пунктами.

Разнообразные тактические приемы, примененные в успешных боях за Калинцы, Любецкое, Веретейку, Тополево, Лялино, Горбы и другие населенные пункты, стали достоянием всей дивизии. На боевом опыте прошедших боев учились и новые кадры, прибывавшие к нам.

Что же ожидает нас после кратковременного отдыха? Этот вопрос беспокоил всех.

Ни генерал Берзарин, ни генерал Ярмошкевич меня не

вызывали, а самому без вызова в штаб армии ехать не хотелось.

В один из длинных зимних вечеров, когда мы сидели с Вольфенгагеном в его блиндаже и беседовали о наших перспективах, он обратился ко мне с просьбой помочь ему перейти на командную должность.

- Что вы, Даниил Оскарович! - удивился я. - Вы такой образцовый штабник - и вдруг хотите переменить службу! Может быть, чем-нибудь недовольны?

- Да нет, Павел Григорьевич! Штабной службой я доволен, любовь к ней привила мне военная академия. Но в последнее время у меня созрело настойчивое желание перейти на командную должность. Долго взвешивал я и наконец пришел к твердому убеждению, что служба на командных должностях интереснее, чем на штабных.

- Мне думается, - ответил я, - что не следует разрывать штабную и командную службу, ставить между ними непреодолимую грань. На мой взгляд, полноценный командир должен подготавливаться всесторонне и проходить службу, чередуя командные должности со штабными. Не изучив детально работы штаба, не побывав в роли его начальника, командир не сможет полноценно руководить своим штабом и обучать его. Не случайно начальники штабов у нас в частях и соединениях являются одновременно и заместителями командира.

- Значит, желания мои законные? - спросил Вольфенгаген.

- Думаю, да, - ответил я.

В недалеком прошлом я и сам в течение шести лот был начальником штабов различных инстанций - полка, дивизии, корпуса - и так же, как и Даниил Оскарович, мечтал поработать на командной должности.

- Мне хочется начать с полка, - сказал Вольфенгаген.

- Хорошо, - поддержал я его. - Пока поработайте начальником штаба, приобретите побольше опыта, а там, поближе к лету, можно будет доложить о ваших желаниях командующему. Надеюсь, он поддержит нас.

- Почаще заглядывайте в части, - посоветовал я Вольфенгагену, изучайте их жизнь и быт не только по документам, но и лично. Это необходимо для начальника штаба, а для будущего командира тем более.

Он понял мой намек на его недостатки и, не обижаясь на меня, обещал перестроиться.

* * *

Дивизия получила приказ: выдвинуться на восточный берег Ловати и, заняв там десятикилометровую полосу с центром у Плешаково, поступить в распоряжение 1-й ударной армии.

До Ловати по прямой - тридцать километров, а по дорогам и все сорок.

Вечером 25 марта мы были уже на марше. На новое место рассчитывали прибыть к вечеру следующего дня.

Пройдя за ночь половину пути, части расположились на большой привал в районе Замошка, Ярцево, Херенки, имея боевой состав на западном, а тылы на восточном берегу реки Пола.

Река Пола в этом месте протекала почти в центре межфронтового пространства. И на востоке и на западе небосвод полыхал кровавым заревом, вспыхивали зарницы, доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы.

Около десяти часов утра, когда части готовились к продолжению марша, я выехал верхом в Присморожье, где находился командный пункт нового командарма - генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова. Надо было представиться ему и доложить о состоянии дивизии.

Чем ближе подъезжал я к Ловати, тем хуже становилась дорога. Со стороны озера Ильмень тянуло весенним влажным ветром. На полях еще ослепительно сверкал снег, а санные дороги и бугры уже набухли и покрылись свинцовой синевой. Проложенный по болотам колонный путь начинал портиться, порыхлевший снег проваливался, и лошади боязливо шарахались.

В сторону фронта тянулись транспорты, груженные боеприпасами и продовольствием, шли колонны пополнений, а в тыл лился поток раненых на санитарных машинах и порожняке.

Встречные потоки тормозили движение, и нередко в узких местах, где было мало разъездов и объездных путей, создавались пробки.

К полудню я выбрался на Ловать и, повернув на юг, направился вдоль се восточного берега.

На пути в Присморжье лежали небольшие деревушки: Плешаково, Поддубье, Ершино, забитые полковыми тылами какой-то дивизии. Бой шел в междуречье Ловати и Редьи, где-то за лесом, в четырех - пяти километрах западнее Ловати.

Наши войска, напрягая усилия, стремились отбросить противника за Редью, подальше от окруженной демянской группировки, а тот, упорно сопротивляясь и отбивая наши атаки, рвался к Ловати, стараясь пробиться к своим окруженным войскам.

Судя по грохоту, здесь, на внешнем обводе, боевое напряжение было гораздо сильнее, чем на внутреннем, откуда мы прибыли.

Если дивизия получила предварительную задачу перейти к обороне по восточному берегу, позади дерущихся войск, думал я,

значит, противник здесь активен и есть угроза его прорыва на восток. Видимо, центр борьбы на некоторое время перенесен сюда, на внешний фронт. Чтобы успешно решать дела под Демянском, очевидно, надо сначала развязать руки здесь.

Так думалось мне тогда. На самом же деле обстановка на Северо-Западном фронте в то время была гораздо сложнее.

Войска фронта, завершив окружение гитлеровцев в районе Демянска, были распылены и не имели ни на одном из направлений отчетливо выраженных группировок, способных расчленить окруженного врага и уничтожить его по частям.

34-я армия, действовавшая на внутреннем обводе фронта, охватывала противника на огромном пространстве и вела малоэффективные наступательные действия. 1-й гвардейский стрелковый корпус, соединившийся в районе Залучье с войсками 34-й армии, был скован активными действиями врага.

На внешнем фронте окружения по реке Полисть находились войска 11-й и 1-й ударной армий. 11-я армия охватывала Старую Руссу с северо-запада, севера, востока и юго-востока. Фронт ее растянулся на 45 км от побережья озера Ильмень до Чирикова и проходил в шести километрах южнее Старой Руссы. Основные силы армии по-прежнему вели безуспешную борьбу за Старую Руссу.

1-я ударная армия располагалась южнее 11-й и занимала фронт протяжением в 55 км по рекам Полисть и Холынья, от Чирикова до Белебелька. Войска ее почти равномерно растянулись в линию. Оборонительные позиции армии были оборудованы плохо и не имели глубины.

Воспользовавшись частичной стабилизацией фронта, немецко-фашистское командование создало в районе южнее Старой Руссы корпусную группу "Зейдлиц" в составе пяти дивизий и с утра 20 марта бросило свои войска в наступление. Главный удар наносился на узком четырехкилометровом участке в стыке 11-й и 1-й ударной армий общим направлением на Рамушево.

После упорных пятидневных боев гитлеровцам удалось прорвать наш фронт, выйти на реку Редья и захватить Борисово, расположенное на Старорусском шоссе.

Отзвуки этого боя за Борисово я и слышал, когда ехал с докладом к командующему 1-й ударной армией.

В Присморжье на НП командующего армией оказался и командующий войсками фронта. Оба генерала находились на окраине населенного пункта и оттуда руководили боем. Меня они смогли принять только к вечеру, когда напряжение боя спало.

- Здравствуйте! Давно мы с вами не виделись, - встретил меня генерал Курочкин. - Как здоровье? Как дивизия? Где она теперь?

Я доложил: дивизию оставил на марше, сам здоров, жду приказа.

- За приказом дело не станет, - ответил командующий. - А вот скажите, обедали ли вы?

- Пока нет. Пообедать всегда успею.

- Ну нет! - весело возразил генерал. - И пообедать надо, если есть возможность. Идите в столовую и пообедайте.

Вторично - это было уже вечером - генерал Курочкин принял меня в избе, занимаемой командующим армией.

На улице стемнело. Хорошая погода сменилась ненастьем: большими хлопьями повалил снег, вдоль Ловати подул резкий, пронизывающий ветер.

Когда я вошел в избу, оба генерала сидели за столом, склонившись над оперативной картой, и о чем-то беседовали.

- Я изменил свое решение, - обратился ко мне генерал Курочкин, - и передал вас в распоряжение соседней армии генерала Морозова. Вы знаете его. Будете действовать на его левом фланге, на стыке с 1-й ударной армией. Задача дивизии: сегодня ночью переправиться на западный берег Ловати, завтра с утра повести наступление на Борисово, овладеть им и прочно там закрепиться. Начало атаки в 7.00.

Я слушал генерала, следил за его карандашом, которым он водил по карте, и старался все запомнить. Но чем больше я оценивал обстановку, тем тревожнее становилось у меня на душе.

- Задача ясна? - спросил Курочкин.

- Задача понята, - ответил я, - но позвольте, товарищ командующий, доложить вам.

- Говорите.

- На подготовку к атаке слишком мало времени, и это сильно беспокоит меня. Сейчас восемь вечера, возвращусь я в дивизию не ранее десяти и найду ее в обороне, разбросанной по берегу. Предстоит собрать части, вывести их на новое направление и сосредоточить на рубеже атаки. Все это надо проделать ночью на совершенно незнакомой местности. Затем нужно подготовить войска и артиллерию непосредственно к атаке, о которой они пока ничего не знают. Провести такую подготовку в темноте и в ограниченное время, без предварительной дневной рекогносцировки будет очень трудно.

- Чего же вы хотите? - перебил меня генерал.

- Прошу начать атаку на два - три часа позже. Тогда дивизия сможет хорошо подготовиться.

- Вы во многом правы, - сказал командующий. - Но время атаки я, к сожалению, изменить не могу, это время - не частное для вашей дивизии, а общее с другими соединениями. Все, что я в

состоянии сделать, - это несколько облегчить вашу задачу. Придам вам воздушнодесантную бригаду полковника Мерзлякова. Она действует сейчас как раз на вашем направлении. Правда, людей в ней маловато, и я предполагал вывести ее из боя, но теперь задержу. Она поможет вам. Прикажите бригаде наступать в первом эшелоне, а для последующего удара подоспеют и ваши части. Устраивает вас это?

Приподнявшись из-за стола, командующий ожидал моего ответа.

- Да, - ответил я, - такое решение меня вполне удовлетворяет.

- Тогда торопитесь! Больше вас не задерживаю. Желаю успеха!

До штаба я добрался уже поздно ночью. С трудом разыскал его в густом лесу, в двух километрах восточнее Плешаково.

В своей палатке застал комиссара. Уткнувшись в меховой воротник полушубка и облокотившись на столик, он сладко спал.

- Григорий Александрович! - дотронулся я до плеча Воробьева.

Он вздрогнул и поднял голову.

- Ах, это ты! Наконец-то! - На его помятом лице отразилась неподдельная радость.- Измучились, ожидая тебя.

- Как в полках?

- Благополучно. Вышли на берег и заняли оборону. Сделали все, как приказывал.

- Связь есть?

- Есть.

- Хорошо. Примемся за работу.

Узнав, что я возвратился с новой задачей, штаб ожил, и наша штабная машина заработала среди ночи полным ходом. Было принято и оформлено решение на перегруппировку и наступление. С боевым приказом в полки и бригаду помчались офицеры связи.

Управившись со всеми делами и свернув палатки, штаб незадолго до рассвета начал выдвижение на новый командный пункт-на западный берег Ловати.

На рассвете штабная колонна прибыла в Плешаково. На противоположном берегу против Плешаково расположено Гридино. Оба пункта связывались между собой санной дорогой, проложенной по льду. От Гридино дорога уходила в лес, на Борисово.

Лед на реке был заминирован и подготовлен к взрыву, свободной для проезда оставалась только дорога.

Наши стрелковые и артиллерийские части затемно переправились через реку и теперь занимали исходное

положение. На восточном берегу задержался лишь штаб. До начала наступления оставались считанные минуты. Мы торопились.

Как нарочно, наше прибытие на берег противник встретил огневым налетом, вынудил колонну рассредоточиться и задержаться. После налета последовал методический обстрел. Снаряды рвались на льду, обкладывая проезжую часть дороги. Преодолевать реку по дороге было опасно, а объехать стороной также не представлялось возможным: угрожали свои же мины.

- Ну как, перемахнем или переждем немного?- спросил я у своих командиров, собравшихся на берегу.

- По-моему, надо переждать, - сказал комиссар.

- Конечно, на рожон лезть нечего, - согласился начальник штаба.

Только начарт выразил желание проскочить поскорее. Ему не терпелось: хотелось лично самому проверить перед атакой готовность артиллерии.

Решили немного подождать. Постояли, понервничали минут пять - шесть, огонь не прекращался, а нетерпение наше возрастало. Пришлось отдать распоряжение преодолевать реку под огнем.

Первыми на лед выехали мои сани, на которых, кроме меня и комиссара, поместился начальник штаба. Он расположился на передке, рядом с ездовым, на обычном адъютантском месте, а Пестрецов с верховыми лошадьми ехал позади. За нами вытянулась вся колонна.

До середины реки проехали шагом, лавируя между воронками, заполненными водой. С десяток снарядов разорвалось по сторонам, впереди и сзади нас.

- Начало удачное, - повернувшись ко мне боком. сказал Вольфенгаген. Проскочим!

- Конечно, - поддержал Воробьев.

- Погоняй, друг, побыстрее! - поторопил я ездового.

- Н-но, серые! - крикнул он и хлопнул вожжами. Не успели лошади рвануть, как внезапный сильный удар ошеломил нас. Через несколько секунд, опомнившись и придя в себя, я увидел сквозь пелену еще не рассеявшегося дыма жуткую картину. Сани стояли на месте. У их передка топтался ездовой с перебитыми руками. Вольфенгаген продолжал полулежать на передке с повернутым ко мне лицом. Он был мертв. Комиссара рядом не оказалось. Повернувшись влево, я увидел его барахтающимся в снегу по ту сторону саней. Все это наделал разорвавшийся у передка снаряд. Его осколки сразили начальника штаба, ранили ездового и меня, покалечили лошадей, и только комиссар,

выброшенный из саней силой взрыва, остался невредим.

Надо было немедленно выбираться из зоны обстрела, но у меня не хватало сил. Только с помощью подбежавшего Пестрецова я с трудом добрался до Гридино.

Поблизости не оказалось ни фельдшера, ни санинструктора. Я все больше и больше слабел. Наконец адъютанту удалось кое-как забинтовать меня.

Обстрел вскоре прекратился. Остальные штабные работники прибыли в Гридино благополучно, без потерь. Так и не добравшись до своего КП, я из Гридино подал сигнал для атаки.

Тяжелым было мое прощание с начальником штаба.

Всего лишь несколько дней назад Даниил Оскарович делился со мной своими заветными мыслями и строил планы на будущее. И вот он лежит безмолвный. Горько, бесконечно горько терять боевых друзей!

* * *

Первой атаковала Борисово воздушнодесантная бригада. Атака началась дружно, но, для того чтобы довести ее до конца, не хватило сил. Скованные губительным огнем, десантники залегли в двухстах метрах от населенного пункта.

Гитлеровцы занимали окопы, подвалы, чердаки и отовсюду сеяли смерть. Этот опорный пункт имел для фашистов важное тактическое значение: расположенный на шоссе из Старой Руссы на Рамушево, он прикрывал выходы на эту рокаду с тыла, со стороны Редьи.

Не выдержав, полковник Мерзляков оставил свой НП и направился в цепи, чтобы лично повести людей в атаку.

Цепи возобновили огонь и стали готовиться к новому броску. Но тут произошло несчастье: вражеская пулеметная очередь перебила полковнику ноги.

Весть о ранении комбрига волной прокатилась по цепям, подняла их и бросила вперед. Несмолкаемое грозное "ура" заглушило грохот боя Но этот яростный бросок, плохо подготовленный огнем, дорого обошелся бригаде. Лишь немногим бойцам удалось добежать до окраины и закрепиться на огородах в ожидании поддержки со стороны Новгородского полка.

А полк, располагаясь в это время во втором эшелоне, в затылок бригаде и несколько уступом влево, внимательно следил за ее действиями, изучал огневую систему и готовился развить успех.

Артиллерийский дивизион капитана Нестерова, приданный полку, и полковая артиллерия все еще вытягивались на прямую наводку и готовились к открытию огня. Местность была не

особенно удобна для ведения огня.

С трех сторон к Борисово плотной стеной подступал строевой лес, и только на восточной окраине, откуда велось наше наступление, лес отстоял от населенного пункта на триста - четыреста метров. Здесь от опушки до самого шоссе простиралась поляна, поросшая кустарником и покрытая толстым слоем рыхлого снега. На этой поляне и развивалась атака Новгородский полк пришел на помощь бригаде немедленно, хотя еще полностью не закончил подготовку.

В атаке Черепанов применил наш излюбленный и не раз проверенный метод. Обрушив огонь прямой наводки по выявленным огневым точкам противника на чердаках и в подвалах, наслаивая минометный и стрелковый огонь, он рывком бросил пехоту, а вслед за ней устремился и сам с зенитно-пулемётными установками, чтобы массированным огнем закрепить успех.

Внезапный согласованный удар, поддержанный шквалом огня, сковал гитлеровцев. Перевалив через цепи десантников, новгородцы ворвались в Борисово. Вслед за полком туда же устремились и десантники, а затем и какое-то подразделение из соседней с нами ударной армии, располагавшееся южнее Борисово.

Около девяти утра в дивизию была подана армейская связь.

- Как дела? - спросил у меня генерал Морозов. - Мне доложили, что вы ранены, а ваш начальник штаба убит. Так ли это?

- Да, это так, - подтвердил я.

- Вы намерены эвакуироваться? Как себя чувствуете?

Что я мог ответить? Ранение у меня было не тяжелое, небольшой осколок застрял в мышцах правого плеча, к тому же не хотелось покидать дивизию, даже на один день.

- Если позволите, пусть хирург сделает операцию на месте. Через неделю буду здоров.

- Ну смотрите, вам виднее, - сказал Морозов, - хирурга я направлю. Теперь скажите, как дела у Борисово?

- Борисово только что занял Новгородский полк совместно с бригадой. Подробности смогу доложить несколько позже.

- А вы правильно докладываете? - спросил Морозов.

- Совершенно точно.

- Дело в том, что несколько минут назад из Присморжья звонил командующий фронтом. Он сказал, что Борисово захватили части ударной армии. Ему об этом доложил генерал Захватаев, который командует оперативной группой там, рядом с вами. Кто же все-таки захватил Борисово, вы или Захватаев?

Сведения сверху оказались для меня неожиданными, а недоверие к моему докладу обидным.

- Товарищ командующий! - ответил я. - Вчера вечером в присутствии командарма ударной овладеть Борисовом было приказано мне. Для этих целей комфронта придал мне бригаду Мерзлякова. Сегодня все утро бригада и Новгородский полк вели бои за Борисово и наконец овладели им. При чем же здесь Захватаев?

- Этого я не знаю, - сказал Морозов. - Командующий фронтом считает, что Борисово взято не вами, а соседом. Пошлите к Захватаеву ответственного командира, разберитесь, а потом еще раз доложите.

Я так и сделал. Для уточнения положения частей направил к Захватаеву двух штабных командиров: одного - от оперативного, другого - от разведывательного отделов. Часа через полтора они возвратились ни с чем. Захватаев, узнав, зачем они пришли, изругал их и отказался давать какие-либо объяснения.

Не знаю, чем было вызвано такое недоброжелательное отношение соседа к нам. Может быть, неприятным для него разговором с командующим войсками фронта после моего доклада генералу Морозову?

Пока шло ненужное препирательство между нами, противник подготовил сильную контратаку и выбил нас из Борисово. И как мы потом ни старались, нам так и не удалось восстановить положение.

После двенадцати у меня произошел второй разговор с командармом. Он сам вызвал меня к аппарату.

- Комфронта выражает свое недовольство, - сказал он мне. - Захватаев доложил, что вы оставили Борисово. Так ли это?

- Да, - ответил я. - Мы не успели закрепиться в Борисово. Пока приводили в порядок перемешавшиеся подразделения и части, отводили кое-кого в тыл и организовывали оборону, противник накрыл нас огнем, а затем выбил контратакой. Сейчас принимаем меры, чтобы восстановить положение.

- Принимайте! Задача с вас не снимается.

- Можно один вопрос? - спросил я у Морозова.

- Спрашивайте.

- Не кажется ли вам странным доклад соседа? То он в течение двух часов доказывал, что Борисово взяли его части, а теперь почему-то доложил, что не его части оставили населенный пункт, а наши.

- Я знать не хочу, как докладывает сосед, - не скрывая раздражения, резко оборвал меня командарм. - Меня интересуют не его доклады, а ваши, и я хочу о ваших действиях слышать

прежде всего от вас самих, а не от кого-либо другого. А хирурга я выслал, - добавил он, уже смягчив тон.

Да. Замечание командарма было вполне справедливое, и обижаться я не мог. С информацией в это утро мы действительно запаздывали, а сосед опережал, истолковывая события в свою пользу.

После неприятного разговора с командармом я долго думал о согласованности на стыках. До сих пор ее у нас не получалось.

Так было в боях за Лужно, так повторилось и теперь, на Ловати.

Вторично овладеть Борисовом нам не удалось, но зато мы прочно закрепились на развилке дорог южнее его. Оседлав развилку, перерезали старорусское шоссе и закрыли эту рокаду. Кроме того, оборудовав артиллерийские наблюдательные пункты по опушкам и установив наблюдение за дорогой, подходившей к Борисову со стороны реки Редьи, мы перекрыли движение противника и по этой дороге.

Гитлеровцы пытались восстановить положение и под прикрытием артиллерийского и минометного огня не раз переходили в атаку. Но наши части прочно удерживали захваченное, на огонь отвечали огнем, на атаки контратаками.

Развилку занимал Новгородский полк. Правее его, упираясь правым флангом в шоссе севернее Борисово, находился Казанский полк. Фронт дивизии представлял дугу, концы которой вдавались в старорусское шоссе.

Воздушнодесантная бригада сначала занимала небольшой участок между полками, а затем была выведена из боя и совсем убыла от нас.

По указанию генерала Морозова мы спешно готовили новый штурм опорного пункта. План штурма был уже разработан, но нас на несколько часов упредили гитлеровцы: в первых числах апреля они продолжили свое большое весеннее наступление.

Основной целью противника и на этот раз являлся прорыв нашего фронта и выход на соединение с окруженной демянской группировкой. Собрав значительные силы, гитлеровцы обрушились на правый фланг ударной армии, захватив и всю полосу нашей дивизии. Главный удар враг нацелил на переправу через Ловать у Рамушево.

Внезапный грохот среди ночи поднял всех. Снаряды и мины перепахивали наше расположение, ломали деревья, выкорчевывали кустарник и превращали снежный покров в темно-бурую массу.

Но противник не застал нас врасплох. Наши подразделения отразили ночную атаку, которую он предпринял из Борисово в

сторону Ловати и на развилку дорог. Утром гитлеровцы повторили атаку, а затем уже три дня подряд атаки следовали одна за другой с небольшими, в два - три часа перерывами.

Этот бой, захвативший все части дивизии, явился самым ожесточенным из всех оборонительных боев, которые нам до сих пор приходилось вести. По стойкости и самоотверженности наших людей он превзошел бой батальона Прядко на подступах к Сухой Ниве.

Вначале сильное моральное воздействие на бойцов оказывала вражеская авиация. Группы "юнкерсов" по 15 - 20 самолетов под прикрытием истребителей накатывались волнами и обрушивали на поле боя десятки тонн металла. Одномоторные "Ю-87", построившись в кильватер, пикировали с пронзительным воем и, отбомбив, взмывали вверх. Двухмоторные "Ю-88" бомбили развернутым строем.

Разрывы снарядов, треск пулеметов и автоматов сливались в несмолкаемый гул. Густая пелена дыма окутывала весь западный берег.

Ближайший аэродром противника находился здесь же, рядом, у Старой Руссы, а наша малочисленная истребительная авиация базировалась на отдаленные аэродромы и, как правило, запаздывала.

Снаряды наших малокалиберных зениток не достигали цели.

Пережив первый страх и несколько привыкнув к авиации, бойцы начинали уже реально ощущать разницу между ее сильным моральным воздействием и теми незначительными потерями, которые она наносила. "Из большой тучи да малый гром",- говорили они. На второй и третий день, когда натиск противника усилился и возросла угроза прорыва, наша истребительная авиация перебазировалась ближе.

Начались воздушные бои, в которых обе стороны несли большие потери. Становилось одинаково жарко и на небе, и на земле.

Во время одного из воздушных налетов вместе со своим штабом погиб наш лучший командир дивизиона капитан Нестеров. Это он вместе с капитаном Прядко стойко выдержал бой под Сухой Нивой. Это его пушки, стреляя прямой наводкой, выбивали гитлеровцев из Калинцов, Веретейки, Тополева и других опорных пунктов. Замечательный, смелый и волевой был командир!

Трое суток продолжался ожесточенный бой. Несмотря на героическое упорство советской пехоты, артиллерии и саперов, передний край все ближе и ближе подходил к нашему командному пункту. Перевалив через одну линию сопротивления,

гитлеровцы тут же натыкались на вторую, не менее стойкую. Каждая атака стоила им многих жизней и больших материальных средств. Дорого обходилась она и нам.

Трудно сказать, кто дрался лучше в этом смертельном бою: новгородцы или казанцы, артиллеристы или минометчики, саперы или связисты. Все сражались не на жизнь, а на смерть.

Бой захватил всех, в том числе командиров штаба и политработников. Комиссар Воробьев целыми днями простаивал вместе со мной в узкой щели, на нашем НП, и, видя мое недомогание от еще незажившей раны, помогал руководить боем.

Без устали сновал по огневым позициям подполковник Носков, вселяя бодрость в своих артиллеристов. Вся дивизионная артиллерия уже к концу первого дня была выдвинута на прямую наводку и действовала поорудинно. Эти меры пришлось осуществить потому, что, во-первых, лесной бой не позволял вести огня с закрытых позиций и, во-вторых, гитлеровцы применили танки, а наиболее действенным средством борьбы с ними являлись пушки.

Дивизионный инженер майор Матусяк тоже не сидел на месте. После каждой отбитой атаки он вместе с подвижным заградительным отрядом устремлялся на новое, наиболее танкоопасное направление.

Большая ответственность выпала на долю начальника связи майора Алешина. От ударов артиллерии и авиации связь поминутно нарушалась, и стоило огромных усилий поддерживать ее и обеспечивать непрерывность в управлении.

Гитлеровцы рвались на дорогу в Гридино. Это было для них кратчайшее и наиболее выгодное направление для выхода на Ловать. В то же время они никак не могли преодолеть сопротивление батальона Крелина, прочно запиравшего развилку.

Только прорвавшись на стыке полков, противник сумел обойти Крелина и достичь дороги.

Таким образом, наиболее тяжелое и угрожающее положение создавалось на левом фланге Новгородского полка. Сюда были направлены истребительный отряд и школа младшего начсостава - последние мои резервы. Дорога на Гридино несколько раз переходила из рук в руки.

К концу третьих суток не затухающего ни на минуту боя противнику ценой огромных усилий удалось оттеснить некоторые подразделения дивизии на полтора - два километра.

Наши фланги оставались на месте, а центр выгнулся крутой дугой, обращенной своей вершиной к Ловати. Передний край проходил по линии командных пунктов полков и дивизии и удерживался саперами, связистами, артиллеристами, штабными

командирами и политработниками. Пехоты здесь уже не было.

На утро четвертого дня, в самый тяжелый для нас момент, когда уже почти все силы и средства истощились, бой на нашем участке неожиданно затих. С напряжением ожидали мы новых атак, но противник бездействовал. По-прежнему гудело лишь в стороне, несколько южнее, на правом фланге соседней с нами ударной армии.

Оказалось, что на нашем направлении враг выдохся не меньше, чем мы. Он полностью израсходовал свою пехоту и потерял шестнадцать танков. У нашего соседа гитлеровцам удалось прорвать фронт, выйти на берег Ловати и овладеть Рамушевом. Туда и переместился центр боя.

Для развития прорыва фашистское командование начало бросать на рамушевское направление все, что попадало под руку. Туда же потекли и наши армейские и фронтовые резервы. Контратаки велись по берегу Ловати на Редцы и Рамушево с целью подрезать образовавшийся клин.

На рамушсвском направлении бои приобрели длительный и ожесточенный характер.

К 20 апреля гитлеровцам ценой огромных потерь удалось пробить так называемый "рамушевский коридор" и через него соединиться с окруженной демянской группировкой.

Пока шли бои за "коридор", части нашей дивизии приводили себя в порядок, а затем постепенно, шаг за шагом, стали оттеснять противника и восстанавливать свое первоначальное положение. Развилку у Борисово продолжал удерживать Новгородский полк.

* * *

Соединившись со своей демянской группировкой, гитлеровцы все свое внимание сосредоточили на усилении обороны "рамушевского коридора". Наши соединения, обессилев от безуспешных контратак, приводили себя в порядок, делали перегруппировки и накапливали силы.

Весна в том году на Ловати оказалась поздней, затянувшейся и непогожей. Над лесами и болотами висело низкое хмурое небо. По утрам землю окутывал густой туман, по два - три дня кряду вперемешку с крупными хлопьями мокрого снега моросил дождь.

Весна принесла с собой много новых осложнений, главное из них бездорожье.

О крупных наступательных операциях и боях не могло быть и речи.

Восточные подступы к Борисово превратились в труднопреодолимое препятствие: торфянистая, поросшая мелким кустарником и изрытая воронками низина покрылась водой, и

передвижение по ней стало почти невозможным.

Вместе с весной пришел приказ о прекращении наступательных боев.

Мы провели совещание командиров и комиссаров частей. Это совещание помогло нам лучше узнать нужды частей, принять правильное решение и наметить ряд мероприятий. Все, что было в наших силах, мы сделали быстро. Командиры частей получили указания и приступили к организации обороны, перегруппировкам, перестройке огневой системы и инженерному оборудованию.

Катастрофический характер в это время приобрели перебои в снабжении войск боеприпасами, продовольствием, фуражом.

Перебои в снабжении были вызваны весенней распутицей, неподготовленностью к ней армейских тыловых органов, дорожной сети и транспорта.

Вздувшаяся Ловать нарушила установившуюся за зиму связь между берегами. Все коммуникации левого берега потянулись теперь на север к единственному мосту у Парфино, который связывал войсковые части, занимавшие левый берег, с дивизионными и армейскими тылами, оставшимися на правом берегу.

Гитлеровцы усилили обстрел тыловых дорог, главным образом подъездных путей к переправе, н самого моста. Войсковые тылы ежедневно несли потери. По самое тяжелое положение сложилось в армейском тылу.

От станции Крестцы до Парфино, на протяжении шестидесяти - семидесяти километров, стояли сотни застрявших в топкой грязи машин.

Спешно строилась деревянная колейная дорога, но эта трудоемкая работа требовала длительного времени. На станции снабжения скопилось множество грузов, которые невозможно было доставить в части. Дивизии перешли на голодный паек.

С каждым днем паек красноармейцев и командиров сокращался. Люди слабели. Отпуск фуража конскому поголовью прекратился вовсе. Начался падеж скота.

Огонь на фронте еле-еле поддерживался, боеприпасы не пополнялись. Суточная норма расхода боеприпасов составляла пять патронов на активную винтовку, пятьдесят - на пулемет, а на весь дивизионный артполк только тридцать снарядов.

У противника дела обстояли, видимо, не лучше. Вначале гитлеровцы проявляли некоторую активность, а потом тоже стали экономить и чаще отмалчивались.

Со старорусского аэродрома непрерывным потоком вдоль "рамушевского коридора" потянулись транспортные "Ю-52" для

снабжения демянской группировки. Тяжело груженные, шли они в тумане низко над лесом, не выпуская из виду единственный, хорошо заметный ориентир - шоссейную дорогу. Иногда, потеряв ориентировку, самолеты отклонялись от трассы и появлялись между Борисовом и Ловатью, прямо над нашим расположением. Начиналась азартная охота. По воздушному противнику стреляли все, у кого имелись боеприпасы. Было сбито несколько самолетов.

Охота за самолетами, хотя и оживляла положение на фронте, но не могла заслонить того, что тревожило всех, - прорыва в снабжении. Люди получали в день по два - три сухаря. Да и сухари подходили к концу.

В этот наиболее тяжелый период генерал Морозов вызвал меня на провод.

- Как дела с продовольствием? - спросил он. - Тянете еще?

- Плоховато! - чистосердечно признался я. - Плоховато и с продовольствием и с боеприпасами.

- Помогу вам авиацией, - пообещал командарм. - К ночи подготовьте площадку для приема грузов, обозначьте кострами. Прилетят "У-2". Грузы строго учитывайте и делите на три части: одну - себе, две остальные соседям, Батицкому и Шатилову.

Мне показалось немного странным, что я должен получать и распределять грузы на половину армии. "Ну да ладно, - подумал я, - были бы продукты, а распределить их легче всего".

- Когда ожидать самолеты?

- Ориентировочно к 23.00. Установите на площадке дежурство да проверьте лично сами! - приказал генерал.

Площадку я выбрал на поляне, примыкающей к западному берегу Ловати, в километре от своего КП, и поручил саперам подготовить ее. Ночью к указанному времени я пришел туда в сопровождении адъютанта.

По краям площадки едва заметно попыхивают три костра. Команда по приему грузов уже на месте.

- Слышите, товарищ полковник? Тарахтит. Подходит как будто, - говорит Пестрецов.

Из-за леса появляется самолет и на бреющем полете с шумом проносится над нашими головами.

"Принимай!" - слышится с высоты веселый голос, и что-то темное летит оттуда прямо на нас.

В эту ночь авиация доставила нам сухари, консервы, овес. Однако, несмотря на то что продукты сбрасывались с небольшой высоты, они портились: сухари в мешках крошились, консервные банки в ящиках мялись и частично приходили в полную негодность, а овес, разрывая мешки, рассыпался по всей площадке. От дальнейшей доставки овса пришлось отказаться.

В следующую ночь нам сбрасывали на парашютах боеприпасы, а затем еще несколько ночей подряд - продовольствие и боеприпасы.

Хотя грузов мы приняли немного, но они все-таки очень помогли нам.

Плохо было с фуражировкой. В течение трех недель нам совсем не доставляли фуража. Чтобы сохранить поголовье, ездовые и повозочные сдирали с оставшихся крыш полусгнившую солому, собирали хвою, варили все это в своих котелках и подкармливали лошадей.

Тяжелую весну пережили мы на Ловати!

Только с середины мая, когда окончательно установилась погода, потеплело, стало подсыхать и начал пробиваться подножный корм, положение стало налаживаться.

К концу мая в строй вступила армейская колейная дорога, связавшая войска со станцией снабжения, и с тех пор фронтовая жизнь потекла своим обычным порядком.

* * *

В последних числах мая в дивизию прибыла делегация трудящихся Бурят-Монгольской АССР. Делегация вручила нам знамя и привезла подарки. К встрече ее мы готовились, как к большому празднику. Саперы проложили между блиндажами дорожки из жердей и засыпали их хвоей. Такие же дорожки через наиболее топкие места были подведены и к штабам полков. Для связи с тылом мы протянули к берегу Ловати широкую дорогу из настила.

На командном пункте у нас приличная командирская столовая и новое, чего до сих пор никогда не было, - маленькая, на два - три человека, баня. Сделали очаг, вмазали в него бочку из-под бензина для горячей воды, а рядом поставили такую же бочку для холодной. Загородили очаг с боков, накрыли навесом - вот и баня. За водой ездить - незачем, стоит чуть копнуть - и готов колодец.

Гостей ожидаем к двенадцати. Для встречи с делегацией прибыли представители всех частей дивизии, кроме Карельского полка, - он все еще находился в отрыве от дивизии.

Представители от частей построились развернутым строем, как почетный караул. На правом фланге наш лучший полк - новгородцы. Не хватает только оркестра. Да он и ни к чему: до противника не больше тысячи метров услышит музыку и сорвет нам торжество.

А вот и делегация. Двое мужчин и одна женщина идут со знаменем. Делегацию сопровождает начальник политотдела армии бригадный комиссар Шабанов. Он еще издали улыбается

нам.

- Смирно! - подаю я команду и иду навстречу с рапортом. После обмена приветствиями старший из делегатов держит перед строем речь.

- Мы прибыли на Северо-Западный фронт, - говорит он, - вот с этим знаменем и грамотой Президиума

Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров Бурят-Монголии, чтобы вручить их лучшей части, отличившейся на Северо-Западном фронте в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Мы очень рады, что знамя будет храниться у вас, дальневосточников, территориально наиболее близких к нашему народу. Трудящиеся Бурят-Монголии вместе со знаменем передают наказ: "Смелее разите врага! Еще крепче боритесь за наше правое дело!"

На речь делегата строй ответил дружным "ура".

Склонив колено и поцеловав знамя, я принял его. В своей ответной речи заверил, что личный состав нашей дивизии с честью оправдает доверие трудящихся Бурят-Монголии.

После торжественной части мы показывали гостям наше расположение, познакомили их с лучшими людьми дивизии. Затем делегатов, командиров и комиссаров пригласили к праздничному столу.

Такой обед мы устраивали на фронте впервые. Проходил он на свежем воздухе, под кронами вековых сосен, оживленно и весело.

Уже поздно вечером командиры и комиссары стали расходиться по своим частям, а делегация и бригадный комиссар Шабанов уехали в политотдел армии.

На командном пункте все стихло. Только на позициях по-прежнему ухали разрывы и переговаривались пулеметы.

Сумрачное небо озарялось вспышками ракет. Колеблющееся зарево на передовой то вспыхивало, то затухало.

* * *

В лето сорок второго года враг вышел в район Воронежа, на Дон и стоял у ворот Северного Кавказа. Он рвался на Волгу, к Сталинграду, любой ценой пытался захватить Кубань, тянулся к бакинской нефти.

Используя отсутствие второго фронта, гитлеровское командование бросило на юго-восток все свои свободные резервы и создало на этом направлении большой перевес сил. А у нас на Северо-Западном фронте наступило сравнительное затишье.

Войска фронта предприняли несколько частных попыток прорвать "рамушевский коридор" в его восточной части, но ни

одна из них не увенчалась успехом. Противник не только сохранил за собой эту узкую полосу, связывавшую его с окруженной группировкой, но даже несколько раздвинул ее, доведя ширину "коридора" до двенадцати километров.

На Ловати шли главным образом мелкие бои с ограниченными целями. В начале лета гитлеровцы на нашем участке попробовали расширить "коридор". Их удары следовали по обоим берегам реки в северном направлении: от Рамушево на Редцы и от Ново-Рамушево на Александровку, Присморжье.

Однако начальный успех противника был быстро сведен на нет, а затем настойчивыми контратаками наши войска восстановили положение.

В этих первых летних боях с обеих сторон участвовало по нескольку дивизий, а в последующих боях чисто местного значения действовало уже не более полка - дивизии.

Фронтовые перегруппировки нашу дивизию не захватили, она осталась в обороне на своих прежних позициях на подступах к Борисово, только вошла в состав другой, 27-й армии, которой командовал генерал-майор Ф. П. Озеров.

* * *

К обшей нашей радости, после почти пятимесячного отсутствия в дивизию возвратился Карельский полк.

Все прекрасно понимали, что значит иметь во втором эшелоне целый полк. Возрастала наша сила, повышалась уверенность, особое значение приобретал маневр. Теперь можно было поочередно подменять полки первого эшелона, выводить их в тыл на учебу и на отдых.

Да и Карельский полк почувствовал себя совершенно по-другому, когда вновь занял свое место в родной дивизии.

Вместе с комиссаром мы утром навестили карельцев в районе их расположения.

Полк, построенный ротными колоннами, встретил нас на большой лесной поляне. Оркестр играл "Встречный" марш. На правом фланге гордо реяло боевое знамя. Хотя церемония торжественной встречи проходила по правилам мирного времени, но вокруг слишком многое напоминало о войне. И хмурый хвойный лес с перебитыми деревьями, и свежие воронки на зеленом ковре поляны, и клекот в небе вражеского корректировщика, прозванного солдатами "костылем", и гулкие недалекие разрывы, и сам поредевший полк - все говорило о суровых законах войны.

Когда в знак любви и уважения к карельцам я обнял и расцеловал их командира, над полком прокатилось дружное "ура".

Проходя вдоль строя, вижу знакомые лица. Останавливаюсь.

- Командир второй роты лейтенант Перепелкин! - четко представляется мне рослый командир с орденом на груди. - Узнаю вас, но не припомню, кем вы служили раньше.

- Старшим сержантом в батальоне Каширского. Был ранен под Лужно, лечился в госпитале. После госпиталя окончил курсы младших лейтенантов и снова служу в своем полку.

- Молодец! Хорошо воюешь, служба на пользу идет. Рад видеть тебя здоровым, к тому же в чине и при ордене, - говорю я, от всего сердца пожимая Перепелкину руку.

- Старший сержант Фалеев, командую взводом, - представляется другой.

- А-а. Фалеев! Очень рад! Где это мы с тобой виделись в последний раз?

- У вашего блиндажа, товарищ полковник, близ деревни Сосницы. Там меня и ранило.

- Помню, помню. Почему же ты не вернулся обратно в комендантский взвод?

- Из госпиталя попал в Карельский полк, а отсюда не отпустил командир полка. И так, говорит, людей мало.

По сравнению с другими полками в Карельском полку сохранилась большая прослойка бывалых воинов, старых служак-дальневосточников. Это сразу бросается в глаза.

"Казалось бы, должно быть наоборот, - думал я. - Ведь карельцы понесли потерь больше, чем другие полки. В чем же дело?"

Командир полка подполковник Заикин разъясняет мне:

- Армия помогла. Она подсобрала всех наших из госпиталей и прислала в полк. Набралось более трехсот человек. Народ замечательный, лучшего и желать нельзя.

- Армия могла бы и не дать их.

- Конечно! Этим мы обязаны заботе генерала Берзарина, его отеческому отношению к полку.

- Генерал Берзарин вообще всегда был внимателен к нашей дивизии. Нам жалко было уходить из его армии.

- Ничего, товарищ полковник. Воина - широкая дорога, встретимся еще, говорит Заикии.

Полк прошел торжественным маршем.

Отпустив людей на отдых, мы с Воробьевым, сопровождаемые командиром и комиссаром полка, обошли расположение части.

Полк разместился налегке, как на дневке: шалаши и вырытые рядом щели. Глубоко врываться в грунт не позволяет подпочвенная вода. На краю поляны несколько старых полуземлянок, оставшихся еще от зимы. Теперь они заняты

музыкантским взводом.

Заикин по пути рассказывает нам о том, как воевал полк, как мечтали бойцы снова влиться в родную дивизию, иметь соседями свои полки.

- Дали нам для обороны сначала десять километров, а потом растянули до двадцати, - говорит он. - А знаете, что значит для такого обессиленного полка, как наш, двадцать километров?

- Знаем, знаем, - подтверждает Воробьев, а я внимательно слушаю и присматриваюсь к Заикину. Ведь до этого я видел его лишь один раз, да и то ночью. Говорит и ведет он себя просто, ничего напускного. Мне нравится в нем эта простота.

- Растянулся полк в ниточку, затерялся в лесах и болотах, и если бы не железная дорога, служившая нам ориентиром, то и разыскать его было бы трудно. Даже освоившись с местностью, мы все время ходили ощупью, вот-вот, казалось, собьешься где-нибудь, да и угодишь прямо противнику в лапы. Сколько бессонных ночей провели, сколько переволновались! Не один раз немецкая разведка гуляла по нашим тылам, приходила в гости на командный пункт. Тяжеловато пришлось.

- Вы так до конца и оставались под Лычковом? - спросил я.

- Да. Лычково вначале находилось перед центром, а потом мы растягивались все более на запад, ближе к болоту Невий Мох.

- А за наступлением дивизии следили? - поинтересовался Воробьев.

- Еще бы, товарищ комиссар! Командующий сам распорядился, чтобы штаб информировал нас о действиях дивизии. Еженедельно получали о ней специальную сводку.

Мы заходили в шалаши, в которых располагались бойцы и командиры. Обращаясь к ним, Заикин каждого называл по фамилии и, представляя, давал боевую характеристику. Своей заботливостью о людях он во многом напоминал мне покойного Михеева. Да и полк полюбил Заикина не меньше, чем своего прежнего командира. Это чувствовалось по тому уважению, с каким относились к нему все. начиная от его ближайших помощников и кончая рядовым бойцом.

Обход полка мы закончили во второй половине дня. Надо было торопиться к себе.

Заикин очень просил пообедать в полку, но я, к сожалению, не мог этого сделать. Остался комиссар дивизии.

Когда я уезжал, полк продолжал свой праздничный отдых. На опушке царило веселое оживление. С минуты на минуту ожидали дивизионный ансамбль.

Через час я был уже на своем КП.

- Товарищ полковник, несчастье, - встретил меня Пестрецов. -

Позвонили из Карельского - тяжело ранен подполковник Заикин. Не знают, доживет ли до вечера.

- Да как же так? - мне не верилось. - А где наш комиссар?

- Повез раненого в медсанбат.

- Подробности сообщили?

- Не знаю. Разговор перебил начальник штаба. Да вот он и сам идет, показал Пестрецов на подходившего к нам полковника Арефьева, прибывшего в дивизию после гибели Вольфенгагена.

- Подробности такие, - сказал Арефьев. - Во время выступления дивизионного ансамбля начался обстрел...

- "Костыль" проклятый! - вырвалось у меня. - И когда он только засек? Ну, а дальше?

- Все разбежались по укрытиям. Заикин заскочил в землянку к музыкантам. И вот в эту землянку и угодил снаряд. Он разворотил ее, а Заикина искромсал осколками и щепой от накатника.

- Ранение тяжелое?

- Толком никто не знает. Определит только хирург.

- Есть ешё потери?

- Убиты двое и пятеро ранены.

На следующий день я навестил Заикина. Операция была уже сделана, его жизнь находилась вне опасности. требовался лишь длительный и тщательный уход. В течение трех часов хирург вынимал осколки и щепу, штопал кожу, накладывал пластырь. На теле Заикина оказалось свыше тридцати средних и мелких ран. От потери крови и тяжелой операции Заикин сильно ослаб, его поддерживали уколами.

Услышав мой голос, Заикин с трудом приподнял голову, посмотрел на меня виноватым взглядом. Говорить ему не разрешали.

- Все будет в порядке. Не унывай! - подбодрил я Заикина и тихонько пожал его руку выше локтя.

- Не беспокойтесь, выходим! - сказал мне хирург. - Главное - сердце, а оно у него крепкое. Выдержит!

Целых два месяца пролежал командир полка. А сколько внимания и любви проявили в это время к нему карельцы! Ежедневно у него бывал кто-нибудь из ближайших помощников. Два раза в неделю любимого командира навещали делегаты от рот, докладывали ему о своих боевых делах, справлялись о здоровье, желали бодрости. И на госпитальной койке Заикин всегда был со своими людьми и жил с ними одной жизнью.

* * *

Вскоре после ранения Заикина я случайно встретил на командном пункте Новгородского полка военфельдшера Катю

Светлову и вначале не узнал ее. Мне она запомнилась маленькой, подвижной, с веселыми черными глазами и жизнерадостной улыбкой, в ватной телогрейке и шапке-ушанке. А тут я увидел девушку с серьезным сосредоточенным лицом, одетую в защитную летнюю форму. На груди у нее поблескивали орден Красного Знамени и медаль "За отвагу".

Она прошла мимо, поприветствовав меня и командира полка.

- Кто это? - спросил я у Черепанова.

- А вы разве не узнали? Это же наша Катя.

- Какая Катя?

- Светлова.

"Почему она так изменилась?" - подумал я.

- Чудесный человек, жалко с ней расставаться, - продолжал Черепанов.

- Почему расставаться?

- А вы разве не заметили? Она готовится стать матерью. Понемножку собираем ее в отпуск.

- А кто же отец?

- Не знаем. Пытались говорить с ней, но она или вежливо отмалчивается, или грубит, дескать, не ваше дело.

- А что слышно о Чуприне?

- Ничего. Нам он не пишет.

- А Кате?

- Пишет ли Кате? - переспросил Черепанов. - Откровенно говоря, не знаю.

Меня обеспокоила судьба Кати. Я понимал ее одиночество и замкнутость после неприятностей, пережитых зимой. Хотелось как-то облегчить ее горе. Решил поговорить с ней.

Она пришла в блиндаж командира полка, где я ожидал ее. В ответ на мое приглашение робко села за столик.

- Как живете, Катя? Как здоровье? - спросил я.

- Спасибо, товарищ полковник. Живу хорошо. А здоровье, как видите, тоже ничего.

Я ждал. что Катя скажет еще что-нибудь, но она молчала, только как-то натянуто улыбнулась.

- Вы ведь до этого работали в медсанроте. Почему же ушли оттуда? Вам там не нравилось? - спросил я, стараясь вызвать ее на задушевный разговор.

- Как вам сказать? Мне везде одинаково.

- Отчего же такое безразличие, Катя? Раньше вы рассуждали по-другому.

- Не знаю, товарищ полковник. Что было, то прошло.

Разговор явно не клеился. Было ясно, что Катя не желает делиться своими мыслями ни с кем, в том числе и со мной.

Очевидно, надо было начинать разговор как-то по-другому.

- Знаете, Катя, я попросил вас к себе не просто поболтать, а ради серьезного дела...

Она быстро подняла голову, взглянула на меня и снова потупилась. А я продолжал, как бы не замечая ее смущения.

- Мы скоро расстанемся, и хотелось бы, чтобы у вас остались хорошие воспоминания о нашей дивизии. Мы тоже будем помнить о вас как о прекрасном боевом товарище, много раз рисковавшем своей жизнью ради спасения других. Мы ценим вас, Катя, и от всей души нам хочется помочь вам не только здесь, но и там, на новом месте. Куда вы думаете поехать? Если домой, то кто у вас дома? Каково ваше материальное положение?

Катя опять посмотрела на меня. В глазах у нее стояли слезы.

- Спасибо, товарищ полковник, за внимание.- с трудом выдохнула она. Поехать собираюсь к себе в Свердловскую область, там у меня мама и сестренка. Проживем как-нибудь. У меня на книжке есть немного денег.

- А будет ли помогать отец ребенка? Переведет ли он вам аттестат?

- Пока не знаю.

- Если не переведет, то на кого воздействовать нам? Тут многие гадают, кто отец ребенка.

- Отец - Чуприн, - твердо сказала Катя, - и я счастлива, что у меня будет от него ребенок.

Катя подняла голову и, взглянув на меня, улыбнулась нежной материнской улыбкой.

- А где сейчас Чуприн? - спросил я,

Катя рассказала мне, что Чуприн продолжает воевать в дивизии Штыкова. Он часто писал ей. Был ранен, лежал в госпитале и снова возвратился в строй. Ему присвоили звание майора, он назначен заместителем командира полка. Чуприн много раз собирался хлопотать о ее переводе, но не было подходящего предлога. А когда она сообщила о своей беременности, очень образовался, предлагал и деньги, и аттестат, а главное, считал, что теперь есть уважительная причина для совместной службы.

- Мы окончательно так и не договорились, - сказала Катя, - а на днях я получила письмо от начальника штаба. Он пишет, что Чуприн опять ранен. Очень волнуюсь я за него...

Я обещал Кате помочь наладить связь с Чуприным. Расстались мы с ней, как старые хорошие знакомые.

Встретиться с Катей мне уж больше не пришлось. Она уехала к себе в Свердловскую область. Раз или два мне передавали потом в полку приветы, которые посылала она в своих письмах.

Чуприна я тоже надолго потерял из виду.

* * *

День за днем пробежало лето. Наступил сентябрь. Погода установилась сухая, ясная. Особенно хороша была вторая половина месяца с теплыми, залитыми солнцем, чудесными днями.

Шуршали под ногами подернутые позолотой первые упавшие листья.

Прекрасна в эту пору Ловать: спокойная, величавая.

Тихо было на ее берегах. Но каждый, кто долго пробыл здесь и пережил немало суровых военных дней, знал, что тишина эта временная, что скоро здесь снова разразятся боевые бури.

А пока, до этих бурь, оборона жила своей обычной жизнью. Каждодневно совершенствовались позиции, через две недели сменялись и отводились почередно в тыл для отдыха и обучения подразделения и части.

Войска и штабы настойчиво готовились к предстоящим наступательным боям. Изредка проводились мелкие бои с ограниченными целями.

К осени резко возросла активность наших снайперов. по всей дивизии гремела слава об отважном сержанте Савченко, уничтожившем более 150 фашистов. Правда, после контузии сам он редко выходил на "охоту", зато с успехом готовил достойную смену из молодых снайперов, передавал им свой богатый опыт.

Немало радостных дней выпало на долю нашей дивизии в конце лета и в начале осени. Они были связаны с вручением нам правительственных наград, с приездом московских артистов, слетами передовых людей.

Правительственные награды отличившимся красноармейцам, командирам и политработникам вручали командующий и член Военного совета армии. Первыми удостоились наград наши прославленные командиры и политработники: Черепанов, Егоров, Каминский, Крелин, Ссдячко и другие.

Вторым орденом был награжден сержант Григорий Савченко. Получили ордена и медали и другие снайперы - его боевые друзья Золотов, Майоров и Тудвасев.

Из артиллеристов особенно отличился сержант Новгородского полка Постовнев. Всюду, на любой местности, он умело сопровождал пехоту и прокладывал ей путь, наносил врагу значительный ущерб. Во время зимних и весенних боев Постовнев подбил из своего орудия шесть танков и уничтожил до двух десятков огневых точек. Командующий вручил ему высшую награду - орден Ленина.

Среди награжденных саперов выделялся сержант Церковный.

Там, где требовалась наиболее тонкая работа - проделать проход в минах под носом у противника или заминировать свои наиболее опасные места, посылали именно его.

Не были обойдены наградами и Чепцов с Шумовым. На их груди к медали "За отвагу" прибавилось по ордену Красной Звезды. Весной они оба были легко ранены, а вылечившись, оказались в учебном батальоне.

Из учебного батальона вышли сержантами. Ченцов - стал разведчиком. Шумов - пулеметчиком. И того и другого мы предполагали послать на курсы младших лейтенантов.

К концу лета Военный совет наградил у нас свыше 150 человек.

Большую радость доставила бойцам бригада артистов Московского драматического театра, давшая два хороших концерта.

Для общения людей между собой и обмена боевым опытом исключительно важное значение имели слеты передовиков. Особое место заняло совещание снайперов. Оно охватило несколько сот человек и не только снайперов-стрелков, но и пулеметчиков и артиллеристов. Каждый полк передавал все лучшее, что он накопил за год.

Большую роль сыграла также армейская конференция врачей хирургов, проходившая при нашем медсанбате, занявшем среди медсанбатов армии первое место по количеству возвращенных в строй, лечению и уходу за ранеными.

И наконец 24 сентября мы отпраздновали наш праздник-двадцать четвертую годовщину дивизии. Этот праздник совпал с годовщиной пребывания дивизии на фронте.

В беседах, на ротных и батальонных собраниях командиры и политработники рассказывали бойцам о славной истории дивизии, ее боевых делах.

Давно, почти четверть века назад, в суровые годы гражданской войны родилась дивизия. Из разрозненных красногвардейских отрядив в Карелии. Новгороде, Казани сформировались славные полки: Карельский. Новгородский, Казанский, слившиеся затем на Урале в 26-ю стрелковую дивизию. Дивизия приняла знамя зла-тоустовских рабочих и получила почетное наименование "Златоустовская".

Накрепко спаянная коммунистами из рабочих уральских заводов, дивизия в сентябре 1918 года закончила свое формирование и превратилась в грозную для контрреволюции и иностранных интервентов силу. Она громила Колчака, белогвардейские банды атамана Семенова и барона Унгерна, дралась с японскими и американскими интервентами, освобождая

от них Сибирь и Дальний Восток.

За боевые заслуги перед Родиной в годы гражданской войны ВЦИК наградил дивизию Почетным Революционным Красным Знаменем.

С тех пор и до начала Великой Отечественной войны дивизия находилась на Дальнем Востоке, в Приморье, обеспечивая неприкосновенность наших дальневосточных границ.

Прибыв на Северо-Западный фронт и вступив в бои с немецко-фашистскими захватчиками, дивизия прошла через тяжелые испытания. Боевое мастерство далось ей не сразу. И настоящий боевой опыт она приобрела только в зимних наступательных боях. В них она возмужала, окрепла и прочно стала на ноги. В обороне на Ловати окончательно выковались ее упорство и стойкость.

В первый год боев дивизия уничтожила и вывела из строя не одну тысячу оккупантов, десятки танков, сотни орудий, тысячи пулеметов.

Но в напряженных боях таял и ее личный состав.

Боевые потери и выдвижение людей на новые должности повлекли за собой большую текучесть командных кадров.

Частая смена командиров частей, подразделений и политических работников вносила серьезные дополнительные трудности в руководство боевыми действиями.

Торжественное собрание, посвященное годовщине пребывания дивизии на фронте, состоялось в лесу, среди высоких сосен, по соседству с командным пунктом.

Саперы расчистили площадку, соорудили сцену, оборудовали партер скамейками, украсили и замаскировали площадку гирляндами из хвои.

В глубине сцены - дивизионные знамена и почетный караул, за столом президиума - командиры и политработники частей, подразделений, прославленные красноармейцы.

Опять среди нас командир Карельского полка подполковник Заикин. Он еше с трудом владеет левой, сильно поврежденной рукой, по его темные, глубоко запавшие глаза горят задором.

Новые боевые друзья, которых он впервые видит, знакомятся с ним, поздравляют его с выздоровлением.

А площадка, обрамленная гирляндами, волнуется по-своему. Здесь тоже лицом к лицу встречаются старые и новые друзья, и у каждого из них есть о чем поговорить.

На всех этих празднично настроенных людей ласково светит солнце. К безоблачному небу от цигарок и трубок многочисленных курильщиков тянутся струйки сизого табачного дыма.

Но вот все стихает. Комиссар Воробьев открывает торжественное собрание и предоставляет мне слово для доклада о годовщине дивизии.

У каждой воинской части есть свои успехи и неудачи, свои победы и свои герои, свои традиции, которыми гордится часть. Поэтому, говоря о жизни дивизии, я больше говорю о ее славных полках: Карельском, Казанском. Новгородском. Тепло, а иногда бурно встречают собравшиеся имена наиболее отличившихся товарищей, известных всей дивизии. Не забыты имена и наших погибших товарищей: Михеева, Вольфенгагена, Нестерова и многих других.

После того как я закончил доклад, начальник штаба огласил приказ по дивизии. В нем подводились итоги нашим боям и определялось первенство среди частей.

Лучшей части передавалось на хранение знамя Бурят-Монгольской АССР. Эта честь выпала Новгородскому полку.

Под громкие аплодисменты и крики "ура" знатный знаменосец полка сержант Постовнев вместе с ассистентами обнес развернутое знамя вокруг партера и, сопровождаемый знаменным взводом, направился в свой полк.

Определение первенства среди частей вызвало много разговоров. Говорили больше "старички". Они знали, что прошлой осенью и в начале зимы, когда Новгородским полком командовали Фирсов и Свистельников, полк занимал последнее место. С приходом же Черепанова и Егорова полк ожил и начал быстро выходить на первое место.

Черепанов был образцовым командиром полка: волевой, энергичный, способный отдавать себя службе целиком.

Вступив в командование полком, Черепанов слился с ним воедино. В лице комиссара Егорова он нашел достойного соратника, такого же энергичного и неутомимого. Заражая личный состав своей энергией, умело опираясь на командные кадры, на коммунистов, комсомольцев, ветеранов полка, командир и комиссар расшевелили полк, сдвинули его с места, а потом и вывели в голову дивизии.

- ...От души рад за ваш полк, - говорил майор Михалевич, новый командир артполка, первым поздравляя Черепанова и Егорова и пожимая им руки.

- Дай и я пожму, - улыбаясь протягивал руку Черепанову Саксеев.

- Ну, положим, ты-то не очень рад, - посмеиваясь. ответил на рукопожатие Черепанов, - Ты бы больше был рад, если бы знамя передали не моему, а твоему полку.

- Это само собой, - отшучивался Саксеев. - Кто же против? А

сейчас я от души поздравляю тебя.

- Спасибо! - уже серьезно ответил Черепанов.

- А я вот жалею, что знамя передано не Карельскому полку. Чего ж тут скрывать! - полушутя-полусерьезно сказал Заикин, прежде чем протянуть Черепанову руку. - Поздравить, конечно, надо, против этого не возразишь, но, я думаю, надо постараться, чтобы в следующий раз оно было передано не новгородцам, а карельцам. Так-то, друг, не обижайся за откровенность.

- Не обижаюсь, старина, не обижаюсь. И я бы на твоем месте также думал. А за поздравление спасибо. Черепанов обнял Заикина.

- Это тебе. Черепанов, серьезное предупреждение, - сказал Воробьев. Нос не задирай и не почивай на лаврах. Карельцы народ стойкий, напористый, что задумают, то и сделают. Они уже и сейчас идут следом за вами.

- Мы не из робких, товарищ комиссар. Поживем - увидим. Цыплят по осени считают, а сейчас как раз и осень, - отшучивался Черепанов.

Начался концерт красноармейской художественной самодеятельности.

До позднего вечера царило веселье возле нашего командного пункта. Смотрели кинокартину. Потом пели под баян. Звонкое эхо повторяло песню:

Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна...

Никогда еще наш хмурый, истерзанный снарядами лес не был таким оживленным, как в этот праздничный день.

У "рамушевского коридора"

Если зимой 1941/42 года Северо-Западный фронт всколыхнуло контрнаступление советских войск под Москвой, то в зиму 1942/43 года фронт пришел в движение после начавшегося контрнаступления под Сталинградом.

Перед фронтом стояла прежняя, не решенная им задача - завершить окружение демянской группировки и ликвидировать ее.

К началу второй военной зимы протяженность демянского выступа, простиравшегося с запада на восток, от Старой Руссы до озер Велье и Селигера, достигала ста километров, а наибольшая его ширина, от Лычково на севере до Моловотицы на юге, равнялась пятидесяти километрам.

В этом огромном "мешке" по-прежнему находились основные силы 16-й немецкой армии. Если к началу 1942 года, к моменту первого окружения, немецко-фашистская группировка составляла семь дивизий, то к осени она достигла одиннадцати дивизий,

усиленных различными частями специального назначения.

Эти войска распределялись на две, почти равные по численности, части: одна из них была внутри "мешка", имея своим центром Демянск, а вторая обороняла "рамушевский коридор".

Летом окруженный противник произвел большие инженерные работы. От отдельных окопов гитлеровцы перешли к системе траншей. Траншеями были опоясаны и соединены между собой все опорные пункты.

Отдельные опорные пункты и важные узлы сопротивления занимались подразделениями и отрядами, способными самостоятельно вести оборонительный бой. Численность отрядов была не одинаковой: от роты до пехотного полка, усиленных минометами, артиллерией, а иногда и танками.

Стыки между опорными пунктами прикрывались огнем и наблюдались органами охранения и разведки.

Командующий войсками Северо-Западного фронта намеревался решить стоявшую задачу путем прорыва "рамушевского коридора" у его восточного выхода двумя ударными группировками по сходящемся направлениям.

На этих направлениях с ноября 1942 года до середины февраля 1943 года фронт провел три наступательные операции.

Наша дивизия входила в состав северной ударной группировки и действовала восточное реки Пола на участке Малое Степаново- Сорокино.

* * *

Первый снег выпал на мерзлую землю, и сразу же совершился переход от осени к зиме. Снег покрыл поляны мшанника, ухабистые дороги, затянутые льдом лужи. Позеленели на ярком белом фоне стройные сосны и приземистые кудрявые ели. Только лиственное мелколесье, потеряв свои пышные одежды, стояло в неприкрытой наготе.

Бойцы радовались зиме, как дети. Они бегали вприпрыжку, балагурили, бросались снежками.

Первый снег принес новизну и в жизнь дивизии.

- Приказ, товарищ полковник! - зайдя ко мне в блиндаж, радостно сказал начальник штаба.

Дивизии предписывалось срочно передать оборону на левом берегу Ловати стрелковой бригаде, сосредоточиться на правом берегу реки Пола в районе Борки, Березка, Херенки и перейти в резерв фронта.

Делалось это неспроста: видимо, и на нашем фронте после сталинградских событий готовилось что-то значительное.

Накоротке созвали совещание командиров полков: Заикина,

Губского, Черепанова, Михалевича.

Командир Казанского полка майор И. М. Саксеев только что убыл от нас на другую должность, а вместо него прислали майора Николая Александровича Губского - тихого и скромного, но хорошо подготовленного в военном деле и с боевым опытом.

Рассталась дивизия и с начальником связи майором Алешиным: его назначили помощником начальника связи армии.

Николай Васильевич Алешин запомнился нам как замечательный знаток своего дела, чудесный боевой товарищ. Проводили его тепло и от души пожелали ему успехов на новом месте.

Уже по этим начавшимся перестановкам и перемещениям мы догадывались о скором переходе к активным действиям.

Ознакомив командиров полков с содержанием нового приказа, я сказал им, что подробный план смены они получат по прибытии к нам представителей стрелковой бригады.

Все передвижения, перемещения и марш на Полу должны были проводиться только в темное время, в целях сохранения перегруппировки в глубокой тайне. На смену и выход в новый район отводилось всего две ночи.

На вторую ночь полки один за другим уже вытягивались в колонны и, переправившись по наплавному мосту через Ловать, скрывались в лесах междуречья. На своих местах остались пока лишь дивизионные тылы.

* * *

Вот мы и в новом районе, в лесу на правом берегу Полы. Именно здесь год назад завершалось окружение демянской группировки и наш Новгородский полк впервые вошел в связь с частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Места старые, памятные.

По ночам, с восходом луны. я и командиры частей занимались с командным составом, а днем командиры готовили к наступательным боям свои подразделения.

Дивизию посетил командующий войсками фронта генерал Курочкин. Появился он у нас неожиданно.

- Как дела, готовитесь или отдыхаете? - спросил он у меня.

- Готовимся, товарищ генерал, усиленно готовимся, - доложил я.

- Ну, это дело!

Командующий изъявил желание посмотреть командный состав одного из полков и стрелковый батальон другого полка по моему выбору.

Пока вызывались с занятий и строились люди, Курочкин прошелся по лесочку. Осмотрел размещение дивизионных частей,

расположенных вблизи штаба.

К указанному времени на поляне, где по ночам командный состав занимался строевой подготовкой, выстроились подразделения: на правом фланге - сводная рота командного состава Новгородского полка, левее - батальон Карельского. Все бойцы и командиры тщательно выбриты, подстрижены, с белыми подворотничками. Внешним видом строя командующий остался доволен.

- Неплохо! Молодцевато! С таким составом можно горы свернуть! Вы готовились к смотру?

- А как же, товарищ генерал, все время готовились, при каждой к тому возможности. К смотру подготовиться легче, чем занять Борисово.

Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

- Подготовка к смотру тоже важное дело.

Командный состав и батальон четко, по-строевому, прошли мимо генерала и на его похвалу "Хорошо идете!" ответили дружным "Служу Советскому Союзу!"

Через двое суток был получен приказ о переходе дивизии в состав 11-й армии генерала Морозова.

За время пребывания на Северо-Западном фронте дивизия уже третий раз поступала в состав этой армии. Наши штабы и командиры частей хорошо знали и командование, и армию, и порядки в ней.

- Ну как, теперь опять "с ходу"? - спрашивали друг у друга штабные командиры.

- Да, как обычно, - следовал невеселый ответ. Получив приказ, я поспешил представиться новому командованию и получить его указания.

Штаб армии нашел в глубоком овраге. Генерал Морозов встретил меня так, словно дивизия никогда и никуда не убывала от него, а меня он видел всего лишь несколько часов назад.

На мои вопрос "Чем прикажете заниматься?" генерал ответил: "Занимайтесь тем же, чем занимались до того".

Он показал мне по карте три направления для возможных контратак дивизии и предложил ознакомиться с ними.

- Не ожидается ли чего-нибудь нового в ближайшие дни? - спросил я.

- Да нет, как будто бы все спокойно, - ответил генерал и добавил: Сами лично займитесь рекогносцировкой.

После встречи с Морозовым я пошел представиться члену Военного совета генералу Панкову.

Так, догадываясь только чутьем, что скоро должны начаться серьезные дела, мы готовились к наступлению.

Началось оно для дивизии совершенно неожиданно.

* * *

Шел второй день моей рекогносцировки. Верхом вдвоем со своим адъютантом ездил я по заснеженному полю, глубоким оврагам и мелким перелескам.

Рекогносцировалось центральное направление в полосе дивизии полковника Белобородова.

К трем часам дня, закончив свою работу и сильно промерзнув, я заехал к нему в штаб познакомиться и обогреться. После взаимных представлений и расспросов Белобородов пригласил меня пообедать.

Не успели мы с ним усесться за стол, как раздался телефонный звонок. Это по армейской сети разыскивал меня Арефьев.

- Товарищ полковник! Прошу вас срочно приехать в штаб.- сказал он.

- Что-нибудь произошло?

- Да, и очень серьезное.

- Тогда лечу галопом. Через тридцать - сорок минут буду у себя, ответил я.

Когда я приехал, в блиндаже у начальника штаба собрались уже все командиры полков и начальники отделов. Командиры полков, так же как и я, только что прискакали на галопе. От их лошадей, стоявших в овраге, шел пар.

- Что произошло? - спросил я у Арефьева.

- Час назад здесь был начальник штаба армии и передал приказ о наступлении.

- Когда наступаем?

- Завтра, тридцатого ноября, в девять утра.

- Где исходное положение, какова задача? - засыпал я его вопросами.

Арефьев начал подробно докладывать. "Итак, исходное положение на опушке леса, между Стрелицы и Сорокино, - думал я, следя за карандашом Арефьева, которым он водил по карте. - Наступать на юго-запад. Задача: прорвать оборону и выйти на берег реки Пола на участке Росино, Малое Стёпаново. Это значит: надо силой взломать северную стенку "рамушевского коридора". А кто ее обороняет? Кто сидит за этой стеной? Ничего нам неизвестно".

- А письменный приказ оставлен? - спросил я у Арефьева.

- Нет. Последует дополнительно.

Начинаю мысленно рассчитывать: "Сейчас четыре часа дня. Темнеет. Наступление - в девять утра. На подготовку нам остается всего семнадцать часов, да и то темного времени. Никто из нас,

ни я, ни командиры полков, на этом направлении никогда не были и с условиями не знакомы. Времени совсем мало. До исходного положения ближайшему Новгородскому полку надо пройти пятнадцать километров. Это займет не менее четырех часов ночного марша. Полк должен следовать через Кузьминское, Лялино, не доходя до Горбов, повернуть вправо и пробиваться через заболоченный лес к отметке 59,5. По лесу и болоту придется идти четыре километра, дорог там по карте не видно. А что если болото не замерзло и его придется гатить, как в прошлую зиму? А разве легко через неизведанный заболоченный лес прокладывать ночью колонный путь? Не застрянет ли полк в этих дебрях?"

- Кроме нас, наступает еще кто-либо? - спрашиваю начальника штаба.

- Справа как будто латыши, а слева - не знаю. Наштарм пролетел, словно метеор, я и оглянуться не успел, а его уже и след простыл. Получим письменный приказ, в нем, очевидно, все будет сказано.

Напряженно вслушиваются в мой разговор с начальником штаба командиры полков и потихоньку переговариваются.

- Одним словом - "с ходу", - иронически замечает кто-то из штабных командиров.

- Говорят, в этой армии стиль такой, - подхватывает Заикин.

Я в душе соглашаюсь с ними. В самом деле, почему нам сообщают задачу перед самым ее выполнением, вопреки уставным требованиям, и реальность ее решения сразу же ставится под угрозу?

Почему здесь всегда такая спешка? Почему нет ее у других, скажем, у Берзарина?

Но перед боем я не имею права вызвать и тени сомнения у своих подчиненных. Строго прикрикиваю на командиров полков:

- Довольно шушукаться! Распоряжения старшего начальника не обсуждать, а выполнять!

Сразу все стихают.

- Прошу ближе! Слушайте приказ! Новгородскому и артиллерийскому полкам выступить совместно в 20.00 и к 24.00 сосредоточиться в лесу на дороге между Лялино и Горбами. Исходное положение для наступления занять с рассветом. Остальные части подтягивать в порядке очередности через каждые три часа. Сейчас выедем на рекогносцировку к Горбам и там на местности уточним порядок выполнения задачи. Если командирам полков требуется передать какие-либо распоряжения к себе в части, разрешаю оставить здесь для этих целей своих адъютантов.

Около шести часов вечера мы достигли крутого и узкого гребешка в одном километре севернее Горбы. Прошло уже полтора часа, как землю окутал ночной мрак. Кругом стоит густой темный лес. Под ногами белеет свежий снег, над головой в чистом небе мерцают звезды.

Взобравшись па гребень, мы смотрим сначала на юг. Там, в трех километрах от нас, на северном фасе "коридора" почти непрерывно, как зарницы, вспыхивают ракеты. По ним легко можно определить опорные пункты противника: Радово, Здриногу, Обжино.

Повернувшись на юго-запад, на свое направление, мы так же свободно, по ракетному освещению, находим Сорокино. Расположенные за перевалом Росино и Стёпаново не просматриваются - до них около восьми километров.

Пробуем углубиться в лес, но нам это не удается. Кроме темной массы деревьев, ничего не видно.

- Товарищ Черепанов! - приказываю я. - От этого гребешка возьмите азимут 230 и будете врубаться в лес. В голову выдвиньте саперную роту, чтобы прокладывала колонный путь: рубила лес и кустарник, гатила болото, делала мостики и разъезды. Если нужно - усильте саперов пехотой.

- Ясно, товарищ полковник.

- Утром, прежде чем наступать, разберитесь хорошенько на местности, артполк выдвиньте на опушку и поставьте на прямую наводку. Если до начала атаки я по каким-либо причинам не смогу к вам прибыть, начинайте атаку самостоятельно. Действуйте смело и решительно. Вас будут подпирать Заикин и Губский.

- Все понятно, товарищ полковник, - еще раз повторяет Черепанов.

- А остальным командирам?

- Нам тоже понятно, - говорят командиры полков.

- Тогда прошу поспешить к частям и выводить их на свои направления.

На этом и закончилась наша ночная рекогносцировка. Сделать что-либо большее мешала темнота, да и не позволяло слишком ограниченное время.

Всю ночь тянулись войска через поляну у Свинороя и скрывались в лесу. Всю ночь стучали топоры и жужжали пилы в Новгородском полку, и саперы, обливаясь потом, проталкивали вперед пехоту и артиллерию. Только к утру усталые и измученные люди пробились через лес, преодолели болото, вышли сами и вывезли вооружение на опушку севернее Сорокино.

К рассвету испортилась погода. Крупными хлопьями повалил

снег, подул ветер, поднялась поземка. Погода усложнила ориентировку и подготовку к атаке. Требовалось светлое время, чтобы разобраться во всем и навести порядок.

В десять часов утра на опушке собрались три командира полка: Черепанов, Михалевич и танкист, случайно попавший к нашим частям. Танкисту приказано было взаимодействовать с 43-й гвардейской латышской дивизией, но он, пройдя Стрелицы и спустившись южнее, ни одну из частей этой дивизии не нашел, а натолкнулся на наш Новгородский полк.

"Что же делать? - рассуждали командиры полков. - Атаковать? Но кого?" Никому из них о противнике на этом участке ничего не было известно, а обнаружить его мешала непогода. Снег слепил глаза и заволакивал плотной пеленой все, что находилось далее двухсот метров.

Подумали, посоветовались и решили атаковать.

Один стрелковый батальон новгородцев был посажен на танки в качестве десанта, а два других, развернувшись в боевой порядок, последовали уступом во втором эшелоне.

Командир артполка Михалевич часть своих орудий оставил на опушке, а остальные направил вслед за пехотой как орудия сопровождения.

К началу атаки я не успел выдвинуться на НП Черепанова - задержали в лесу и на болоте огромные пробки. На единственной дороге, проложенной ночью Черепановым, сгрудились тылы полков первого эшелона и тут же наслоились следующие эшелоны: Карельский и Казанский полки. Потребовалось время, чтобы рассредоточить людей и материальную часть и протолкнуть весь этот поток вперед.

Вырвался я на опушку, когда снегопад стал стихать. С дерева, на которое я забрался, хорошо просматривался поросший кустарником бугор в направлении Симонова и ползавшие там танки.

"Нет, это не наши, - подумал я. - У нас нет танков. Где же новгородцы?"

Подъехал начальник штаба. Он уже успел перегоговорить с Черепановым по телефону и узнал, что танки взаимодействуют с его полком.

- Слезайте, а то простудитесь. - сказал он мне. Увлеченный боем, я без полушубка, в одной телогрейке сидел на дереве и наблюдал, не замечая ни резкого ветра, ни холода.

Я слез, но действительно простудился. Три дня шел бой, и три дня я был прикован к постели высокой температурой, заложило горло, совершенно пропал голос.

В первый же день боя, 30 ноября, развернулся и вступил в бой

и Карельский полк.

К вечеру непогода разбушевалась еще сильнее, но бой не затихал. Новгородцы и карельцы, действуя совместно с танкистами, разгромили крупный опорный пункт гитлеровцев к востоку от Росино. К исходу дня Новгородский полк донес, что он овладел Малое Стёпаново. В бою были захвачены сотни полторы пленных, двадцать пять орудий и два танка.

В следующие два дня, когда внезапность была уже утрачена, сделать чего-либо существенного не удалось. Полки стали закрепляться на достигнутых позициях. На других участках фронта бои продолжались. Командование требовало и от нас развития успеха. Но поддерживающие танки от нас ушли, снаряды мы израсходовали, а одна пехота собственными силами ничего сделать не могла.

На третий день, когда я еще болел, меня навестил наш новый (четвертый по счету) начальник политотдела Грановский.

- Читайте, товарищ полковник, хвалят нас, - протянул он мне листовку, усаживаясь поближе к моей постели.

Показав на горло, я извинился, что не смогу поговорить с ним. Грановский улыбнулся.

- Эта листовка поможет вам лучше любого лекарства, - сказал он. Я стал читать.

"...Товарищи бойцы, командиры и политработники! Оборона противника прорвана. Наши части заняли ряд сильно укрепленных узлов сопротивления противника и несколько населенных пунктов...

Враг потерял несколько тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными. Нами захвачены у противника орудия, минометы, пулеметы, снаряды, склады с боеприпасами и военными материалами. Трофеи подсчитываются.

В первых боях особо отличилось соединение командира Кузнецова. Бойцы, командиры и политработники этого соединения умело и крепко бьют немецких оккупантов.

Только за один лень 30 ноября они уничтожили более 600 немцев, заняли сильно укрепленный узел сопротивления врага и захватили 25 орудий, 1600 снарядов, 4 рации, пулеметы, винтовки и другое вооружение и боеприпасы противника.

...Мужественно и умело руководил боевыми действиями своей роты лейтенант Верхошапов. Он непрерывно управлял боем, обеспечил образцовое взаимодействие с танками и артиллерией, четко указывал огневые точки врага и лично убил семь немцев.

Как советский богатырь, бил врага командир отделения сержант Васильев... Он первым ворвался в траншею противника,

уничтожил 12 немцев и одного взял в плен...

Наступление наших войск продолжается.

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

Смело преследуйте врага до полного разгрома и уничтожения!..

Политотдел армии".

Листовка обрадовала и взволновала меня. "Да, дивизия кое-что сделала, но этого слишком мало, чтобы брать пример с нас, - размышлял я. - К тому же и наступление у нас застопорилось".

Написал Грановскому записку: "На нас возлагают большие надежды, а мы бессильны оправдать их. Как же быть?"

- Надо сделать все, что в наших силах, - сказал он. - Пойдем к бойцам, будем говорить с ними. Все зависит от них.

"От них-то от них, - написал я ему, - да ведь с одними автоматами оборону не прорвешь, нужны пушки, танки и много снарядов, а у нас их нет".

- Ничего. Подвезут. Выздоравливайте только поскорее, - сказал Грановский, прощаясь.

* * *

Дней через пять - шесть, немного оправившись от болезни, я выехал со своим начартом на бугор к Росино, чтобы на местности разобраться в обстановке. Раньше этот бугор являлся центром узла сопротивления противника.

Был чудесный солнечный день. Ослепительно, до рези в глазах, искрился снег. Кое-где на белом фоне чернели аккуратные тумбы, напоминавшие усеченные пирамиды, высотой в человеческий рост. Тумбы были выложены из дерна, толщина каждой из них достигала полутора метров. Рядом с тумбой находился окоп.

- Это артиллерийский наблюдательный пункт. - догадался Носков. Смотрите! Если я наблюдаю из окопа, то ничего дальше двухсот - трехсот метров перед собой не вижу. А если выхожу из окопа, становлюсь за эту тумбу и начинаю наблюдать стоя, то вижу гораздо дальше. Тумба должна предохранять от осколков и пуль. Сочетание тумбы с окопом - вот вам и полный артиллерийский наблюдательный пункт.

По числу тумб мы определили, что захваченный нами узел сопротивления поддерживался огнем восьми вражеских артбатарей.

Для общей ориентировки нам пришлось сменить несколько немецких артиллерийских НП, но все они не удовлетворяли нас. С них еще кое-как просматривалась местность в нашу сторону и совершенно не просматривалась в сторону противника. Видны были только гребни складок и совершенно скрывались обратные

скаты, лощины и овраги.

- Чертова местность, никак к ней не приспособишься! - ворчал Носков.

- Пора бы уж и привыкнуть, - сказал я.

- Где ж тут привыкнуть! - Воюем то в лесу, то в болоте, то вот на таких буграх с кустарником. Хоть бы один бой провести в приличных условиях! Мы же - артиллеристы, у нас и правило такое: "Не вижу, не стреляю". А тут стреляй, как хочешь, без наблюдения. А толку-то что от такой стрельбы?

Мы попытались пробраться поближе к переднему краю, но на гребешке с тремя отдельными сосенками нас заметили и обстреляли из пулемета. Идти дальше было нельзя.

Справа от нас располагалось Росино - сильно укрепленный гитлеровцами опорный пункт. Просматривалась только его южная окраина. Видны были три дома. расположенные на значительном удалении друг от друга, и еще одна небольшая деревянная постройка - амбар или баня. Впереди нас, на юго-западе, должны были находиться разделенные глубоким оврагом Малое Стёпаново и Большое Стёпаново. Мы считали, что Малое Стёпаново занято нами, а Большое Стёпаново - противником.

Но где же эти пункты? Как я ни всматривался в бинокль, обнаружить их не удалось.

Попробовал ориентироваться с помощью карты. Судя по карте, мы находились в полутора километрах от Малое Стёпаново и, значит, его можно было увидеть и невооруженным глазом.

- Товарищ Носков! Вы не нашли Малое Стёпаново? - спросил я у начарта.

- Ищу, товарищ полковник. Построек не видно. Не могла же провалиться сквозь землю целая деревня?

- Вот я и спрашиваю об этом. Видимо, Малое Стёпаново стерто с лица земли. И в то же время мы донесли, что заняли его. Об этом упомянул и политотдел армии в своей листовке. Так чем же мы овладели, если Малого Стёпанова не существует?

- Да-а, - с расстановкой произнес Носков. - Надо вызвать сюда Черепанова.

Послали за командиром полка адъютанта, а сами остались продолжать ориентирование.

Подъехал Черепанов. Своим докладом он усилил мои сомнения. Передний край полка проходил за оврагом. Никаких населенных пунктов там нет. справа от оврага река Пола, слева - кустарник. В отрогах оврага есть постройки: жилые землянки, гаражи, конюшни. Когда эти постройки были захвачены, их в темноте и в снегопад сочли за Малое Стёпаново. Так донесли командиру полка комбаты, так и он, Черепанов, донес в штаб

дивизии.

- Но где же настоящее Малое Стёпаново? Покажите его! - допрашивал я командира полка.

- Честное слово, и сам не знаю, где оно. На местности нет ни Малого Степёнова, ни Большого Стёпанова. Мы занимаем вот тот бугор, - показал Черепанов рукой. - Может быть, как раз на этом бугре и стояло Малое Стёпаново. Очень трудно ориентироваться. На том бугре противник днем даже ползать не даст, голову нельзя поднять. Пищу подвозим по оврагу и то только ночью.

- Но почему же вы донесли, что овладели Малым Стёпановом, когда его на местности совсем нет?

- Товарищ полковник, я донес то, что мне доложили. Проверить в темноте я не мог.

- А почему же вы не проверили после?

- Простите! Каждый день проверяю, все время сомневаюсь, но до сих пор как-то не решился доложить. Думал, переживал, совестно было сознаться в ошибке.

Черепанов стоял растерянный, не смея взглянуть мне в глаза.

- Не ожидал, Черепанов, что вы так сильно можете подвести, - сказал я ему.

Черепанов безнадежно развел руками и опустил голову.

- Может быть, у тебя и трофеи липовые? - спросил Носков. - Мы их тоже не видим.

- Ну нет! - сразу оживился Черепанов. - В трофеях ничего липового нет. Пушки всегда остаются пушками, все они стоят на своем месте, и никто их не украдет.

- А где же они?

- Они там! - показал он на овраг. - Все двадцать пять, я сам не раз пересчитывал, и два танка.

Черепанова-то я поругал, но сам был не в лучшем положении.

"Что же делать? Донести командующему о своих сомнениях или умолчать? задавал я себе вопрос. - Можно, конечно, считать, что Малое Стёпаново занимаем мы, от этого дело не изменится, только не чиста будет совесть. Во-первых, Малого Стёпанова нет и занимать мы его не можем, а во-вторых, по всем данным, тот бугор, где оно стояло, занят противником, а наш передний край проходит на подступах к нему.

Доложил Морозову вечером по возвращении с рекогносцировки.

Внешне к моему докладу командующий отнесся как к самому обычному, только сказал:

- Может быть, это и не так? Разберитесь получше!

Через неделю я предстал перед Военным советом армии с объяснениями по поводу неудачи с Малым Стёпановом.

Военный совет армии объявил мне выговор за неправильную информацию и предупредил, чтобы я впредь проверял, а потом уже докладывал.

* * *

После непродолжительной оперативной паузы вновь начались наступательные бои у стен "рамушевского коридора". На нашем участке они развернулись за опорный пункт гитлеровцев - Сорокино.

Сорокино находилось на левом фланге дивизии, на стыке с соседом. Оно раскинулось на пологой высоте метров на десять - двенадцать выше уровня болота и командовало над окружающей местностью.

К населенному пункту с трех сторон подступал лес, разделенный тремя полянами, из которых две своими скатами были обращены на север, в нашу сторону. Западная поляна находилась перед левым флангом нашей дивизии, восточная - перед правым флангом соседа.

На скатах просматривались три траншеи, соединенные между собой ходами сообщения. Сорокинский опорный пункт образовывал в обороне противника выступ, обращенный своим углом к нам. Линия переднего края подходила сюда с юга, а затем резко поворачивала на запад к Росино.

Гитлеровцы имели в Сорокино один пехотный батальон, а на всем выступе у них оборонялось до пехотного полка.

Бои за Сорокино явились составной частью второй наступательной операции армии и имели вспомогательный характер. Главный удар армия наносила на участке: Обжино, Ольховец, Вязовка, в пяти - шести километрах левее нас, на том самом месте, где мы действовали прошлой зимой. Продолжались эти бои двадцать дней. Начались в конце декабря сорок второго года и заняли почти всю первую половину января сорок третьего года.

Проходили они и на этот раз недостаточно организованно, с низкой материальной обеспеченностью, рывками, нервно. Нервозность порождалась неуспехами.

Участвуя в боях за Сорокине, мы вначале взаимодействовали со своим левым соседом - дивизией полковника Штыкова, затем с дивизией генерала Розанова и, наконец, когда фронт наш расширился, пытались овладеть опорным пунктом самостоятельно. Правый сосед в боях не участвовал: он продолжал обороняться.

Штыков со своим штабом появился рядом с нами неожиданно, ночью, обнаружили мы его утром, когда его штаб стал зарываться в землю. Я зашел в палатку к Штыкову. Встретил

он меня радушно.

За завтраком разговорились. Вспомнили о наступательных боях прошлой зимы, поговорили и о задачах сегодняшнего дня.

- Начальство опять что-то замышляет, делает перегруппировки и все молчком, - говорил Штыков. - Перебрасывают с участка на участок, как мячик, а зачем - неизвестно. Вот и сейчас перебросили меня, чувствую, заставят Сорокино брать, но пока ничего не говорят, скажут в последнюю минуту. Ты не знаешь, когда наступать начнем?

- Нет, не знаю, - ответил я. - Был здесь вчера начальник штаба армии, изучал, планировал что-то, а затем, так ничего и не сказав, уехал в латышскую дивизию к Вейкину. Вечером я зашел к Вейкину, спросил у него, а он только плечами пожал. Так и ушел я от него ни с чем.

- Вот тебе и взаимодействие, - покачал головой Штыков. - Каждого ограничивают рамками своей задачи, не раскрывая ни замыслов старшего начальника, ни задач соседей. Пришлют выписку из приказа, вот и все, комбинируй как знаешь. Если интересуешься, что будет делать сосед, то сходи к нему сам и узнай, а его добрая воля - сказать тебе это или не сказать. А как у тебя с людьми?

- Хвалиться нечем, ниже среднего. Хоть и в обороне лежим, а потери несем каждый день. Люди выбывают, а пополнения не поступает.

- А у меня совсем людей мало, - вздохнул Штыков. - Плоховато дело и со снарядами.

Переговорив о делах, мы перевели разговор на знакомых нам офицеров.

- Скажи, пожалуйста, как у тебя мой Чуприн поживает? - спросил я Штыкова.

- Аа-а!.. Алексей Иванович! Ну, это молодец! За такого командира, откровенно говоря, я тебя благодарить должен. Сейчас на полк его поставил, думаю, справится. Да, ты знаешь, - Штыков улыбнулся, - он теперь отец, сынишка у него растет, Алексей Алексеевич.

Так беседовали мы со Штыковым дня за два до начала наступления, не предвидя, как и когда оно начнется и во что выльется.

А началось оно очень просто и еше проще закончилось.

Был получен приказ, в котором указывались задача и время начала действий и давалась выписка из плана артиллерийского наступления.

Согласно плану за продолжительной артподготовкой должен был последовать огневой налет по переднему краю, а вслед за

ним бросок пехоты в атаку.

Но в бою всё приобрело иной вид, чем на бумаге.

Рано утром, до начала артподготовки, я был на своем НП, в двух километрах к северо-западу от Сорокино, у отметки 59,5.

Началась артподготовка. Реденько, один за другим, проносились над головой снаряды и падали на широком фронте, создавая видимость не артподготовки, а пристрелки.

- Какой же толк от вашего огня? - спросил я у Носкова.

- А что же я могу поделать? - ответил он. - Снарядов мало.

- Мало снарядов, так надо бы и время брать меньше, вместо сорока минут хватило бы пятнадцати.

- На меня не обижайтесь, товарищ полковник, я здесь ни при чем, сказал Носков, - план прислали сверху, армейскую операцию планировала армия, а не мы.

Он был прав.

Наступило время огневого налета. Огонь несколько усилился, но опять это было совершенно не то, чего ожидала изготовившаяся к атаке пехота. В атаку она поднялась не дружно. Ее бросок к окопам противника был встречен шквалом неподавленного огня, и она тут же вынуждена была залечь в снег и окапываться.

Наблюдая за всем этим, я нервничал, ругался с командирами полков, вызывал к проводу комбатов, но был бессилен что-либо изменить.

Подчиненные реагировали на мои требования по-разному.

- Заикин! Почему не атакуете? - спрашивал я у командира Карельского полка.

- Сильный огонь не дает пехоте подняться.

- Подавляйте его и атакуйте!

- Стараемся, но не можем. Подавите, пожалуйста, артиллерию и минометы. Почему молчит наша артиллерия, почему она не хочет помогать пехоте?

- Помогает, как может. Подавляйте своими средствами и атакуйте! Алло!.. Алло!.. Николай Васильевич! - звал я. -Карельцы никогда не подводили, они и сейчас не должны подвести! Алло!..

Но Заикина у телефона уже не было. Он совершенно не выносил, когда я случайно в бою называл его по имени и отчеству. Он считал тогда наши дела настолько плохими, что хватал автомат, срывался с места и бежал в один из батальонов, чтобы участвовать в бою лично.

- Черепанов! Почему не атакуете? - спрашивал я командира Новгородского.

- Не подавлен огонь. Пехота рванула и залегла, ничего поделать не может. А батальон Захарова совсем не поднялся.

- Почему?

- Захаров артподготовки ждет.

- Да что он? Артподготовка уже была. Часы-то у него есть? Сигнал атаки видел?

- И часы есть, и сигнал видел, а артподготовки, говорит, на его участке не было.

- Соедините меня с Захаровым! - требую у телефонистов.

- Я вас слушаю! - доносится голос комбата.

- Вы почему не перешли в атаку? Все атаковали, а вы лежите, товарищей подводите! - обрушиваюсь я па него.

- Товарищ первый, - отвечает он, - у вас по плану атака после артподготовки, а артподготовки еще не было.

- Как не было?

- На моем участке была только пристрелка. За сорок минут артиллерия выпустила не более двухсот снарядов. Сигнал я видел, но жду огневого налета. Произошла какая-то ошибка, вот я и выясняю.

- Ошибки никакой нет, сигнал был, и остальные батальоны уже атаковали, - говорю я.

- Но они же залегли, и никакой атаки не получилось. Что же мне делать теперь? - спрашивает Захаров.-Если артподготовки не

будет, то огонь и мне не позволит атаковать.

- Одни не атаковывайте,-говорю я ему, - ждите повторного огневого налета и нового сигнала для атаки.

Через два часа мы снова пытались атаковать, и снова безрезультатно. Не принесла успеха атака и па второй день. Потери возрастали, а передний край оставался непрорванным.

У дивизии Штыкова условия были не легче наших. Мы атаковывали на широком фронте между Сорокином и Малым Стёпановом, рассчитывая прорвать в центре своего участка и обойти сорокинский опорный пункт с запада. Штыков же атаковывал, хотя и на более узком фронте, но зато прямо в лоб на опорный пункт с его траншеями и сильной огневой системой.

Так же, как и мы, дивизия Штыкова не сумела добиться главного подавить огонь противника, а без этого атаки затухали, едва начавшись.

Поздно вечером в конце второго дня наступления я зашел к Штыкову, чтобы обменяться с ним своими впечатлениями и посоветоваться насчет дальнейших действий.

За последние два дня нас сильно ругало начальство.

Мы в свою очередь ругали своих подчиненных, но дело от этого с места не двигалось. Для подавления огня артиллерии и минометов противника у нас не было средств...

- Руганью делу не поможешь, - сказал мне Штыков, - надо задачу обеспечить материально. Возьмем, к примеру, артиллерийское наступление. Мы имеем план, но разве это артиллерийское наступление? В чем оно должно заключаться? В непрерывной поддержке пехоты массированным, действительным огнем на всю глубину, пока не возьмем Сорокино. Наша артиллерия должна подавить всю огневую систему противника, в том числе его артиллерию и минометы, и расчистить дорогу другим наземным родам. А разве похоже наше артнаступление на то уставное, о котором я говорю?

- Конечно, нет, - ответил я. - Если было бы похоже, то наверняка бы выполнили задачу.

- Вот, вот! - горячится Штыков. - Согласен! Но ведь в уставе-то все это записано? Записано. Учат нас тому, как надо организовывать наступление? Учат. Верховный требует сопровождать наступление артиллерийской музыкой? Требует. Так в чем же дело? Почему же не хотят выполнять этих требований?

- Уставные требования и требования Верховного выполняют, - говорю я ему, - только не везде, конечно. Там, где их выполняют, и успех налицо, вот, например, под Сталинградом. Там дела идут прекрасно.

- А почему же у нас нельзя этого сделать? - перебивает он меня.

- Нам отпускают меньше, чем там. Как-никак, там направление главное, решающее, а у нас второстепенное, вспомогательное. Там всего должно быть больше, чем у нас.

- Но и у нас на фронте есть кое-что, мы не такие уж бедные. Уверяю тебя! Надо только свои ресурсы использовать лучше, чем они используются, говорит Штыков.

- А что бы ты хотел? - спрашиваю у него.

- Как что? Конечно, артиллерию, минометы. Надо создать соответствующую плотность и обеспечить эту плотность снарядами и минами.

- Было бы замечательно.

- А как же! Сколько у нас с тобой артиллерии? По тридцать стволов на дивизию. А сколько нужно, чтобы прорвать оборону? По скромным подсчетам, 60 - 80 стволов на один километр. Вот сколько! - Штыков ударяет ребром ладони по столу. - А теперь подсчитай, сколько мы должны с тобой иметь. Расчет простой - мне на два километра прорыва полагается полтораста орудий и минометов, а я не имею и одной трети того, что мне положено.

- Правильно. И снарядов отпустить нам по крайней мере раз в десять больше, чем нам их отпустили, - говорю я ему.

- И снарядов. Без снарядов пушки не пушки, их можно поставить хоть тысячи, а толку никакого.

- Не забывай, нам с тобой, кроме артиллерии, полагаются еще танки и авиация, - говорю я. - Ну да что об этом толковать. Давай лучше подумаем о том, как выполнить задачу наличными средствами. Как бы нам обмануть противника?

- Я считаю, что надо подготовить ночную атаку, - сказал Штыков. Ночью огонь менее действен, да и направление удара можно скрыть.

- Надо предложить такой план командующему. А предварительно поручить нашим штабам разработать несколько вариантов ночных действий.

- Верно. Но это потом. А вот как завтра будем выполнять задачу?

- Слушай, Серафим, - назвал я его по имени, - давай не будем расстраиваться.

- Как же не расстраиваться? - с грустью посмотрел он на меня. - Вот подумай: пройдут годы, закончится война, и станем мы отчитываться перед своим народом - кто, где и как воевал. И вот, представь себе, как ты будешь отчитываться. Одни будут говорить - они сражались за Москву и отстояли ее, другие отстояли Сталинград и, больше того, уничтожили там крупные силы врага,

третьи совершили еще что-нибудь такое же значительное. Ну а мы с тобой что сделали? Вторую зиму окружаем и пытаемся уничтожить демянскую группировку - и все попусту. Нервничаем, несем потери, а толку мало. Задача не выполнена...

Наша беседа была неожиданно прервана появлением командующего артиллерией армии генерал-майора Рыжкова. Генерал прибыл к нам по поручению Военного совета.

- Я привез для вас новую задачу, - сказал он. - Штыков с этого участка переходит на другой, а вы, - обратился он ко мне, - примите дополнительно и его участок. Немедленно приступайте к смене. К утру дивизия Штыкова должна сосредоточиться здесь в лесу, в районе командного пункта. Днем вы пополните свой боевой состав за счет тылов, - сказал генерал Штыкову, - надо выжать все что можно. В батальонах у вас должно быть не менее пятисот человек.

- Товарищ генерал, такого количества я никак не наберу, - сказал Штыков.

- Должны набрать. Оголите все, вплоть до того, что на каждые десять лошадей оставьте одного повозочного.

- Товарищ генерал! - пытался еще что-то возразить Штыков.

- Не будем торговаться, - прервал его тот, - таково постановление Военного совета, и я требую от вас исполнения.

Немного подумав, генерал добавил:

- Это нужно для общего дела. У вас успеха нет, но он обозначился у Обжино, на другом участке - левее вас. Там оборона прорвана, и нашим частям удалось углубиться на два километра. Срочно нужны силы и средства, чтобы развить успех. Ясно?

- Теперь ясно, - ответил Штыков.

- А мне продолжать завтра наступление? - спросил я.

- Да. Задача вашей дивизии остается прежней - овладеть Сорокино. Но нужно по крайней мере так сковать противника, чтобы он с вашего участка не смог перебросить к месту прорыва ни живой силы, ни огневых средств.

Задача и для меня становилась ясной. Если мы со Штыковым двумя дивизиями не смогли овладеть сорокинским опорным пунктом, то одной дивизией овладеть им будет совсем не под силу. А чтобы сковать противника, надо будет обозначить наступление, не доводя его до решительных схваток.

...Рано утром, еще до рассвета. Штыков пришел ко мне подписать акт о смене и попрощаться.

- Ну как с пополнением, наскреб чего-нибудь? - спросил я у него.

- Наскребу с сотню, а больше - где же взять?

- Ты завтракал?

- Нет, только-только с делами управился.

- Пестрецов! - позвал я адъютанта. - Организуй нам завтрак. Надо комдива проводить, а то, кто знает, когда еще встретимся.

В нашей дивизии все уважали Штыкова за прямоту, правдивость и верность соседскому долгу. Уважали и хорошо отзывались о нем не только мы, но и другие соседи.

- Завтракать так завтракать! Мне все равно! - согласился Штыков, сбрасывая полушубок и засучивая рукава.

Не знали мы, что в это зимнее утро виделись в последний раз...

На другой день дивизия Штыкова вступила в бой на новом направлении. Шла ожесточенная борьба за одну сопку на фланге прорванного переднего края. Эта сопка с крутыми скатами, занятая гитлеровцами, фланкировала участок прорыва и затрудняла развитие успеха.

Утром дивизия Штыкова взяла ее штурмом. Затем фашисты после мощного огневого воздействия контратакой восстановили положение.

При повторном штурме сопки Штыков, руководивший атакой, был убит осколком снаряда.

* * *

Второе наступление на сорокинский опорный пункт началось примерно через неделю после гибели Штыкова.

Материально наступление было обеспечено несколько лучше, чем первое, на участок левого соседа подбросили тяжелые гвардейские минометы, нашей дивизии придали десять танков, с воздуха наступление поддерживалось звеном штурмовиков, но спланировано и организовано оно было наспех.

На место дивизии Штыкова прибыла дивизия генерала Розанова. Ей предстояло нанести лобовой удар на Сорокино. Мы прорывали оборону по-прежнему западнее Сорокине.

Новая дивизия долго находилась во фронтовом и армейском резерве и была хорошо укомплектована. В ее состав входил батальон морской пехоты.

Незадолго перед этим моряки удачной атакой с малочисленными потерями овладели крупным опорным пунктом - Пустыней. Дивизия гордилась этим успехом. Но он многим вскружил головы, появились шапкозакидательские настроения, которые впоследствии обошлись дорого.

О том, что дивизия Розанова должна стать нашим соседом, я узнал накануне наступления.

Во второй половине дня мне позвонили из штаба армии и спросили, прибыл ли Розанов.

- Какой Розанов? Какое отношение я имею к нему? - удивился я.

- Розанов должен завтра действовать вместе с вами, - сказали мне. Как же вы не знаете, где он? Обязательно разыщите и помогите ему. Он станет туда, где раньше стоял Штыков.

"Допланировались, - подумал я после разговора. - Всё секретничали, завтра утром наступать, а наступать некому",

Только к вечеру начали прибывать первые розановские подразделения. Часов в семь появился и сам генерал Розанов со своим замполитом. Его встретили наши люди и проводили в землянку Штыкова. Туда же наши связисты подвели от своего коммутатора связь, чтобы соединить Розанова с армией.

Доложив в штаб армии о появлении Розанова, я направился к нему.

Генерал в расстегнутом полушубке сидел за столом и что-то ел. В землянке, кроме него, находился средних лет полковник-заместитель по политической части.

- Позвольте познакомиться, товарищ генерал. Я ваш сосед, командир дивизии, пришел узнать, не смогу ли быть вам чем-либо полезен, - доложил я.

- Аа-а, сосед! Прошу присаживаться, - сказал генерал, внимательно рассматривая меня. - Извините, проголодался, - продолжал он, - целый день мотался: был у командующего, был на рекогносцировке, а теперь встречал войска, очень устал, перекусить даже некогда. Если хотите, составьте компанию.

- Нет, спасибо, - поблагодарил я, - недавно закусывал. Не нужна ли вам какая-либо помощь? - снова предложил я свои услуги.

- Да мы как будто ни в чем и не нуждаемся, - сказал генерал. - Как, полковник? - спросил он у заместителя.

Тот пожал плечами, но ничего не ответил. Из этого жеста я заключил, что между ними не было еще договоренности, не имелось и плана на завтрашний день.

- Вы будете наступать на Сорокино? - спросил я у генерала.

- Да, на Сорокино, с того участка, где наступала дивизия Штыкова.

- Но ведь там мои подразделения, а их сменить надо.

- Я это знаю.

- Почему же меня не поставили в известность, не пригласили на рекогносцировку?

- Очевидно, командующий не нашел нужным, а у меня на то не было полномочий, - ответил генерал.

- Товарищ полковник, минут через пятнадцать я зайду к вашему заместителю, нам надо с ним о многом поговорить,-

обратился ко мне замполит. - Он у себя?

- Да, заходите! - пригласил я его. - Когда прислать к вам командиров штаба для передачи участка? - спросил я у генерала.

- Скоро прибудет мой штаб, тогда присылайте и договаривайтесь с ним.

Мне жаль было новую дивизию. Она попала в такие же тяжелые условия, в каких не раз оказывались и мы. Ей предстояло утром наступать, а она не знала ни противника, ни местности, ни своих соседей. Чего же можно было ожидать от такого наступления?

Возвратившись к себе, я рассказал о посещении Розанова своим ближайшим помощникам: Воробьеву, Арефьеву и Носкову, и попросил их помочь новой дивизии наладить управление, осуществить привязку боевых порядков артиллерии и вообще оказать содействие.

Утром после артподготовки пехота дивизии, поддержанная ротой танков, атаковала. На участке левого соседа по району Сорокино прогремел залп гвардейских минометов. Над вышкой моего НП пронеслась группа "илов".

С началом атаки наш артиллерийский огонь резко ослаб, но зато сильнее загрохотали пушки и минометы противника. Его артиллерийско-минометная система на нашем направлении и на этот раз не была подавлена. По темпу огня чувствовалось, что главный удар армия наносит левее нас, опять где-то у Обжино.

- Как дела? - спрашивал я по телефону у командиров полков.

- Пошли, пошли! - следовали радостные ответы.

Кто управлял войсками в бою, тот знает, что переживает командир, когда видит, как поднимается и идет в атаку пехота.

А что будет дальше, подавлен ли огонь противника. не скует ли он пехоту, не заляжет ли она?

Самое страшное, если пехота заляжет, потеряв свой порыв и уверенность. Тогда трудно поднять её на новый штурм.

И вот произошло то, чего я так боялся, - фланги дивизии залегли. Скована атака Новгородского полка в направлении Малое Стёпаново, залег и Карельский полк перед рощей западнее Сорокино. Только Казанский полк в центре при поддержке роты танков продолжал атаку. Его пехота преодолела нейтральную лощину, ворвалась в первую траншею и продолжала просачиваться в глубь обороны противника.

- Переключайте огонь на помощь казанцам! - приказал я Носкову. Окаймляйте их атаку, не допускайте контратак. Будем пробиваться центром.

Я потребовал от командиров полков продолжать атаку.

Весь день шел напряженный бой. Гитлеровцы отражали все

атаки.

Борьба за "коридор" была для них вопросом жизни или смерти. Для удержания демянского выступа противник готов был идти на любые потери.

Нам удалось продвинуться на расстояние от трехсот до шестисот метров, захватить всю первую траншею и выйти ко второй. Казанский полк даже овладел частью второй траншеи, а его танки вырвались еще дальше, но пехота, попавшая под неподавленный огонь, продвинуться больше не смогла.

К вечеру противник подтянул резервы и сильными контратаками окончательно приостановил наше продвижение.

Ни в полках, ни в дивизии у нас уже не было резервов, а без резервов трудно развивать успех, трудно бороться и с контратаками. Выходили из строя люди, а задача оставалась невыполненной.

С тяжелым чувством возвращался я вечером со своего НП на командный пункт.

Весь лес севернее Сорокино оказался забитым ранеными. Некоторые из них в ожидании эвакуации бродили по кустам, другие лежали на снегу.

- Чьи раненые, почему не вывозите? - спросил я у одной медсестры.

- Дивизии Розанова, - ответила она. - Вывозим, не хватает транспорта. Сейчас стали помогать соседи, скоро заберем всех.

- А кто помогает вам?

- Дальневосточная дивизия.

"Хорошо, - подумал я, - что наши догадались помочь. Наверное, Воробьев позаботился..."

- Братишка, дай закурить! - подойдя к саням, попросил у меня один из раненых. (Я был так же, как и он, в полушубке.)

Это был молодой парень лет двадцати трех. Под полушубком у него темнел бушлат морской пехоты. Его забинтованная левая рука висела на перевязи.

Я вынул махорку, скрутил папиросу и подал ему. Он протянул правую руку и улыбнулся.

- Что с рукой-то? - спросил я у него.

- В Сорокине половину оставил. Эх, братишка, длинная история! Ванька Черемных подвел.

- Чем же он подвел тебя?

Моряк затянулся и стал рассказывать:

- Видишь, ворвались мы с ним в траншею, бежим по ней и гранаты бросаем. Метров сто пробежали. Люди бегут, "ура" кричат, и мы бежим, не отстаем, тоже кричим. Вдруг слева блиндаж. Я говорю: "Бежим дальше!", а Ванька свое: "Давай,

посмотрим, нет ли там кого-нибудь!" и прямо в блиндаж. Я за ним. А немец как полоснет оттуда из автомага. Ванька повалился. Я - на него и давай поливать, а потом вгорячах последнюю гранату с пояса сорвал и внутрь бросил. Надо бы раньше бросить, да Ванька помешал.

- Что ж дальше? - спросил я.

- Когда я пришел в себя и осмотрелся, то увидел, что Ванька уже мертвый, а у меня кисть левой руки - фью-фью, - свистнул он. - Но я и одной рукой дотащил Ваньку до самого переднего края. Ах, как он подвел! И зачем нам было в блиндаж лезть? - в недоумении спросил он у самого себя.

"Какой исполинский дух! - подумал я. - У него пол-руки нет, а он стоит, покуривает и рассказывает о бое, как о будничном, простом деле".

И еще тягостнее становилось на душе оттого, что мы, имея таких прекрасных людей, никак не можем выполнить своей задачи.

- Почему в медсанбат не направили? - спросил я у раненого. - Заражение может быть!

- Не знаю почему, - махнул моряк здоровой рукой.

- Возьмите его с собой, подвезите. Пожалуйста! - стала умолять медсестра.

- Куда мы сможем подвезти его? - спросил я у адъютанта.

- Домчим, товарищ полковник, до командного пункта, а оттуда направим его в свой медсанбат, - сказал Пестрецов, которому очень хотелось помочь раненому.

- Ну ладно, садись, моряк, рядом со мной! - сказал я. - Сейчас мы тебя мигом доставим.

В штабе у нас не было сведений о ходе боя дивизии Розанова за истекший день. То ли его части дерутся за Сорокино, то ли они обошли сорокинскии опорный пункт с запада и с востока и проникли в глубь обороны, то ли застряли в первых траншеях - из штаба дивизии Розанова нам ничего толком сообщить не смогли.

Управление войсками у Розанова было организовано очень плохо. Подразделения и части перемешивались, проложенная наскоро связь поминутно рвалась, глубокий снег и болота мешали подвозу боеприпасов, выносу и эвакуации раненых.

В значительной степени это были результаты поспешного и неорганизованного ввода в бой.

Весь второй день наступления наша дивизия вела напряженную борьбу за вторую вражескую траншею. Мы несколько раз занимали ее, и несколько раз противник выбивал нас оттуда ожесточенными контратаками. Сопротивление гитлеровцев нарастало.

К концу дня наша пехота окончательно выдохлась; артиллерия, израсходовав свои небольшие запасы, замолчала.

Находившаяся справа от нас дивизия наступления не вела, а у Розанова дела обстояли хуже, чем у нас. За ночь там навели порядок, но силы дивизии были уже подорваны, материальные средства израсходованы, и новый день успеха не принес. Бой, как и у нас, замер в первых траншеях.

Продолжало греметь только левее, в направлении главного удара армии, но и там бой шел с гораздо меньшим, чем вчера, напряжением. По всем данным, и второе наступление, не получив достаточного развития, начинало затухать.

Этот день я также провел на своем НП, волновался, переживал, принимал меры, по изменить ничего не мог.

Неудачи раздражали и подавляли морально. Невольно на память приходили бои прошлой зимы. Они тоже не давались легко, но были все-таки более успешны.

"Тогда нам удавались прорывы, почему же они не удаются сейчас, когда опыта у нас стало больше? - спрашивал я сам себя. - В прошлую зиму во многих боях удачно применялась внезапность, мы с успехом использовали огонь орудий прямой наводки. Почему же ничего не получается теперь?"

Отчасти это объяснялось коренными изменениями, происшедшими в обороне противника.

В прошлую зиму гитлеровцы не имели сплошной линии обороны. Она состояла из отдельных опорных пунктов, главным образом населенных пунктов, далеко отстоявших друг от друга и связанных между собой только слабой огневой системой. Опорные пункты легко можно было изолировать один от другого и захватывать по очереди. Именно так были взяты Калинцы, Любецкое, Веретейка, Лялино, Горбы.

Теперь же все изменилось: образовался сплошной фронт с непрерывными траншеями и ходами сообщения, которые связывали опорные пункты и делали их более устойчивыми.

Для прорыва более совершенной обороны противника требовалось увеличить число орудий, танков, самолетов, чтобы создать значительное превосходство в силах. А мы не имели этого превосходства. Артиллерийский и минометный огонь врага не уступал нашему, а иногда и превосходил его.

Танков и авиации у нас почти не было. Одна рота танков на дивизию при неподавленном огне противника - это капля в море. Один - два вылета звена штурмовиков в полосе дивизии - тоже больше демонстрация, чем реальная помощь.

Ну, а внезапность?

И о ней не могло быть речи, ведь мы вот уже второй месяц

топтались на месте.

Хотелось сделать какую-нибудь перегруппировку, придумать что-то новое, особое, но в масштабе одной дивизии ничего не придумывалось. Все силы у меня были вытянуты в ниточку, резервы отсутствовали.

А тут еще начинала портиться погода. Подул ветер, повалил снег. Буран продолжался несколько дней, и активные боевые действия прекратились. Таким образом, и эта наступательная операция не получила развития. Нигде, даже на направлении главного удара, прорвать "коридор" не удалось.

На четвертый день, когда пурга немного утихла, меня вызвали к командующему армией. Теперь это был уже генерал Курочкин.

Подводились итоги. Каждый командир дивизии докладывал обстановку и отчитывался в своих действиях. В недалеком будущем предстояло начинать все снова.

Вскоре после совещания дивизия Розанова была выведена из боя для приведения в порядок. Свой участок перед Сорокином она передала нам.

* * *

Прошло два месяца, как войска фронта начали наступательные бои у стен "рамушевского коридора", стараясь прорвать их.

Однако цель наступления не была достигнута ни северной, ни южной ударными группами. Стены "коридора" не только не рушились под нашими ударами, а, казалось, становились еще прочнее. Все вмятины и небольшие пробоины, которые нам удавалось сделать, быстро затягивались. Гитлеровское командование усилило "коридор" еще четырьмя дивизиями, сняв их из-за Ловати и из-под Демянска.

Но вот пришел февраль 1943 года, и на нашем фронте повеяло свежим ветром.

Ставка Верховного Главнокомандования приступила к подготовке крупной наступательной операции, с тем чтобы в кратчайший срок покончить со всей демянской группировкой. Фронт значительно усиливался войсками, артиллерией, танками. Для развития успеха операции Ставка создавала из своих резервов крупную оперативную группу войск в составе общевойскового и танкового объединений и сосредоточивала ее южнее "рамушевского коридора".

К середине февраля на демянском плацдарме оборонялось пятнадцать дивизий 16-й немецко-фашистской армии. Против них были развернуты пять общевойсковых армий Северо-Западного фронта.

По плану командующего фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко в февральской операции должны были участвовать 27-я и 1-я ударная армии, которым предстояло сходящимися ударами перерезать "рамушевский коридор" у его западного выхода, а затем во взаимодействии с 11, 34 и 53-й армиями уничтожить войска противника внутри "демянского мешка".

Прибывающую из резерва Ставки группу войск под командованием генерал-полковника М. С. Хозина, в состав которой входили 1-я танковая и 68-я общевойсковая армии, предполагалось ввести в прорыв на участке 1-й ударной армии в направлении на Сольцы, во фланг и тыл 18-й немецкой армии.

Наступление на вспомогательных направлениях, в 11-й и 53-й армиях, планировалось начать на несколько дней раньше.

О подготовке большого наступления заговорил, вернее зашептал, сначала "солдатский вестник". Скрупулезно, по зернышку впитывал он в себя все мельчайшие изменения в обстановке, на все это реагировал и строил свои предположения.

- Новости есть, товарищ полковник! - заглянув ко мне в блиндаж, сообщил командующий артиллерией.

- Какие?

- Звонил Михалевич: в район наших огневых позиций ночью выдвинулась новая артиллерия.

- Сколько?

- Трудно сказать, но не менее полка. Определенно начальство начинает готовиться к наступлению по-серьезному и усиливает наше направление.

В тот же день поступили и другие новости. Принес их адъютант.

- Я знакомого зенитчика встретил, - доложил он.

- Ну и что же?

- Пришел со своей батареей, устраиваются на поляне, прикрывать будут...

Через некоторое время невдалеке появились саперы и стали оборудовать командный пункт.

И наконец в конце первой декады февраля от меня потребовали подготовить соображения на предстоящее наступление и явиться вместе с планом для доклада командующему. Это было новое, раньше соображений комдива никогда не спрашивали.

За ночь соображения были подготовлены, и мое решение с соответствующими расчетами было выражено на схеме. Конфигурация фронта на участке дивизии напоминала спину огромного животного с поднятой головой. Задние ноги этого

фантастического животного упирались в реку Пола у Росино и Малое Степаново, центром поднятой головы являлось Сорокино, а передние ноги упирались в Радово. Голова была повернута на восток. Протяженность участка составляла шесть километров.

Мой план сводился к следующему.

Оставив четыре батальона на своих крайних флангах против Малое Стёпаново и Сорокино, я большую половину сил дивизии, то есть пять батальонов, сосредоточивал на узком двухкилометровом фронте, у прогиба (там, где "спина" соединялась с "шеей"), и ударом на юг рассекал фронт на две части.

Навстречу мне от Радово наносил удар левый сосед - полковник Батицкий, с которым нам предстояло соединиться юго-западнее Сорокине и отсечь "голову" от "туловища".

Прорыв фронта и отсечение "головы" являлись ближайшей задачей. В последующем, оставив пять батальонов уничтожать противника, окруженного у Сорокино, я должен был развернуть остальные четыре батальона на юго-запад, чтобы захватить Малое Степаново и, прижимаясь своим правым флангом к дивизии Андреева, выйти на берег Полы.

План мои одобрили с одной поправкой. После выполнения ближайшей задачи мне предлагалось оставить против Сорокине не пять, а три батальона, а все остальные силы направить на Полу.

Полковник Батицкий прорывал фронт, имея боевой порядок дивизии в три эшелона - полк за полком. Ему посоветовали оставить после прорыва у Сорокино один полк, а двумя остальными вместе с нашей дивизией развить успех и выйти на берег Полы.

В оставшиеся для подготовки дни в дивизии были проведены тактические учения и строевые смотры резервных батальонов с разборами и митингами после смотра. Бойцы, командиры и политработники понимали, что предстоит решительная схватка с врагом.

С командирами полков я провел групповое тактическое занятие на большом, оборудованном в лесу рельефном плане. Мы проиграли и разобрали вариант предстоящих действий по прорыву обороны, выходу на реку Пола, окружению и совместному с соседом уничтожению сорокинского опорного пункта.

Казалось, все было предусмотрено и сделано. Направление главного удара вполне надежно обеспечивалось орудиями прямой наводки. Плотность артиллерии с учетом армейского усиления на двухкилометровом участке прорыва приближалась к тем

скромным нормам, о которых мы не так давно только мечтали. Но ни танки, ни авиация дивизию не поддерживали. Тревожило и еще одно -необеспеченность снарядами. Снаряды и мины поступали, но очень медленно. Запаздывало и сосредоточение оперативной группы из резервов Ставки к югу от "рамушевского коридора".

В связи с неполной готовностью к наступлению начало его всё время откладывалось. Гитлеровское командование, обнаружив направление предполагаемых ударов, начало потихоньку отводить свои войска из демянского "мешка" через "коридор" за реку Ловать и далее к реке Редья. Высвобождающимися дивизиями противник еще сильнее укреплял стены "рамушевского коридора", которые нам предстояло взломать.

Накануне наступления мы получили из политотдела армии специальную листовку - обращение к личному составу нашей дивизии.

Весь командный и политический состав штаба и политотдела дивизии был направлен в части, чтобы за ночь довести это обращение до каждого воина.

* * *

Наступление началось утром 15 февраля. Бой развивался обычным порядком: вслед за артподготовкой последовала атака.

Трудно было сначала разобраться в хаосе звуков и определить, что происходит. Видимость в это утро была плохой, да и дым от разрывов на переднем крае очень затруднял наблюдение.

Атакующая пехота на какое-то время появилась на гребешке, перевалила через него, скрылась в лощине и больше уже не показывалась.

Но радостное "Пошли! Пошли!", выдыхаемое в телефонные трубки командирами полков, говорило об успехе. Подбадривающий звонок раздался и сверху, из армии:

- Как у вас дела? Не опоздайте! У Андреева танки с десантом уже Росино заняли!

На участке Казанского полка двадцать орудий прямой наводки и огонь артиллерии с закрытых позиций сделали свое дело -проломили брешь и смели все, что противостояло атакующей пехоте. Пехота устремилась в эту брешь.

К полудню пехотинцы заняли и очистили всю вторую траншею и выдвинулись к третьей. Ширина прорыва превысила два километра, а глубина достигла тысячи метров. В районе прорыва наши войска захватили все вооружение противника и триста пленных.

Этот начальный успех окрылял, вызывал стремление

немедленно развить его и превратить в победу.

- Губский! Губский! - вызывал я по телефону командира Казанского. Продвигайтесь! Куйте железо, пока горячо!

Но Губский сообщил, что дальше у него ничего не получается.

- Полк влез в огневой мешок и скован огнем,- докладывал он. Противник слишком беспокоит с флангов. Пехота продвигается только ползком, а орудия сопровождения совсем продвинуть не могу - выбиты расчеты. Если сможете, помогите огнем да подтолкните соседей, чтобы лучше обеспечивали фланги.

- Действуйте энергичнее! - приказал я. - Помогу вам и огнем и живой силой.

Решил ввести в бой свой единственный резервный батальон. Мне казалось, что именно теперь он сможет помочь Губскому развить успех и пробиться навстречу Батицкому.

Приказав батальону выдвинуться в прорыв и переговорив по телефону с командирами полков, я выехал на передовой НП к Носкову, откуда легче было подготовить огнем новую атаку.

Огонь мы с Носковым организовали и атаку обеспечили. Однако свежий батальон влезал в огневой мешок со значительными потерями. Новая атака Казанского полка с участием резервного батальона оказалась не такой стремительной, как я ожидал, и не принесла большого успеха.

Сделав трехсотметровый рывок, пехота заняла третью траншею, но закрепить ее не смогла. К вечеру под ударами сильных контратак врага третья траншея почти вся была оставлена.

На этом и закончился первый день боя. Завершить прорыв нам не удалось, хотя все силы и средства дивизии были уже введены в бои.

Наши соседи - дивизии полковников Андреева и Батицкого, несмотря на огромные усилия и большие потери, также не смогли прорвать оборону.

Ворвавшимся утром в Росино танкам и десанту Андреева овладеть опорным пунктом не удалось: их не поддержала пехота. Противник кинжальным огнем из пулеметов и заградительным огнем артиллерии отсек атакующую пехоту от вырвавшихся вперед танков и сковал ее перед своим передним краем. Оказавшись изолированными, потеряв в бою свой десант и понеся потери, танки вынуждены были повернуть обратно. Повторные атаки ни к чему не привели. Огневая система противника подавлена не была, а его ответный огонь не уступал нашему.

Не лучшим оказалось положение и у Батицкого. Его войска дважды после значительной огневой подготовки атаковывали

передний край, вклинились в него, достигли второй траншеи, но прорвать оборону не смогли. Батицкий, так же как и Андреев, жаловался на неподавленный, губительный огонь противника.

Таким образом, задача дня в полосе наступления трех дивизий оказалась невыполненной. Наибольшего успеха достигли мы, но и он был незначителен.

Должен сказать, что хотя в своих докладах и донесениях мы все еще оперировали полками и батальонами, но по существу это были уже не полки и не батальоны, а только их наименования. До начала наступления наши батальоны имели не более чем по сотне человек. В результате ожесточенного боя их численность сократилась наполовину, а то и больше. Ни вторых эшелонов, ни резервов мы не имели. Артиллерия израсходовала почти все свои запасы, а больше снарядов не поступало. Отсюда можно судить о наших возможностях к концу первого дня наступления.

В течение ночи удалось только слить некоторые малочисленные подразделения, назначить новых командиров вместо выбывших из строя, подтянуть материальную часть, привести людей в порядок, накормить их, предоставить им небольшой отдых, закрепить захваченное.

А противник за ночь воздвиг позади третьей траншеи на протяжении трех километров снежный вал по типу прошлогоднего под Веретейкой. Этот вал явился для нас серьезным дополнительным препятствием. Он маскировал огневые средства и обеспечивал скрытый маневр как вдоль фронта, так и из ближайшей глубины.

Весь второй день ушел на борьбу за третью траншею. Пехота Казанского полка местами вклинилась в траншею, но полностью очистить ее так и не смогла - не хватало сил.

Укрываясь за валом, гитлеровцы поливали огнем из пулеметов и автоматов. Усилился и их артиллерийско-минометный огонь.

Плотность обороны противника на угрожаемых направлениях нарастала с каждым часом.

С 17 февраля гитлеровцы начали вытягивать свои силы из "демянского мешка". Мы своевременно узнали об этом, но сделать ничего не могли. Стены "рамушевского коридора" сдерживали наш натиск. Удержать "коридор" для противника значило обеспечить планомерный вывод своих сил из опасного "мешка". Поэтому сопротивление гитлеровцев было исключительно ожесточенным.

И третий день не принес нам успеха. После полудня на НП позвонил Арефьев и сообщил, что получена шифровка, касающаяся лично меня.

- Что там такое? - спросил я.

- Приезжайте, ознакомьтесь сами, а по телефону говорить не могу, ответил Арефьев.

До самого вечера терзался я мыслью: "Что же это может быть?" Долго тянулось время, пока я наконец не оказался в своем блиндаже.

Новость была неожиданной. Приказом фронта я освобождался от командования дивизией и назначался командиром другого соединения. Это соединение располагалось за Полой, севернее Васильевщины, и утром следующего дня должно было перейти в наступление с целью прорыва фронта на том участке "коридора".

Раздумывать было некогда. Наскоро попрощавшись с боевыми товарищами, я выехал с адьютантом к новому месту назначения.

Грустно было расставаться с родной дивизией. Позади остались два года совместной работы с большим коллективом, из них - полтора года напряженной фронтовой жизни...

На следующий день соединение, которым я теперь командовал, совершило прорыв фронта и, развивая успех, первым вышло 28 февраля на берега Ловати.

Туда же вышла и наша старая дальневосточная дивизия. Командовал ею теперь полковник Корнилий Георгиевич Черепанов.

Почему же не была уничтожена демянская группировка противника? Почему ей удалось выйти из-под ударов наших войск?

Ответы на эти вопросы наша военная печать дала вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Мне, участнику боев у "рамушевского коридора", остается только подтвердить серьезные ошибки, допущенные командованием Северо-Западного фронта и командованием наступавших армий как при подготовке, так и в ходе операций.

Наиболее крупным недочетом явилось то, что ни в одной из трех операций, проведенных с конца ноября 1942 года по вторую половину февраля 1943 года, не было создано решающего превосходства над противником в артиллерии, танках, авиации и другой боевой технике на направлениях главных ударов за счет ослабления других, второстепенных участков фронта.

Фронтовое командование переоценивало силы врага, опасалось его активных действий и не решалось пойти на смелую перегруппировку войск. Из общего количества войск, которыми располагал фронт, лишь половина соединений входила в состав наступавших армий, да и эти силы использовались не полностью.

Ни в одной из операций не было создано мощной артиллерийской группировки, которая позволила бы быстро и без значительных потерь сокрушить вражескую оборону. Еще хуже было со снарядами, их хватало только на один - два часа боя. Вот почему артиллерийская подготовка не столько разрушала и подавляла, сколько сигнализировала врагу о готовящемся наступлении.

На второстепенных участках фронта противник не сковывался активными действиями наших войск. Вражеское командование имело возможность быстро стягивать на угрожаемые направления необходимые резервы, снимая часть сил, даже дивизии в полном составе, с пассивных участков фронта.

При подготовке и проведении операций не использовалась оперативная маскировка, не принимались меры к тому, чтобы ввести противника в заблуждение путем демонстративных действий. Недооценивались ночные действия войск.

Между ударными группами, действовавшими на встречных направлениях, отсутствовало тесное оперативное взаимодействие.

Намечавшийся успех на фронте наступления одной группы часто совпадал с затуханием операции на участке действий другой. Разведка всех видов велась слабо. Управление войсками не соответствовало требованиям боя. Штабы нередко отрывались от войск, отсиживались в блиндажах. Задачи войскам ставились по карте. Взаимодействие родов войск на местности не организовывалось. Дивизии, как это было с 26-й стрелковой, с дивизиями полковника Штыкова, генерала Розанова и другими, бросались в бой неподготовленными, с ходу. Это приводило к тому, что начавшееся наступление или захлебывалось в самом начале, или развивалось слишком медленно.

В результате всех этих серьезных недочетов ни одна операция не увенчалась успехом. "Рамушевский коридор" продолжал оставаться открытым. И когда противник почувствовал нависшую над ним угрозу, он воспользовался нашими промахами и ускользнул.

Но уроки Северо-Западного фронта не прошли бесследно. Наше командование и войска сделали из них необходимые выводы.

Под Старой Руссой

Летом 1943 года развернулось одно из крупнейших и жесточайших сражений, в котором с каждой стороны участвовали десятки дивизий, сотни тысяч войск, тысячи орудий, минометов, танков, самолетов, - битва под Курском.

Войска Центрального и Воронежского фронтов, защищавшие курский выступ, умело выполняя поставленную перед ними задачу, изматывали противника на подготовленных рубежах, перемалывали его живую силу и технику и создавали выгодные условия дли перехода в контрнаступление.

В битву постепенно втягивались и соседние фронты.

Как-то в середине июля меня срочно вызвали к командующему фронтом. Теперь этот пост опять занимал генерал-лейтенант П. А. Курочкин. А я после завершения операций у "рамушевского коридора" исполнял должность заместителя начальника штаба фронта по ВПУ (вспомогательный пункт управления). В апреле мне было присвоено звание генерал-майора.

- Здравствуйте, Кузнецов. Присаживайтесь! - приветливо встретил меня Курочкин. - Зная вашу склонность к командной работе, - продолжал он, - мы с членом Военного совета решили удовлетворить ваше желание и направляем вас в войска. Вас это устраивает?

- Конечно!

- А что же вы даже не спросите, куда?

- Надеюсь, в интересное место, - ответил я командующему.

- Да. Вам повезло. Вот предписание.

Командующий протянул мне бумагу со штампом Военного совета Северо-Западного фронта. В ней значилось:

"Генерал-майору Кузнецову Павлу Григорьевичу. Вы допущены к исполнению должности командира 82-го стрелкового корпуса.

С получением сего приказываю вам убыть к новому месту службы и вступить в исполнение обязанностей.

Срок прибытия 17 июля 1943 года".

Прочитав предписание, я с недоумением посмотрел на командующего.

- Вы удивлены, зная, что такого корпуса у нас нет? - улыбнулся он. Правильно, пока нет. Вот вы его и будете формировать. Сформируете управление и корпусные части, а дивизии мы вам дадим потом. Ясно?

- Ясно, товарищ командующий.

- Вот и хорошо, - пожал он мне руку. - Желаю успеха! С подробностями вас ознакомит начальник штаба.

* * *

Из моих ближайших помощников и заместителей первым прибыл командующий артиллерией корпуса полковник Борис Николаевич Муфель. На фронте он находился около года - командовал артиллерией дивизии, а до того служил начальником

учебной части артиллерийского училища. Длительная служба в училище наложила на него свой отпечаток. Теорию стрельбы и управление огнем он знал превосходно. Это был скромный, даже несколько застенчивый, но исключительно дисциплинированный человек.

Вторым приехал мой заместитель по тылу полковник Варкалн Роберт Фрицевич, служивший ранее в гвардейской латышской дивизии заместителем командира по строевой части. Старый заслуженный командир с высшим военным образованием, участник гражданской войны Роберт Фрицевич стал на долгое время моим активным помощником, к которому ни у меня, ни у старших начальников за всю нашу совместную службу не было ни одной претензии.

Задерживался с прибытием начальник штаба. Первое время его замещал начальник оперативного отдела жизнерадостный полковник Константин Родионович Москвин, назначенный к нам из оперативного управления штаба фронта. Это единственный офицер, с которым я был связан по старой службе. Из всех наших полковников он самый молодой, очень сообразительный, умеет схватывать все на лету, понимает начальника с полуслова.

Затем приехал начальник штаба генерал-майор Федор Михайлович Щекотский. Перед своим новым назначением он работал начальником штаба гвардейской дивизии. До войны окончил две военные академии.

И, наконец, самым последним прибыл начальник политотдела корпуса полковник Константин Павлович Пащенко.

С первых дней Пащенко поразил всех нас своей исключительной трудоспособностью. Он пропадал в корпусных частях, вникал во все мелочи, не упускал даже того, что вполне можно было бы поручить другим. И несмотря на бессонные ночи, на усталость, его полное добродушное лицо всегда светилось обаятельной улыбкой.

За неделю мы сформировали корпусное управление, отдельный батальон связи и штабную батарею командующего артиллерией. Еще пять дней ушло на их учебное сколачивание. Отдельный саперный батальон был сформирован раньше.

30 июля управление совместно с корпусными частями вошло в состав 34-й армии, занимавшей оборону под Старой Руссой, и выдвинулось на реку Ловать.

Приказом Военного совета в корпус влились три стрелковые дивизии и несколько отдельных частей усиления. Все они располагались западнее Ловати, занимали оборону на переднем крае или находились до этого в армейском резерве.

Так произошло рождение 82-го стрелкового корпуса и

начался его боевой путь.

Корпусу была поставлена задача - оборонять семнадцатикилометровую полосу в междуречье Ловати и Редьи, имея правый фланг в лесу, в полутора километрах северо-восточнее колхоза Пенна (семь километров южнее Старой Руссы), а левый -на реке Редья у Онуфриево.

Но оборона явилась лишь временной мерой. С начала августа вся армия, в том числе и войска нашего корпуса, включилась в активную подготовку наступательной операции с целью прорыва обороны противника и овладения Старой Руссой.

Старая Русса - древний город, основанный славянами у великого водного пути "из варяг в греки". Он раскинулся при слиянии рек Полисть и Порусья в двадцати километрах к югу от впадения Ловати в озеро Ильмень.

Полтора года Старая Русса являлась для гитлеровцев как бы замком, прочно закрывавшим вход в "демянский мешок", где сидела в окружении их 16-я армия. Город был опоясан железобетоном и превращен в современную крепость. Все деревянные постройки, мешавшие обзору и обстрелу, противник уничтожил, а каменные приспособил к обороне.

Выскользнув из "демянского мешка", гитлеровцы отошли за Ловать и укрепились на правом берегу Редьи.

Теперь войскам нашей армии предстояло прорвать здесь оборону противника и овладеть Старой Руссой.

* * *

В первых числах августа меня вместе с другими командирами соединений вызвали в штаб армии за получением новой боевой задачи. Зимой сорок второго года этой армией командовал генерал Берзарин. Теперь он воевал где-то на юге. Но начальником штаба по-прежнему был генерал Ярмошкевич.

Ярмошкевич рассказал нам о значении Старой Руссы, а затем ознакомил с оперативным планом. Весь план армейской операции у него был выражен на одной карте, которую он извлек из своего сейфа.

Главное внимание сосредоточивалось в центре оперативного построения армии. Туда же стягивались и основные силы.

Корпус, которым я командовал, находился на крайнем левом фланге армии. Продолжая оборону своими левофланговыми частями, он наносил удар правым флангом, овладевал колхозом "Пенна" и выходил на реку Порусья. В дальнейшем, введя в бой дивизию второго эшелона и наступая в направлении Волышево, корпус должен был выйти на восточный берег реки Полисть.

Прорыв вражеской обороны своим правым флангом я решил осуществить на узком двухкилометровом участке силами 188-й

стрелковой дивизии полковника Воловича. Ее успех в направлении Волышево развивал второй эшелон корпуса 171-я стрелковая дивизия, которой предстояло выйти на восточный берег Полисти и закрепиться там.

Передний край вражеской обороны на нашем правом фланге проходил по заболоченному лесу к северо-востоку и востоку от колхоза "Пенна" и представлял собой сплошной деревянный забор из двух стенок с метровой земляной прослойкой между ними. Забор тянулся изломами, что способствовало созданию перед передним краем перекрестного огня. Высота забора достигала двух метров.

Перед забором имелись минные поля, проволочная оплетка по деревьям и участки проволочных заграждений на низких кольях. Таким образом, забор заменял гитлеровцам насыпную траншею, надежно защищал их от огня, а для нас представлял довольно сложное препятствие.

В двухстах-трехстах метрах от первого забора тянулся такой же второй забор, только не сплошной, а с небольшими разрывами для маневра.

Нашим поисковым группам с большим риском и потерями удавалось иногда проникать за эти заборы. Сложность предстоящего штурма переднего края подтвердила и боевая разведка, которую мы провели перед началом операции.

Чтобы прорвать передний край, нужно было прежде всего пробить стенку, разрушить ее на некоторых важных для нас участках. Так поступал я в прошлых боях, так надо было поступать и теперь. Через пробитые в заборе бреши требовалось протолкнуть атакующую пехоту, а вслед за ней пулеметы, минометы, орудия сопровождения.

Бреши должны быть достаточно широкими, не менее 25-30 метров, чтобы около них не образовывалось заторов. Пробить такие бреши могли только орудия прямой паводки. Навесный огонь артиллерии да еще в лесу был неэффективен.

Я решил выдвинуть на прямую наводку четыре батареи дивизионной артиллерии, по одной на каждый атакующий батальон первого эшелона.

Решающее значение в выполнении корпусом задачи имели действия дивизии Воловича. Полковник Михаил Григорьевич Волович был опытным и энергичным командиром. Он хорошо знал возможности своих войск и войск противника на своем участке. В этом я убедился, лазая вместе с ним в течение нескольких дней перед передним краем вражеской обороны.

Большую подготовительную работу по разъяснению личному составу предстоящих действий и по мобилизации всех сил на

выполнение задачи провел политотдел дивизии, руководимый полковником Григорием Наумовичем Шинкаренко. Самого Шинкаренко можно было видеть и на передовой, и в тылах, и в политотделе, и в штабе. Он знал буквально все, чем живут части дивизии.

Работоспособным был и штаб дивизии, руководимый полковником Сергеем Семеновичем Сениным, молодым и знающим свое дело товарищем.

Внешне все как будто бы предвещало успех, да и части были тщательно подготовлены к наступлению.

Однако армейская операция и бой корпуса сложились не совсем благоприятно для нас.

Началось с того, что противник раскрыл подготовку армии к наступлению и некоторые наши соединения понесли значительные потери еще при выдвижении в исходное положение. Операция на некоторое время была отложена.

18 августа после артподготовки батальоны Воловича стремительно атаковали врага и через пробитые огнем прямой наводкой проходы начали штурм дерево-земляного забора.

Лесной бой носит медленный, тягучий характер. Причинами этого являются плохая видимость, невозможность применить одновременно все свои огневые средства, трудность маневра огнем. Бой развивается неравномерно, разбивается на отдельные очаги. В одних местах удается быстро вклиниться в передний край, в других, тут же по соседству, атака захлебывается, и надо готовить ее вновь или ожидать помощи со стороны вклинившегося соседа.

Воловичу потребовалось около двух часов, чтобы овладеть сначала первым, а затем и вторым забором. Наступило время ввести в образовавшийся прорыв полк второго эшелона, развить прорыв в глубину обороны и расширить его в стороны флангов. Комдив запросил разрешения на это, и я согласился.

В соответствии с ранее намеченным планом командир дивизии при успехе должен был лично выдвинуться к месту прорыва, чтобы на местности уточнить задачу второму эшелону.

- Направляюсь к командиру полка, - доложил мне Волович по телефону. Время не ждет.

- Желаю успеха, - напутствовал его я.

Томительно потянулись минуты. Хотелось как можно скорее ввести свежий полк в прорыв и дать новый толчок нарастающему бою. А за полком уже стояла наготове дивизия второго эшелона корпуса.

Через пятнадцать минут я запросил Сенина, введен ли их второй эшелон и где сейчас Волович.

- Полк начал выдвижение, а введен ли он в бой - данных от комдива пока нет, - ответил мне начальник штаба.

Минут через десять я повторил свой запрос и получил прежний ответ.

Снова и снова звонил Сенину, но тот не мог доложить мне ничего утешительного.

Наконец удалось вызвать блиндаж командира дивизии. К аппарату подошел его адъютант.

- Где командир дивизии? - спросил я.

- Не знаю.

- Адъютант должен знать, где его начальник. Почему вы не с ним?

Я заподозрил что-то неладное.

Адъютант в конце концов признался, что командир дивизии в полк еще не ходил, а находится сейчас в своем блиндаже. Это было спустя тридцать минут, после того как Волович доложил мне о том, что направляется в полк.

Отругав Сенина за неправдивость докладов и подтвердив ему необходимость немедленного ввода в бой второго эшелона, я выехал на командный пункт Воловича, чтобы лично разобраться в этом чрезвычайном происшествии. Основным виновником задержки оказался сам комдив. Доложив мне о том, что направляется в полк, он на минуту задержался, чтобы перекусить, но присев "на минутку" к столу, он так и не смог подняться: сказались напряженная подготовительная работа и бессонные ночи.

После этого я уже не мог оставить Воловича вне своего поля зрения и, доложив командарму, задержался в дивизии на ночь и на второй день.

К концу первого дня наступления нашей пехоте удалось прорваться через оба забора, проникнуть в глубину обороны противника на расстояние свыше километра и выдвинуться на опушку леса севернее колхоза "Пенна". Но выходы из лесу оказались закрытыми заградительным артиллерийским и минометным огнем и скованными контратаками с флангов.

С утра второго дня с целью развития прорыва вводились 171-я стрелковая дивизия и танковый полк. Дивизия развертывалась из-за правого фланга первого эшелона, на стыке с правым соседом. Танки усиливали части Воловича.

Утро было туманное, моросил мелкий дождик. Под ногами чавкала вода, а на проезжих просеках грязь засасывала по колено. Из-за тумана начало наступления командарм отложил на два часа. Я проверил готовность 171-й стрелковой дивизии. Еще не начав наступления, она уже несла потери от массированных

артиллерийских налетов.

С артиллерией противника никакой борьбы мы не вели, для этого у нас не было ни контрбатарсйной артиллерии, ни соответствующего наблюдения. Нас окружал сплошной лес.

Перед атакой Волович попросил у меня разрешения пойти вперед, в полки.

- Куда вы пойдете? Там же у вас нет подготовленного НП? - возразил я.

- Ничего. Посижу с командиром полка. Тут недалеко. Не беспокойтесь, скоро вернусь.

Я согласился, и Волович ушел, взяв с собой автоматчика.

Дивизия начала атаку своим правым флангом на юго-запад в направлении колхоза "Пенна". Второй эшелон корпуса наступал строго на запад, на южную окраину Деревково. Одновременно своими внешними флангами дивизии приступили к расширению прорыва. Вырвавшиеся вперед танки устремились к шоссе, в обход "Пенна" с запада.

Как и вчера, наши выходы из лесу на полянку противник встретил заградительным огнем и сразу же сковал пехоту.

Танки попали под огонь прямой наводкой, наскочили на минное поле и, потеряв около половины своего состава, вынуждены были повернуть обратно. Через полчаса после начала атаки был убит полковник Волович. Погиб он вместе со своим адъютантом в горловине прорыва, у второго забора. Гитлеровцы подтянули за ночь к флангам прорыва значительные огневые средства и теперь стрельбой в упор стремились помешать нам расширить брешь. Под огонь одного из орудий и попал комдив.

Бой продолжал развиваться тягуче медленно. Нашей пехоте за весь день удалось проползти около пятисот метров и выдвинуться на подступы к сильным опорным пунктам Деревково и "Пенна". Здесь наступление было окончательно сковано. Несмотря на огромные усилия, наши войска продвинуться дальше не смогли, Артиллерийский и минометный огонь из глубины обороны сметал все живое, а подавить его было некому.

В течение следующих двух дней мы только удерживали захваченный выступ, борясь с огнем и отражая многочисленные контратаки врага. Отдельным нашим подразделениям ночью удавалось проникнуть на берег реки Порусья, но с наступлением рассвета противник выбивал их оттуда огнем и отбрасывал контратаками.

К концу пятого дня операция затухла на всем фронте. На нашем участке мы ценой больших потерь сохранили и закрепили за собой выступ шириной в два и глубиной до полутора километров. На главном направлении армии, непосредственно на

подступах к Старой Руссе, сделано было еще меньше. Прорвать оборону полностью и развить успех не удалось и там.

24 августа корпус передал свой участок вместе с 171-й и 182-й стрелковыми дивизиями в непосредственное подчинение армии, а сам был выведен в резерв фронта. В составе корпуса осталась 188-я стрелковая дивизия, в командование которой вступил полковник В. Я. Даниленко, а затем мы получили два новых гвардейских воздушнодесантных соединения под командованием генералов А. Ф. Казанкина и В. П. Иванова.

* * *

Спустя двенадцать лет я бродил по восстановленной Старой Руссе и ее окрестностям, внимательно осматривал места прошлых боев, и мне стало более понятно, почему мы не смогли освободить тогда этот город.

Я детально ознакомился с немецкой обороной на внешнем обводе. Начав с Рабочей Слободки, севернее железнодорожного моста через р. Полисть, прошел по переднему краю весь северо-восточный сектор до Медниково включительно, протяженностью около пяти километров.

Вся первая траншея-сплошная, без каких-либо перерывов, и на всем своем протяжении насыпная. По обеим сторонам тянутся глубокие канавы. Через каждые сто метров в насыпь врезаны бетонированные ячейки на два - три стрелка или автоматчика. Толщина бетона - от тридцати до сорока сантиметров.

Сочетание бетона с грунтом вполне предохраняло не только от пуль и осколков, но даже и от прямого попадания малокалиберных снарядов. Сохранились глыбы метровой толщины от пулеметных и артиллерийских железобетонных лотов и бункеров, а также от открытых площадок для орудий прямой наводки и танков.

Впереди траншеи, вдоль скошенного луга и посевов,- рулоны колючей проволоки. Позади-огромные котлованы от разобранных блиндажей с толстыми перекрытиями. Противник с переднего-края хорошо просматривал находившийся перед ним луг и мелкий кустарник.

С переднего края в тыл к Бряшной Горе тянутся несколько насыпных ходов сообщения, связывающих первую траншею со второй линией обороны и городом.

Бетонированные ячейки сверху прикрывались гофрированными стальными листами. Железом и сталью были покрыты и некоторые наиболее важные участки насыпной траншеи.

Выпрямленные гофрированные листы я увидел на крышах, а разорванные железобетонные плиты от дотов - на фундаментах

многих новостроек в Медникове и в Бряшной Горе.

Из Медниково я возвращался в город через Бряшную Гору, пересекая второй обвод обороны. Его остовом служила насыпь железнодорожной ветки, где через каждые двести метров были врезаны железобетонные пулеметные доты.

На окраинах города находился третий обвод. Оккупанты соорудили на улицах и окраинах до шестидесяти пулеметных и артиллерийских дотов, наблюдательных пунктов и бункеров. Бетонированные точки, закрывавшие подступы со стороны Бряшной Горы, высятся и сейчас.

Три железобетонных пояса перед городом, хорошо организованная оборона внутри города и прекрасное наблюдение с многочисленных колоколен и городских вышек - такова общая схема обороны Старой Руссы, которую создали гитлеровцы за тридцать месяцев своего хозяйничания в ней.

Ценой больших потерь наши войска пробивались к окраинам города, но здесь их наступление захлебывалось. Огонь обороны сметал и танки и пехоту.

Враг видел все вплоть до мельчайших подробностей и управлял своим огнем необычайно эффективно, в то время как наша артиллерия, не имея хороших наблюдательных пунктов, была слепа.

Наши танки застревали и расстреливались на подступах, а пехота, продвигаясь зимой по пояс в снегу, а весной и осенью по колено в болоте, одна, без поддержки танков, артиллерии и авиации, ничего сделать не могла.

Основная причина неуспеха августовского наступления, как мне представляется теперь, заключалась в том, что наше командование, планируя операцию, не представляло себе подлинной обороны противника.

Под Старой Руссой делалось все так же, как и в любом другом месте. Между тем здесь требовались более тщательная и длительная подготовка, высокое оснащение войск боевой техникой и совершенно другие методы прорыва, отличные от тех, которые мы применяли.

Как можно было прорвать передний край с его высокой насыпной траншеей и железобетонными огневыми точками? Наш минометный и артиллерийский огонь с закрытых позиций не смог ни разрушить его, ни даже парализовать живую силу. А если бы сюда на каждый километр прорыва выдвинуть 18 - 20 орудий прямой наводки, то никакая насыпная траншея не смогла бы устоять.

Но подавить первую траншею - это еще не все, следовало подавить и артиллсрийско-минометный огонь. Короче говоря,

надо было путем концентрации боевой техники добиться превосходства в огне. Этого превосходства командование не смогло обеспечить и в результате потерпело неудачу.

Недостающую в армии боевую технику, в первую очередь артиллерию, нужно было бы пополнить за счет других объединений фронта. И, конечно, следовало добиться внезапности, а она также не была достигнута.

Старая Русса была освобождена советскими войсками 18 февраля 1944 года. Три с половиной тысячи домов было в городе до вступления в него гитлеровцев. После их ухода остались груды развалин и пепла.

Часть 2.

На Южных фронтах

На Днепре

В резерве Северо-Западного фронта корпус находился менее суток, а затем был передан в резерв Ставки, которая в свою очередь передала его в состав Степного фронта.

Поспешная отправка на другой фронт не позволила нашему штабу ознакомиться с новыми дивизиями.

Проверена в бою была лишь 188-я стрелковая, а о гвардейских воздушнодесантных мы знали очень мало. Они прибыли на наш фронт в конце февраля, длительное время находились в обороне на рубеже реки Редья, а в августовских наступательных боях на Старую Руссу участвовали в составе 12-го стрелкового корпуса. Использовались они как обычные стрелковые дивизии. Лично меня прежде всего интересовали командиры дивизий. И это естественно. Прежде чем поручить им выполнение той или иной задачи, нужно было знать, на что каждый из них способен.

О командире 188-й стрелковой дивизии полковнике Василии Яковлевиче Даниленко у меня уже было известное представление. При всей своей старательности он не обладал еще достаточным опытом.

Знал я немного и генерал-майора Александра Федоровича Казанкина командира 1-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. Познакомился с ним еще во время апрельских боев на реке Редья, когда по заданию командующего фронтом проверял прибывшие к нам дивизии. И нужно сказать, что наиболее отрадное впечатление произвела на меня тогда дивизия Казанкина.

Целые дни комдив проводил в подразделениях на переднем крае, подбадривал людей, помогал им.

Положение в то время сложилось тяжелое. Дивизия вышла за Ловать и выдвинулась к Редье в самую распутицу, ее полковые и

дивизионные тылы отстали. Приходилось экономить во всем: и в продовольствии, и в боеприпасах.

Подчиненные любили Казанкина за его простоту, душевность, за умение быстро все организовать. Из любого положения он находил выход. Хотя я и сам два года командовал дивизией, но, присматриваясь к Казанкину, позаимствовал много полезного из его боевого опыта.

И теперь Казанкин оставался самим собой. Он был такой же энергичный, живой.

Не знаком я был раньше только с генерал-майором Василием Поликарповичем Ивановым - командиром 10-и гвардейской воздушнодесантной дивизии.

Сначала он произвел впечатление человека, как говорится, "себе на уме", относящегося ко всему, что исходит от высших инстанций, скептически, недоверчиво. Все указания, передаваемые офицерами штаба корпуса, воспринимал с крайним сомнением. Потом, когда мы узнали его ближе, он оказался далеко не таким.

Не удалось мне как следует ознакомиться и с войсками, проверить районы их сосредоточения, отправку. Корпусное управление убыло на другой фронт с одним из первых эшелонов.

* * *

24 августа 1943 года головные части корпуса, совершив март к железнодорожным станциям, погрузились в эшелоны и тронулись в путь через Бологое, Москву, Курск, Белгород.

Чем ближе мы подходили к Курску, тем сильнее разгоралось любопытство хотелось скорее взглянуть на места, ставшие ареной только что закончившегося исторического сражения.

Перед нашим взором, привыкшим к хмурой природе Северо-Западного фронта с бесконечными лесами и болотами, обильными реками и озерами, открывались огромные пространства полей, большие села, где можно размещать целые полки, проезжие дороги без всяких настилов...

Здесь и солнце светило по-иному. Даже по вечерам не приходилось надевать шинели - было совсем тепло.

Корпус сосредоточился в 10-15 километрах севернее Харькова, Все наши дивизии, только что вышедшие из боев, оказались малочисленными. Каждую из них надо было доукомплектовать и довооружить. Всю дивизионную артиллерию требовалось перевести с конной тяги на автомобильную.

Первой к 2 сентября сосредоточилась 10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия генерала Иванова. Вслед за ней в район Дергачи прибыла 1-я гвардейская воздушнодесантная дивизия генерала Казанкина. К 9 сентября в районе Черкасское -

Лозовое сосредоточилась 188-я стрелковая дивизия полковника Даниленко.

Корпус вошел в состав 37-й армии Степного фронта. Она находилась во втором эшелоне. Командовал армией генерал-лейтенант Михаил Николаевич Шарохин.

На доукомплектование и сколачивание подразделении нам предоставили одну неделю. Уже 18 сентября дивизии начали свой двухсотпятидесятикилометро-вый марш к Днепру.

В это время войска Степного фронта вели напряженные бои за Полтаву. Подтянув сюда значительные силы, гитлеровцы стремились удержать за собой этот важный стратегический пункт и прикрыть подступы к Днепру на кременчугском направлении.

Из района Полтавы они неоднократно предпринимали крупные контрудары, пытаясь сорвать или по крайней мере замедлить наступление советских войск.

82-й стрелковый корпус следовал тремя маршрутами через Харьков, Люботин, Валки, Карловка, Кобеляки во втором эшелоне армии, за 57-м стрелковым корпусом, которым командовал генерал-майор Петраковский. Марш проводился в ночное время: выступали перед вечерними сумерками и сосредоточивались для дневного отдыха к девяти утра.

Чем ближе мы выдвигались к Днепру, тем больше встречалось нам жителей, возвращавшихся в родные села.

- Ох, и поиздевались над нами фашисты, - жаловались они бойцам. Гнали, словно скот. Спасибо, что наши подоспели... Спешим домой, хотя и не знаем, сохранились ли наши хаты.

Многих хат действительно не осталось и в помине. Всюду, где прошли отступавшие захватчики, были видны следы пожаров, погромов и разорения. Фашисты грабили все, что попадалось под руку, а то, чего не могли захватить с собой, предавали огню.

Войска Степного фронта 23 сентября освободили Полтаву и, не задерживаясь, начали выдвигаться к Днепру.

Немецко-фашистское командование требовало от своих войск, отходивших за Днепр, любой ценой удержать этот важный рубеж. Вражеская пропаганда трубила о неприступности днепровского вала.

Во второй половине дни 24 сентября, когда 37-я армия находилась еще в 110 километрах от Днепра, командующий Степным фронтом И. С. Конев приказал ей форсированным маршем выйти в район боевых действий, сменить части 69-й армии и, развивая наступление, форсировать Днепр с ходу. 27 сентября 37-й армии предстояло овладеть плацдармами на правом берегу от Успенское (20 километров юго-восточнсе Кременчуга) до Мишурин Рог.

25 сентября генерал-лейтенант Шарохнн принял решение на выход к Днепру и форсирование его на тридцатикилометровом участке, указанном командующим фронтом. Главные усилия при форсировании он сосредоточивал на своем левом фланге, на тринадцатикилометровом участке: исключительно Дериевка, Мишурин Рог.

Выбор этого участка обусловливался наличием на Днепре островов южнее Боцулы, юго-западнее Солошино и юго-западнее Переволочная. Крупные населенные пункты, многочисленные овраги, сады и кустарники левого берега обеспечивали скрытый подход и сосредоточение войск. На этом участке оба берега были удобны для организации десантных и паромных переправ.

Оперативное построение армии намечалось в два эшелона: в первом эшелоне - 57-й стрелковый корпус (62, 92 и 110-я гвардейские стрелковые дивизии) и 89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия, переданная из состава 69-й армии; во втором - 82-й стрелковый корпус.

В ночь на 29 сентября, совершив свой предпоследний переход к Днепру, мы сосредоточились в районе Улиновка, Шабельники, Хмарина, в 30 километрах севернее Переволочная. Пошла вторая ночь, как началось форсирование Днепра передовыми частями 57-го стрелкового корпуса.

Утром 29 сентября, захватив с собой начальников родов войск и служб и организовав разведку для изучения подступов к реке и характера водной преграды, я выехал с докладом к командующему армией. Хотелось еще до выхода корпуса к реке ознакомиться с обстановкой, получить задачу и провести предварительную рекогносцировку.

Все складывалось хорошо, но на марше отстала переведенная на автотягу артиллерия. Весь автотранспорт из-за отсутствия горючего, которое не было еще подано на станцию снабжения, задержался в пути, в 50-60 километрах от Днепра. Это обстоятельство беспокоило меня.

Генерала Шарохина я застал в крестьянской хате на северной окраине Солошино, километрах в пяти от берега. Выслушав мой доклад о состоянии корпуса, командующий ознакомил меня с обстановкой, сложившейся на фронте. В ночь на 28 сентября только передовым отрядам 62-й гвардейской дивизии Героя Советского Союза полковника Мошляка удалось переправиться на правый берег у Дерневки и у Мишурина Рога и захватить небольшие плацдармы. 92-я гвардейская дивизия полковника Петрушина, действовавшая правее 62-й гвардейской дивизии, успеха не имела, а 89-я гвардейская дивизия дралась с противником на левом берегу, на рубеже Махновка, Михайленки.

Правый сосед - 53-я армия к исходу 28 сентября своими правофланговыми частями сражалась за переправы через реку Псел, а левым вышла на левый берег Днепра. Слева 7-я гвардейская армия вела бои за расширение плацдарма на правом берегу Днепра в районе Бородаевка, Домоткань.

В ночь на 29 сентября 62-я гвардейская дивизия переправилась на правый берег почти полностью и развернула бои за плато между Куцеволовка и Мишурин Рог с командной высотой 177,0.

- В общем, дела идут неплохо, - сказал Шарохин.- Единственное, пожалуй, крупное затруднение - это то, что еще не подошли инженерные парки с переправочным имуществом, не на чем переправлять на тот берег артиллерию. Стоят в пути без горючего.

- А как ведет себя противник? - спросил я.

- Перед фронтом находились пока разрозненные боевые группы из потрепанных 106-й и 39-й пехотных дивизии и подразделения кавалерийской дивизии СС, - сказал Шарохин, - а сейчас начинают прибывать танковые части, активизируется и авиация. Переправляться можно только ночью, днем мешает огонь. Особенно сильно гитлеровцы укрепили Дериевку. Одним словом, надо спешить.

На мой вопрос, что же делать корпусу, Шарохин ответил:

- Ведите разведку. Готовьтесь к переправе на всем фронте армии от Колиберда до Переволочной. Где успех окажется большим, там и будет введен корпус. А пока подтягивайте артиллерию, нацеливайте войска, ознакомьтесь с водной преградой сами, организуйте командирскую разведку от дивизий и штаба корпуса.

Нового командующего я знал еще мало, встречался с ним всего несколько раз, но уже заметил, что он высказывал только то, что было им всесторонне обдумано и взвешено, и это внушало большое уважение к нему со стороны всех подчиненных.

Часов в одиннадцать утра на ВПУ армии прибыл командующий фронтом. Генерал армии И. С. Конев потребовал от меня принять срочные меры и к утру 30 сентября подтянуть к Днепру всю дивизионную артиллерию, которая должна была участвовать в артподготовке по расширению плацдармов у Дериевки и Успенского.

* * *

Во второй половине дня 29 сентября я вместе с начальниками отделов штаба и начальниками родов войск производил рекогносцировку левого участка у Переволочной. Здесь проходил стык 37-й и 7-й гвардейской армий.

Перед нами развернулась величественная панорама. Внизу под ярким осенним солнцем искрился Днепр. Его широкая гладь, окаймленная зеленью и песчаными косами, казалась застывшей. Пустынными, на первый взгляд, казались берега. Даже не верилось, что там, на другой стороне, притаился враг, готовый каждую минуту обрушить ураган огня. Влево от нас, утопая в зелени, раскинулось Переволочное. Своей южной окраиной этот населенный пункт подходил к самому берегу, а северной примыкал к обрывистым скатам, изрезанным глубокими оврагами. Овраги ограничивали доступ в Переволочное. Попасть туда можно было только по дороге, которая проходила вдоль берега, и через северо-восточную окраину. А на той стороне против Переволочное раскинулась широкая, в три - четыре километра, полоса плавней с многочисленными озерами. В период половодья плавни заливала вода, а теперь они начинались у берега желтеющей песчаной отмелью и уходили вглубь зелеными зарослями густого, в два человеческих роста, кустарника. Кустарник служил хорошей маской.

За полосой плавней тянулся крутой высокий берег с раскинувшимися на нем большими населенными пунктами: Мишуриным Рогом, Незаможником, Калужино, Днепровокаменкой, Сусловкой, Бородаевкой. От нас просматривался только Мишурин Рог, остальные пункты скрывались зарослями.

Правее, на противоположном берегу, километрах в десяти - пятнадцати виднелись Куцеволовка и Дериевка, куда командующий армией нацеливал свой удар. Там шел бой, изредка появлялись наши "илы", слышалась артиллерийская перестрелка. А против нас на крутом берегу, непосредственно у Мишурина Рога, было тихо. Приглушенная расстоянием стрельба доносилась из-за гребня высоты 177,0, где дралась с противником гвардейская дивизия Мошляка.

- Да! Здесь совсем иначе, чем на северо-западе, - сказал Москвин, обращаясь к полковнику Муфелю. - Тут уж не отделаешься поговоркой: "Не вижу, не стреляю". Пожалуйста, смотри, сколько хочешь, все как па ладони.

- Наблюдение прекрасное, - подтвердил командующий артиллерией.

- А знаете, друзья, мы стоим сейчас на историческом месте, - сказал корпусный инженер Ильченко. - Здесь летом 1709 года Меншиков добивал разгромленную шведскую армию Карла XII. У Переволочной Карлу удалось с двухтысячным отрядом переправиться на ту сторону и начать свое бегство к границам Турции.

- История историей, а сейчас нужно подумать, как будем решать задачу, - ответил за всех начхим Малыхин.

- Не спуститься ли нам к реке? - предложил Ильченко.

- Попробуй. Сейчас же накроет.

Ильченко, как корпусному инженеру, хотелось лично разведать и ширину реки, и скорость течения, и подходы к берегу - одним словом, все, что необходимо для переправы.

Начхима Малыхина волновало иное. Ему надо скрыть истинное место переправы, замаскировать ее дымами. Для этого необходимо определить рубежи дымопуска, рассчитать потребность в средствах, наметить подходы к реке, обеспечить скрытность подготовительных работ.

Командующему артиллерией также предстоит решить сложные вопросы. Все огневое обеспечение ляжет на артиллерию. Нужно будет прикрыть не только первый бросок, но и все следующие рейсы. А удержание и расширение плацдарма на том берегу? Разве можно обойтись без артиллерии? Значит, вместе с пехотой придется переправлять и орудия. А на чем? Где взять для

них переправочные средства? Пехота может переправиться и на подручных средствах: на рыбачьих лодках, на плотиках, на легких паромах из бочек и даже на снопах из стеблей кукурузы, а для артиллерии нужны паромы из табельного переправочного имущества.

Офицеры пристально рассматривают берег и реку. Каждый прикидывает про себя возможные варианты применения своего рода войск.

Закончив ознакомление с условиями переправы через Днепр в районе Переволочное, рекогносцировочная группа перешла с левого фланга в центр армейской полосы, к Солошино, а затем еще ближе, к правому флангу.

Дольше всего пришлось задержаться в хуторах на юго-западной окраине Солошино. Здесь мы подошли к самой реке и, замаскировавшись прибрежным кустарником, долго вглядывались в противоположный берег.

Поблизости находилось место основной переправы дивизии Мошляка. Здесь уже переправились на правый берег два его полка. Сначала бойцы добирались до острова, расположенного посередине реки, а оттуда через второй рукав уже до правого берега. Общая ширина реки достигала не менее шестисот метров. В прибрежных кустах было укрыто переправочное имущество: рыбачьи и надувные лодки, плотики.

Местность и конфигурация противоположного берега у Переволочное и у Солошино во многом схожи между собой.

У Переволочное описывают полуподкову Мишурин Рог и Днепровокаменка, а у Солошино - Дериевка и Куцеволовка. Дериевка примыкает к реке, а Куцеволовка. составляя вершину полуподковы, находится километрах в четырех от берега. Чтобы добраться до Куцеволовки, надо преодолеть широкую низину с мокрым лугом и всхолмленными песчаными косами. Вся эта низина прекрасно просматривалась и простреливалась с высокого берега.

Правый берег в районе Солошино еще больше чем у Переволочное возвышался над левым. Гораздо труднее было вести наблюдение в сторону противника. Зато здесь мы располагали удобными подступами к реке. Широкая прибрежная полоса хуторов и садов обеспечивала хорошую маскировку.

Противник вел себя беспокойно. Пока мы находились у реки, он не раз прочесывал кромку берега пулеметным огнем и забрасывал минами. Делалось это на всякий случай, для "профилактики".

После общего ознакомления с рекой, подступами к ней и режимом на ее берегах перед нами еще острее встали вопросы

предстоящей задачи: в каких условиях придется нам преодолевать водную преграду? когда мы вступим в дело: сегодня? завтра?

* * *

Трудно форсировать такую широкую и многоводную реку, как Днепр. Но не менее, пожалуй, трудно удержать и расширить захваченный на противоположном берегу плацдарм, откуда должно начаться большое наступление. На долю нашего корпуса в битве за Днепр выпала вторая задача.

Приказ командарма о переправе на правый берег был получен нами утром 30 сентября. Корпус не вводился в бой сразу на широком фронте, как я ожидал, а должен был переправиться на тот берег по частям. Недостаток переправочных средств не позволял перебросить сразу же крупные силы. Корпусу были поставлены сначала ограниченные цели: переправить в ночь на 1 октября у Переволочное один из полков 10-й гвардейский воздушнодесантной дивизии и очистить утром от противника Мишурин Рог, куда 30 сентября на стыке с левым соседом через плавни прорвались вражеские танки и пехота.

Никаких табельных переправочных средств корпусу не отпускалось.

Севернее Мишурииа Рога находился вспомогательный пункт переправы 62-й гвардейской дивизии, но он был передан командиром 57-го стрелкового корпуса своему второму эшелону - 110-й гвардейской дивизии. Рассчитывать на него нам не приходилось.

Оставалась еще надежда на оборудованную переправу 49-го стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии, которым командовал генерал-майор Терентьев. Непосредственно с нами граничила 213-я стрелковая дивизия полковника Буслаева. Вся ее пехота была уже на правом берегу.

С генералом Терентьевым я встретился днем в Переволочном.

- Развить успех мы, к сожалению, не можем, - сказал он мне, - вышли к Днепру слишком ослабленными. Активных стрелков, автоматчиков и пулеметчиков в полках не наберешь и по сотне. А ведь они-то и решают основную задачу. Ждем, вот-вот должно подойти пополнение.

На совместной рекогносцировке генерал Терентьев познакомил меня с полковником Буслаевым и предоставил на одну ночь свой паром, спрятанный в камышах на юго-западной окраине Переволочное.

Корпусным и дивизионным саперам удалось к ночи соорудить из подручного материала еще два легких парома. И вот на этих трех паромах, каждый из которых вмешал 20-25 человек,

да на двух рыбачьих лодках и началась наша переправа.

Из 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии был взят 30-й воздушнодесантный полк подполковника Пшеничного. В боях на Северо-Западном фронте Пшеничный показал себя волевым и инициативным командиром, а полк его генерал Иванов считал лучшим в дивизии. Наиболее подготовленным батальоном в полку считался третий - капитана Переверстова. Комбат имел большой боевой опыт, был дважды ранен и за отличия награжден двумя орденами.

Этот батальон и было решено переправить первым.

Тревога и напряженное ожидание царили в первые часы памятной ночи на 1 октября. Соблюдая осторожность, под покровом темноты и тумана выводили мы к реке батальон Переверстова.

На имевшихся у нас переправочных средствах нам не удалось бы перебросить полк в одну ночь, а сделать это надо было обязательно. Приняли дополнительные меры: к каждому парому решили прицепить плот. Спешно началось сооружение плотов. Для этого пришлось разобрать какую-то нежилую деревянную постройку.

О переправе у Переволочной гитлеровцы знали: всю ночь они вели по нашему берегу артиллерийский огонь. Через 10-15 минут следовали огневые налеты, а в паузах между ними велся беспокоящий огонь. Мы держали людей подальше от берега, а расчеты на очередные рейсы подбрасывали в промежутках между налетами.

Строго в намеченном порядке роты погружались па паромы и бесшумно отваливали от берега. Наконец целиком переправился батальон Переверстова. С очередным рейсом направился Пшеничный и его штаб.

К рассвету полк скрытно сосредоточился в плавнях у Мишурина Рога, а утром внезапной атакой, во взаимодействии с 313-м стрелковым полком 110-й гвардейской дивизии, овладел северной частью населенного пункта. К вечеру полк полностью очистил Мишурин Рог и вышел на его южную окраину, где и занял оборону, обеспечивая сосредоточение на плацдарме всей своей дивизии. И сколько гитлеровцы ни предпринимали потом контратак на Мишурин Рог, гвардейцы Пшеничного стояли непоколебимо. Правее нас, на высотах западнее Мишурина Рога, надежно закрепились гвардейцы Мошляка. Левее 213-я стрелковая дивизия вела бои за Днепровокаменку.

В следующие две ночи продолжалась переправа и сосредоточение на плацдарме остальных гвардейских воздушнодесантных полков генерала Иванова.

К утру 3 октября вся 10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия, за исключением дивизионной артиллерии, сосредоточилась в плавнях восточное Мишурина Рога и развернула боевые действия по расширению плацдарма. Артиллерия оставалась на левом берегу, так как ее не на чем было переправить: табельных переправочных средств мы все еще не имели, а действовавшие паромы были слишком маломощны.

К 17.00 3 октября дивизия встретила сильное огневое сопротивление противника. 30-й гвардейский воздушнодесантный полк подполковника Пшеничного вел бой на юго-западной окраине Калужино, 19-й гвардейский воздушнодесантный полк полковника Гринева - на скатах с курганами + 1,5, севернее Днепровокаменки. 24-й гвардейский воздушнодесантный полк подполковника Дворникова наступал на колхоз "Незаможник" и высоту 122,2.

В ночь на 4 октября на правый берег переправились управление корпуса и 188-я стрелковая дивизия Даниленко (тоже без артиллерии). 1-ю гвардейскую воздушнодесантную дивизию Казанкина командарм оставил в своем резерве. Дивизионная артиллерия обеих дивизий закончила переправу только к 8 октября.

В ночь на 5 октября я в соответствии с приказом командующего армией произвел перегруппировку: на правый фланг у Мишурина Рога выдвинул дивизию Даниленко, а гвардейскую воздушнодесантную дивизию Иванова передвинул влево для расширения плацдарма в сторону левого фланга. С этого же дня начались ожесточенные бои за удержание и расширение плацдарма.

* * *

Сильным ударам противника первой подверглась дивизия Даниленко. Она имела задачу выбраться из плавней на крутой берег южнее Мишурина Рога, перерезать рокаду, связывавшую все правобережье от Кременчуга до Днепропетровска, и наступать на Михайловну. Только в первые три дня дивизия отразила четырнадцать контратак танков и пехоты противника. Несмотря на яростное сопротивление врага, наша пехота при поддержке крайне малочисленной артиллерии продолжала карабкаться на бугры и просачиваться на рокаду. Делалось это главным образом ночью, когда огонь противника был не так меток.

С севера и юга к занимаемому армией плацдарму гитлеровцы подтягивали резервы. Это мы видели по столбам пыли и чувствовали по нарастающей силе огня. С каждым днем перед фронтом заметно увеличивалось и число танков. Сначала мы отражали контратаки 23-й и 9-й танковых дивизий, затем

появилась 6-я танковая и танковая дивизия СС "Великая Германия". Против нас находились соединения 1-й танковой армии противника.

Упорная борьба развернулась за перекресток дорог у колхоза "Незаможник" и за прилегающую к нему высоту 122,2, Эта высота командовала над всей местностью. С нее отлично просматривались плавни до самого Днепра. Кто владел ею, тот был хозяином положения на этом участке.

В те дни я дважды побывал в стрелковой дивизии.

В первый раз вместе с командиром дивизии Даниленко посетил молодого, энергичного командира 580-го стрелкового полка подполковника И. Н. Еремина, готовившего свою часть к ночному штурму западных скатов высоты 122,2.

Вся южная окраина Мишурина Рога содрогалась от бомбовых ударов. Едкий дым пожаров, перемешанный с гарью, затруднял дыхание.

Следом за ударами авиации начался обстрел из артиллерийских орудий и минометов.

С большим трудом добрались мы с Даниленко до командного пункта полка, расположенного в подвале полуразрушенного дома.

Еремин ознакомил нас с планом своих действий. Атаку он намечал провести во второй половине ночи, с тем чтобы к рассвету закрепить захваченное. Против высоты Еремин выставлял на прямую наводку всю батальонную и полковую артиллерию, а пехоту стягивал к правому флангу. После короткого пятиминутного артналета пехота рывком выдвигалась вперед, захватывала высоту и, не задерживаясь, проникала на обратные скаты. Успех закрепляли артиллерия и саперы. План был прост и вполне посилен.

К утру высота и ее западные скаты стали нашими.

Второй раз я побывал в дивизии, чтобы подвести итоги первых боев с танковыми частями противника. На Северо-Западном фронте нашим стрелковым дивизиям не приходилось отражать танковых атак, мало действовала там и вражеская бомбардировочная авиация. Здесь же, на юге, бои развертывались несколько иначе. Каждую крупинку нового боевого опыта надо было немедленно распространять по всем подразделениям и частям. С этой задачей в 188-и стрелковой дивизии хорошо справился политотдел, используя, в частности, дивизионную печать.

Уже 6 октября, сразу же после первой нашей встречи с фашистскими танками, дивизионная газета "На врага" поместила статью командира противотанкового ружья старшего сержанта Н. Лебедева, в которой рассказывалось, как Лебедев вместе с

красноармейцем Авдеенко в одном бою уничтожил четыре вражеских танка.

"В первую атаку гитлеровцы бросили шесть танков, - писал II. Лебедев. - Развернутым строем машины мчались на меня. Неприятно, когда против тебя одного идут несколько танков. Но раз война, не будь слюнтяем, не торопись стрелять, не открывай себя раньше времени. Поспешишь, говорят, людей насмешишь. Поближе подпустишь - наверняка попадешь. А стоит только подбить один - два танка, как остальные повернут",

Лебедев подпустил танки на 300 метров и ударил по переднему. Танк замедлил ход, но не остановился. Бронебойщик ударил по второму танку. Тот сразу вспыхнул. Как только загорелся один танк, передний начал пятиться назад, за ним двинулись и остальные.

Задний ход у танков медленный. Прежде чем они успели скрыться, за бугром запылала еще одна машина.

Вскоре танки показались снова. Шли они вдоль фронта, подставив под удары наиболее уязвимое место - бортовую броню. С дистанции в 200 метров были подбиты еще два танка.

"Десять немецких танков не прошли там, где была лишь одна советская бронебойка, - писал в заключение Лебедев. - Почему? Потому, что я не торопился, не стрелял понапрасну, а бил с близкой дистанции наверняка".

Последователей у Лебедева нашлось много. Черные столбы дыма от горящих вражеских танков все чаще и чаще стали появляться на поле боя.

В эти первые дни боев на плацдарме гремела в дивизии слава и пулеметных расчетов взвода лейтенанта Артемьева. Особенно отличились младший сержант Мусаев и сержант Федяев.

Пулеметчики поклялись: "Мы скорее ляжем костьми, чем уступим хотя бы одну пядь советской земли". Они действовали мастерски, истребляя гитлеровскую пехоту.

С 6 октября внимание штаба корпуса и мое было в значительной степени приковано к полосе действий 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии и стыку с левым соседом.

С 3 октября тяжелые бои с крупными силами танков и пехоты противника развернулись на плацдарме 7-й гвардейской армии, в районе Бородаевка (западная) и Тарасовка. На это направление немецко-фашистское командование стянуло части танковой дивизии СС "Великая Германия", 6-й и 9-й танковых дивизий, 306-й пехотной дивизии. Ценой огромного напряжения и больших потерь гитлеровцам удалось выдвинуться узким клином к Днепру, рассечь армейский плацдарм на две части и отрезать 213-

ю стрелковую и 15-ю гвардейскую дивизии от главных сил армии. 49-й стрелковый корпус генерала Терентьева, в состав которого входили эти две дивизии, в последующих боях прижимался к левому флангу нашей армии и дрался с противником во взаимодействии с 82-м стрелковым и 1-м механизированным корпусами.

1-й механизированный корпус, которым командовал генерал-лейтенант М. Д. Соломатин, поступил в подчинение 37-й армии 30 сентября и был переправлен на правый берег вслед за 188-й стрелковой дивизией.

82-му стрелковому и 1-му механизированному корпусам 6 октября было приказано наступать в направлении Анновка, высота 177,0 (5 км юго-восточное Анновки), Одинец и во взаимодействии с 7-й гвардейской армией уничтожить вражескую группировку в районе Тарасовка, Бородаевка.

Позже выяснилось, что эта задача для наших корпусов была непосильной. 82-й стрелковый корпус, скованный противником на правом фланге у колхоза "Незаможник" и высоты 122,2, смог выполнять свою новую задачу только силами 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. 1-й механизированный корпус вышел недавно из длительных боев и не был еще укомплектован.

- У меня в строю две - три роты танков да 150 бойцов пехоты. Вот и вся моя реальная сила,-сказал мне генерал Соломатин. - Правда, есть еще десятка два броневиков, но они годятся лишь для обороны командного пункта.

Таким образом, для задуманного командармом широкого маневра ни у меня, ни у Соломатина сил и средств не было. Развернувшиеся наступательные бои 188-й стрелковой дивизии в направлении Михайловки и 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии в направлении Анновки приобрели упорный характер. Обе стороны несли большие потери.

Бои 1-го механизированного корпуса протекали главным образом на участке 49-го стрелкового корпуса у Сусловки и Тарасовки.

Наиболее напряженные бои разгорелись 7-9 октября. За эти три дня части только нашего корпуса отбили 26 контратак.

8 октября 10-я воздушнодесантная дивизия в результате успешных ночных действий овладела северной окраиной Анновки, тремя курганами с отметкой +1,5 (южными) и вышла на дорогу, которая вела из Анновки на Бородаевку.

Два дня подряд предпринимал противник яростные контратаки, стремясь восстановить утраченное положение. До 60 танков, 20 самоходных орудий и полк пехоты действовали против 24-го гвардейского воздушнодесантного полка, занимавшего

Анновку, и 30-го гвардейского воздушнодесантного полка, закрепившегося на гребне с тремя курганами.

Командир 24-го полка подполковник Дворников, окруженный на своем НП танками противника, дважды вызывал огонь на себя. Заместитель командира полка по политической части капитан Шапкин с возгласами "За партию, за Родину, за Советскую Украину, вперед!" неоднократно бросался на врага в атаку и увлекал за собой личный состав полка.

Стойкость и выдержку при отражении контратак показали гвардейцы стрелковых батальонов капитана Портного и капитана Литвинова. Бронебойщики сержант Ашарахметов и гвардии рядовой Ершов подбили из противотанковых ружей по три танка. Взвод противотанковых орудий офицера Уткина вывел из строя 15 вражеских танков.

Не менее успешно дрался и 30-й гвардейский воздушнодесантный полк. Три южных кургана на гребне по нескольку раз переходили из рук в руки. Днем их занимали танки противника, а ночью вновь отбивала наша пехота. Шло единоборство танков и орудий прямой наводки. На прямую наводку пришлось выдвинуть всю полковую и почти всю дивизионную артиллерию.

За два дня боев гитлеровцы потеряли более сорока танков и самоходных орудий и пятьсот человек пехоты. С 10 октября бои на плацдарме стали несколько стихать. Противник был измотан, ударная сила его танковых дивизий ослабла. К этому времени 82-й стрелковый корпус расширил полосу своего наступления до 8 километров и продвинулся от Днепра на 12 километров. Весь армейский плацдарм па правом берегу Днепра за двенадцать дней боев достиг по фронту 35 километров и в глубину 6-12 километров.

В полосе нашей армии имелись две мостовые и четыре паромные переправы. Были созданы условия для проведения новой наступательной операции.

10 октября командующий Степным фронтом решил сосредоточить на плацдарме 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова. Совместными усилиями с 37-й армией она должна была прорвать оборону противника и обеспечить ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова для развития оперативного успеха.

С 11 октября наша армия стала готовиться к новой наступательной операции, а через день - два начал подготовку к ней и 82-й стрелковый корпус.

* * *

Главный удар при прорыве вражеской обороны генерал

Шарохин решил нанести силами 57-го стрелкового корпуса (62-я гвардейская стрелковая дивизия, 1-я гвардейская воздушнодесантная дивизия, 188-я стрелковая дивизия) в общем направлении на колхоз "Незаможник", Михайловка, Катериновка, Хрисановка; вспомогательный-силами 82-го стрелкового корпуса (92-я гвардейская и 10-я воздушнодесантная дивизии) вдоль высот восточное Анновка, Лиховка.

Во втором эшелоне армии оставалась 89-я гвардейская стрелковая дивизия, а 110-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с правым участком армейского плацдарма переходила в состав 5-й гвардейской армии.

С 11 по 15 октября в соответствии с планом армейской операции происходили перегруппировка войск, занятие исходного положения и непосредственная подготовка к наступлению. 188-я стрелковая дивизия распоряжением командарма от 12 октября вошла в состав 57-го стрелкового корпуса, а вместо нее к нам в корпус в ночь на 13 октября прибыла от Дериевки 92-я гвардейская дивизия, которая заняла Калужино и колхоз "Червонный партизан".

Днепр с утра до ночи был затянут плотной дымовой завесой, прикрывавшей переправу и сосредоточение войск. К 13 октября на правом берегу сосредоточивалась 5-я общевойсковая, а к 15 октября - 5-я танковая армии.

Враг чувствовал нависавшую над ним угрозу, нервничал, переносил свои танковые удары вдоль плацдарма с одного направления на другое, стремился отбросить наши части к плавням и сорвать готовившуюся нашим командованием крупную наступательную операцию.

Особенно беспокоил гитлеровцев выступ нашего корпуса у Анновки и на гребне высоты с пятью курганами. Этот выступ глубоко вдавался в их оборону. После небольшой передышки противник решил срезать его.

Утром 14 октября, за сутки до перехода наших войск в наступление, фашисты нанесли на этом участке сильный удар. Мы еле-еле, с величайшим напряжением отразили его.

Накануне противнику удалось несколько потеснить 213-ю стрелковую дивизию Буслаева. Стык с ней еще больше оголился. Для его обеспечения генерал Иванов направил ночью батальон капитана Переверстова.

И вот утром враг нанес в этот стык удар крупными танковыми силами. После короткой артподготовки фашисты бросили в атаку свыше 100 танков и самоходных орудий, из них около 30 тяжелых типа "тигр". За танками двигалось не менее полка пехоты. Вскоре несколько танков пересекли гребень и

появились на его западных скатах, обращенных к Калужино. Пехота 30-го и 24-го гвардейских воздушнодесантных полков, занимавшая плато с тремя южными курганами, оказалась отрезанной от своих штабов.

Танки утюжили траншеи, засыпали их, давили пехоту и, сраженные огнем, замирали на месте. Густые столбычерного дыма потянулись в небо. Гребень клокотал от взрывов, захлебывался автоматным огнем. Все это происходило у нас на глазах, но мы не могли вести артиллерийский и минометный огонь с закрытых позиций: велик был риск поразить своих в этом слоеном пироге.

Выбить противника с плато можно было только мощной контратакой, но сил для этого мы не имели.Ничем не могли помочь и мои соседи.

В эти тяжелые минуты, используя небольшое затишье, я решил побывать среди защитников гребня. Оставив на своем НП полковника Муфеля, я проскочил на машине в Днепровокаменку, а оттуда поднялся по северному скату на перегиб, где начинались плато с пятью курганами, за которое и шел бой.

Здесь на перегибе, рядом с обрывистым оврагом, размещались врезанные в небольшой курганчик наблюдательные пункты Буслаева и командира нашего левофлангового 19-го гвардейского воздушнодесантного полка полковника Гринева.

- Как дела? - спросил я у офицеров.

- Тяжеловато. Отбили три атаки. Совсем выдыхаемся.

- Курганы удерживаете?

- Два северных еще у нас, а три южных занял противник.

Мы выбрались из щели и по ходу сообщения поднялись на вершину кургана.

Передний край, занимаемый нашей пехотой, проходил в 300 метрах южнее НП. Там же, в непосредственой близости, зарылась и остановленная огнем пехота противника.

Вражеские танки прорывались через наш передний край, подходили почти вплотную к НП, но каждый раз вынуждены были возвращаться обратно. Они не рисковали отрываться от своей пехоты. Атаки противника не прошли для него бесследно: семь его танков остались на поле боя.

Вдоль гребня тянулась полоса лесной посадки, которая делила плато на две части и закрывала всю ее правую половину, обращенную к Калужино.

С наблюдательного пункта не было видно ни трех южных курганов, ни того, что делалось там.

Влево, метрах в двухстах, начиналась глубокая и широкая балка, поросшая кустарником. Она тянулась в сторону

противника.

- Где ваш стык? - спросил я у Буслаева и у командира полка.

- У балки, - показал мне рукой Буслаев.

- Разрыв между флангами есть?

- Есть, небольшой.

- А где батальон Переверстова? - обратился я к командиру полка.

- Не знаю. У меня его нет, - неуверенно ответил он и посмотрел на Буслаева.

- О каком батальоне вы спрашиваете? - переспросил Буслаев.

- О том, который выдвинулся сюда ночью для обеспечения стыка.

- Я о нем ничего не знаю, - сказал Буслаев.

- А вы ночью ничего не слышали? - спросил я у офицеров.

- Да нет как будто, - ответили они, посматривая друг на друга.

- Перед рассветом вот тут, в балке, вспыхнула было стрельба, но она быстро прекратилась, - вспомнил командир полка. -Там действовала наша разведка, И я этой стрельбе не придал значения,

После разговора с командиром полка и Буслаевым у меня зародилось сомнение - выслал ли на самом деле командир дивизии Переверстова или только доложил мне об этом? Выяснить надо было у генерала Иванова.

Подтвердив командиру полка и Буслаеву их задачи - во что бы то ни стало удерживать занимаемый рубеж, я уехал.

Вскоре противник предпринял новую атаку. Теперь его главный удар перемостился на север, на Днепровокаменку, откуда я только что прибыл. Вновь загрохотало, и все плато заволоклось облаком разрывов, дыма и пыли.

На этот раз противнику удалось смять передний край, очистить северную часть гребня с двумя курганами и выйти на перегиб, где начинался скат к Днепровокаменке. Несколько "тигров" прорвалось на окраину населенного пункта, и только заградительный огонь артиллерии, в том числе и гаубичных батарей, спешно выдвинутых на прямую наводку, вынудил их отойти обратно. Вражеская пехота, ослабленная большими потерями, особой активности не проявила и поддержать прорыв своих танков не смогла.

И все-таки над нами нависла страшная угроза. От мысли, что противник может сбросить нас с бугров, прорваться к плавням и сорвать замыслы нашего командования, сжималось сердце. Этого нельзя было допустить.

Вечером, попросив у Даниленко выслать в Днепровокаменку

его резерв сто человек учебного батальона, я выехал вместе с Муфелем на НП Иванова. Надо было принимать срочные меры.

Гвардейская воздушнодесантная дивизия Иванова к концу дня оказалась в очень тяжелом положении. Почти вся ее пехота осталась на гребне, захваченном противником. Часть людей погибла там, часть продолжала бороться в небольших опорных пунктах вокруг курганов.

Натиск сдерживался теперь артиллеристами, связистами, саперами и офицерами штабов. Передний край проходил по скатам гребня на непосредственных подступах к Калужино и Днепровокаменке.

С наступлением темноты надо было если не восстановить, то хотя бы улучшить свое положение, привести оставшиеся подразделения в порядок, усилить их и наладить управление.

Генерала Иванова мы с Муфелем застали в песчаном карьере на северной окраине Днепровокаменки. Он настолько был подавлен неуспехами, что я с трудом узнал его.

- Да, была дивизия и нет ее, - произнес он задумчиво.

- Ну, положение у вас не такое уж плохое, - пытаясь успокоить Иванова, сказал Муфель. - Противник ведь не прорвался? А вашими артиллеристами мы просто восхищены - не люди, а золото.

- Да и не только артиллеристы! - поддержал я своего командующего артиллерией. - Прекрасно действовали стрелки и пулеметчики. За проявленную стойкость, мужество и отвагу передайте полкам мою благодарность.

- Спасибо! - сразу оживился Иванов. - Действительно, люди сегодня были крепче стали. Благодарность я передам!

- А что слышно о Переверстове? - спросил я.

- Пропал и не можем найти, - развел Иванов руками. - И куда он мог деваться? Не иголка - целый батальон, а найти не можем. Ума не приложу.

- А остальные комбаты живы?

- Командиры полков живы, а о комбатах сведений нет. Скоро должны подойти офицеры штаба с докладами.

На пути к дому, в котором жил Иванов, нас догнал майор Кравченко начальник оперативного отдела штаба дивизии. Он едва держался на ногах от усталости, но бодро доложил комдиву, что задание его выполнено.

Кравченко несколько часов пробыл в Калужино. в правофланговых полках, помогал наводить там порядок. Понеся большие потери, потеряв гребень высот, остатки полков с трудом удерживались на западных скатах. Развить успех в сторону Калужино противник не мог. Его пехота была почти полностью

истреблена, а одни танки без пехоты ворваться в населенный пункт не рискнули.

- Вот видите, дела-то не такие уж плохие, - сказал я комдиву. - А какое настроение у людей? - спросил я у Кравченко.

- Хорошее, вымотались только. Командиры полков просят помочь им восстановить положение. Надо освободить гребень. Оттуда и вечером доносилась стрельба, видимо, кое-кто из наших продолжает сопротивляться.

- Вот, может быть командир корпуса поможет? - посмотрел Иванов на меня.

- Конечно, поможем. Пойдемте в дом, там при свете разберемся.

После доклада Кравченко Иванов немного приободрился.

В домике Иванова меня ждал начальник оперативного управления штаба фронта. Он прибыл по поручению И. С. Конева, успел уже побывать в штабе корпуса, переговорил с начальником штаба дивизии и был полностью осведомлен о положении на плацдарме.

- Жарко вам пришлось сегодня, жарче, чем мы предполагали, - полушутя, заметил генерал, здороваясь со мной и с Ивановым.

- К вечеру жара спала, - ответил я. - Мы выдохлись, но и противник выдохся не меньше нас. Теперь мы думаем укрепиться и восстановить утраченное.

- Вот я и прислан за тем, чтобы еще раз напомнить вам о вашей задаче, - сказал генерал. - Командующий фронтом очень обеспокоен боями на вашем участке. Напрягайте свои силы до предела и держитесь. Не подведите. Скоро поможем вам.

Провожая генерала, я попросил его доложить командующему мою просьбу усилить нас в эту ночь.

Меня очень беспокоил завтрашний день. Если за ночь противник сумеет подбросить пехоту и атаки его будут такие же яростные и настойчивые, как сегодня, то нам слишком трудно будет сдержать их.

- А чего бы вы хотели? - спросил генерал.

- Немного противотанковой артиллерии и танков.

- Хорошо. Я доложу, - пообещал генерал на прощание. Слово свое он сдержал. Уже до полуночи в мое распоряжение поступили иптаповский и 43-й танковый полки, находившиеся до этого в армейском резерве. Вместе с ними прибыл заместитель командующего армией генерал-майор А. И. Рыжов. Всю вторую половину ночи мы занимались усилением противотанковой обо роны. Иванов с Кравченко направились на правый фланг в Калужино наводить порядок, а мы с Рыжовым и Муфелем занялись обороной на подступах к Днепровокаменке и на левом

стыке.

* * *

Поле боя сковала ночная тишина. Обе стороны, затаив дыхание, готовились к новой схватке. Эту тихую картину на земле дополняло тихое звездное небо. И оно в эту ночь не поблескивало зарницами разрывов, не озарялось ракетами. Уж слишком тяжелым оказался прошлый день, он поглотил и энергию людей и материальные средства, которыми располагали войска.

Осторожно поднимались мы в гору к тому кургану, где находились днем наблюдательные пункты Буслаева и командира левофлангового полка полковника Гринева. Днем я хорошо запомнил местность и теперь уверенно вел рекогносцировочную группу. Мы решили прочно закрыть все танкоопасное направление от кургана до западных скатов гребня шириной немногим более тысячи метров, выдвинув сюда двадцать пушек иптаповского полка и шесть дивизионных гаубиц, а в затылок им, чуть пониже по скату, поставить танковый полк.

Вот и курган. Все та же тишина, никаких признаков жизни. Приткнувшись вплотную к кургану, стоит подбитый "тигр". Окопы пусты.

"Где же Буслаев? Где командир полка? Где люди, которые были вместе с ним на НП?" - спрашиваю я сам себя.

Эти же вопросы тревожат Рыжова и Муфеля.

- Ну и дела! Неужели отошли? - говорит Рыжов.

Всюду видны следы боя - сплошные черные воронки, а в них и около них неубранные трупы. Видимо, дело доходило до рукопашных схваток.

Открыв люк, я заглядываю в подбитый танк. Там тоже трупы. Забравшись внутрь, я извлекаю солдатские книжки. Убитые принадлежали танковой дивизии СС "Великая Германия".

Но где же живые?

Пытаемся продвинуться вперед, чтобы окончательно разобраться в том, что произошло здесь, но тут нас настигает группа разведчиков полка во главе с сержантом.

- Куда вы идете? Сюда нельзя! - тревожно шепчет сержант.

- Почему?

- Наших здесь нет. Вы идете прямо к противнику.

- Как же так? А где ваши?

- У нас никого не осталось.

- Где командир полка? Он ведь днем был здесь?

- Теперь он позади, в овраге. Нас выбили отсюда.

- А куда вы идете?

- В разведку. Мы чуть было не открыли по вас огонь - думали, гитлеровцы.

Я приказал сержанту занять оборону по скату кургана и прикрыть выдвижение на этот рубеж нашей артиллерии.

Пришлось возвратиться назад и разыскивать командира полка. Нашли мы его быстро, в том самом овраге, о котором говорил сержант.

Вместе с командиром полка находились несколько штабных офицеров и человек тридцать связистов, саперов и автоматчиков. Вот и вес, чем он располагал.

Выход танков на курган, где сидели Буслаев и командир полка, и прорыв противника в Днепровокаменке вынудили перенести управление в танкобезопасное место. Сначала с кургана ушел Буслаев, а вслед за ним и командир полка. Они правильно сделали, что отошли тогда в противотанковый район, но плохо, что не доложили об этом старшему начальнику.

- Забирайте учебный батальон стрелковой дивизии, - сказал я командиру полка, - и немедленно занимайте снова свой гребень, сами садитесь опять на курган и ни шагу назад. Поняли?

- Понял.

- Торопитесь! У кургана лежат ваши разведчики, а мы сейчас подтянем туда артиллерию и танки.

Около семи часов 15 октября гитлеровцы вновь попытались прорваться к Днепровокаменке и плавням. За волной танков и самоходок следовала пехота. Но на этот раз они были встречены стеной заградительного огня.

В 10 часов утра того же 15 октября совершилось то, чего мы с нетерпением ожидали и для чего с ожесточением дрались на плацдарме - после часовой артподготовки войска 37-й и 5-й гвардейской армий перешли в наступление.

В первый день наступления наша армия имела незначительный успех. 57-й стрелковый корпус прорвал передний край обороны, овладел опорным пунктом Незаможник и, преодолевая упорное огневое сопротивление противника и отражая контратаки его пехоты и танков, продвинулся вперед до двух километров.

82-й стрелковый корпус правым флангом (92-й гвардейской дивизией) вышел к роще на северной окраине Линовки, а левым (10-й воздушнодссантной дивизией) продолжал удерживать западные скаты высоты с пятью курганами.

* * *

В тот же вечер меня вызвали к командарму. Командный пункт армии переместился на правый берег и располагался в крутых скатах глубокой балки. Отвесные скалы сжимали и без того узкий проход.

У блиндажа командующего толпились офицеры и генералы. В

ожидании очереди они курили и переговаривались.

Я вошел в блиндаж. Шарохин сидел за столиком. Водя по карте карандашом, он ставил задачу плотному генералу.

- Здравствуйте! Поздравляю! - сказал командарм, протягивая мне руку.

- С чем, товарищ командующий?

- Как с чем? - удивился он. - С успешным переходом в наступление. Кстати, познакомьтесь Это генерал Серюгин, я направляю его к вам в корпус.

- Командир 89-й гардейской Белгородско-Харьковской стрелковой дивизии, - представился мне Серюгин. Командарм продолжал:

- Дивизия Серюгина за ночь выдвинется на северную окраину Калужино и с утра 16 октября начнет наступление из-за левого фланга воздушнодесантной дивизии Иванова, вдоль западных скатов высоты с пятью курганами. Задачу я ему уже поставил.

- Разрешите идти? - спросил Серюгин.

- Пожалуйста, - ответил командарм.

- Задержитесь у блиндажа и подождите меня, - сказал я комдиву.

- Извините, но я очень спешу, - ответил он и, обратившись снова к Шарохину, переспросил: - Можно?

- Идите, идите, - кивнул тот.

Поведение Серюгина мне не понравилось. Поступив в мое подчинение, он в то же время игнорировал меня как своего нового начальника. Его дивизия должна была выдвинуться ночью на незнакомый участок и с утра повести там наступление, а я за десять дней боев хорошо узнал на этом направлении и местность и противника. Мой совет, как лучше выполнить задачу, был бы Серюгину полезен.

На другой день мне пришлось поругать себя за то, что я не настоял в присутствии командарма на том, чтобы комдив подождал меня.

- Уточняю вашу задачу, - склонившись над картой, продолжал Шарохин. Армия своим центром устремляется вперед за подвижной группой фронта, нанося удар на Пятихатка, Кривой Рог. Ваш корпус прикрывает ударную группировку слева, обеспечивает, как и раньше, стык с соседней 7-й гвардейской армией и в то же время ведет наступление на Лиховка, Лозоватка и далее на юг.

Задача была ясна. Меня только очень беспокоил вопрос: не попытается ли противник контрударами с флангов закрыть горловину прорыва? Не начнет ли он свои контратаки сегодня ночью или рано утром, не дав корпусу изготовиться к

наступлению?

С утра 16 октября в прорыв вошла 5-я танковая армия. В полосе соседнего с нами 57-го стрелкового корпуса действовал танковый корпус.

Из зарослей начали выкатываться на крутые скаты у Мишурина Рога и высоту 122,2 наши танки.

Десять, двадцать, пятьдесят... Незабываемый момент! Одна минута такого счастья стоила десятка дней ожесточенной борьбы.

Как сжатая до предела боевая пружина, освободившись вдруг, с огромной силой посылает вперед ударный механизм, так волей фронтового командования ринулась вперед, сжатая до этого в плавнях плацдарма, танковая армия генерала Ротмистрова. Она устремилась в глубь обороны врага, сметая и сокрушая все, что стояло на ее пути.

Противник вначале растерялся. Только минут через тридцать -сорок, когда первый эшелон танков был уже далеко и горловину прорыва заполнила мотопехота, над полем боя появилась авиация противника.

Первая волна, около 80 бомбардировщиков, накатилась южнее Мишурина Рога. От бомбовых ударов задрожала земля. Густые фонтаны разрывов, образовав сплошную бурую стену, закрыли всю горловину прорыва.

Отбомбив, самолеты улетели. Когда гарь и дым рассеялись, перед глазами вновь предстал непрерывный поток автомашин с пехотой, артиллерией, минометами.

Развернувшееся с утра наступление нашего корпуса проходило не так, как нам хотелось бы. Я не ошибся в своих опасениях: начались контратаки, сковавшие наш левый фланг. Кроме того, в первой половине дня не выполнила своей задачи дивизия Серюгина. Выйдя ночью в Калужино, она не нацелилась на Анновку, а, попав под фланговый огонь, развернулась фронтом на восток и повела наступление на гребень высоты с тремя курганами, который ранее занимала дивизия Иванова. Гребня Серюгин не достиг и курганами не овладел. Дивизия его понесла напрасные потери. Пришлось выдергивать полки из-под огня, оттягивать назад и выводить па южное направление.

После этого у меня произошел крупный разговор с Серюгиным. Ссылаясь на приказ командарма, он упрямо не хотел признать свои ошибки, а я доказывал, что ошибки эти не случайны, а связаны с его переоценкой своих возможностей.

Я был уверен, что, если бы накануне вечером мы подробно договорились о начале действий, эти ошибки были бы исключены. Серюгин вынужден был согласиться со мной и даже извинился за свою некорректность.

К вечеру, отразив контратаки на левом фланге и сломив сопротивление на южном направлении, части Петрушина и Серюгина продвинулись на три - четыре километра, овладели Анновкой и Красным Кутом, а дивизия Иванова, взаимодействуя с левым соседом, очистила гребень с курганами.

В балке южнее Сусловки перед нами открылась трагическая картина: там были обнаружены следы пропавшего без вести батальона Переверстова.

Батальон, видимо, был плохо ориентирован в обстановке, Выдвигаясь ночью для прикрытия оголенного стыка, он случайно перешел за линию переднего края, углубился в оборону противника и неожиданно наскочил на танковую засаду.

По всем данным, это был район исходных позиций изготовившейся для атаки танковой дивизии СС "Великая Германия". Колонна батальона, не успев развернуться, была смята танками и истреблена.

По моему твердому убеждению, основной причиной катастрофы явилась неправильная ориентировка комбата в обстановке. Переверстов был опытный офицер, успешно решавший ранее и более сложные задачи. Не мог же он сознательно лезть к врагу в открытую пасть? Его кто-то подвел. Но кто? Конкретного виновника найти не удалось.

Неуклонно, со всей строгостью, требовал я потом от всего офицерского состава докладывать только правду, пусть даже самую горькую, и строго наказывал за малейшее проявление неправдивости.

Вечером я побывал в 188-й стрелковой дивизии, хотелось порадоваться и се успеху. Она продвинулась за день на шесть - семь километров.

Добрался я к Даниленко на закате солнца, когда бон уже стих. На гребне, рядом с окопами НП, застыл подбитый "тигр". С восхищением всматривался я в улыбающиеся лица связистов и саперов, заполнивших окопы наблюдательного пункта.

- Кто это его? - кивнул л в сторону танка.

- Это мы, вместе с саперами, - ответил один из связистов, - Саперы подвели мину, а мы подбросили связку гранат.

- Молодцы!

Подошел комдив вместе с начальником политотдела Шинкаренко. Оба они были довольны результатами сегодняшнего боя.

- Всыпали мы им сегодня основательно, - сказал Шинкаренко. Посмотрите, какой приятный вид! - показал он в сторону пологого ската.

Там стояли десятка полтора подбитых и обгоревших танков.

- А как же этот-то добрался до НП? - спросил я о "тигре".

- Проскочил через передний край на большой скорости, а когда подходил сюда, то артиллеристы уже не вели огня.

- Почему?

- Боялись поразить нас. Но мы и сами справились, - засмеялся Шипкарснко.

- Экипаж взяли в плен и направили в штаб корпуса, - добавил Даниленко.

- Какой дивизии?

- 23-й танковой.

С этой дивизией мы встречались уже не впервые.

На третий день, 17 октября, наше наступление было более организованным. Корпус продвинулся на 10 километров. Совместными усилиями дивизий Петрушина и Серюгина после четырехчасового упорного боя овладели районным центром Лиховка. На подступах к населенному пункту были подбиты и сожжены 16 вражеских танков. На левом фланге дивизия Иванова и один полк Серюгина продолжали отбивать настойчивые контратаки гитлеровцев, пытавшихся подсечь наши прорвавшиеся части.

Дальнейшее наступление корпуса в оперативной глубине проходило своеобразно.

Центр армии - 57-й стрелковый корпус, устремившись вслед за подвижной группой, 19 октября овладел Пятихаткой и Лозоваткой. Мы выдвинулись на этот рубеж только 21 октября, отстав от 57-го корпуса на 20 - 25 километров. А сосед слева, стрелковый корпус генерала Терентьева, отстал от нас на 10 15 километров. С каждым днем разрыв на флангах увеличивался.

Противник прочно сидел на высотах восточное и юго-восточное Лиховки, фланкировал и сдерживал наше наступление. На отдельных подготовленных рубежах увеличивалось сопротивление и перед фронтом. Прорываясь одной двумя дивизиями вперед, с тем чтобы не отстать от правого соседа и обеспечить фланг ударной группировки армии, корпус в то же время вынужден был одной -двумя дивизиями прикрывать разрыв с соседом слева и помогать его продвижению.

* * *

Через несколько дней наш корпус вышел на полступы к Кривому Рогу и втянулся в затяжные бои, закончившиеся переходом к обороне. Подводились первые итоги, обобщался боевой опыт, приобретенный нашими соединениями в боях за Днепр.

Что же показали и принесли нам первые бои на Украине, бои в новых условиях, резко отличавшихся от условий северо-

западного театра военных действий?

Во-первых, здесь нам впервые пришлось столкнуться с переправой через крупную водную преграду, и наши части и соединения успешно справились с этой новой для них задачей.

Во-вторых, нам пришлось, также впервые, длительное время удерживать захваченный плацдарм и научиться отражать массированные удары вражеских танков. Для борьбы с танками наши соединения и части умело использовали артиллерию, особенно орудия, выдвинутые для стрельбы прямой наводкой.

И, самое главное, мы еще раз убедились в беспредельном героизме наших людей, их беззаветной преданности делу Коммунистической партии и советской Родине.

С честью выполняя девиз: "Там, где стала гвардия, враг не пройдет",10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия генерала Иванова показала высокий образец мужества и стойкости. Она своей грудью закрыла врагу доступ к плавням и вывела из строя 67 танков.

Отлично дралась с врагом на плацдарме и 188-я стрелковая дивизия полковника Даниленко. За несколько дней она подбила и сожгла 20 танков.

Большую боевую практику по управлению войсками в первый месяц боев приобрели наши штабы.

Корпус продвинулся своим правым флангом на 90, а левым на 70 километров, освободив при этом 71 населенный пункт.

Таковы были первые итоги боевых действий корпуса на Украине.

Под Кривым Рогом

Успешно преследуя отходившего противника, 37-я армия своим правофланговым 57-м стрелковым корпусом 25 октября вышла на ближние подступы к Кривому Рогу и втянулась в бои за город. 62-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Мошляка, переправившись у Лозоватки через р. Ингулец, выдвинулась на рубеж Гуровка (25 километров севсро-западнее Кривого Рога), Анастасьевка (8 километров западнее Кривого Рога). 1-я гвардейская воздушнодесантная дивизия генерала Казанкина вела ожесточенный бой за северную окраину Кривого Рога. 188-я стрелковая дивизия полковника Даниленко занимала рудник имени Фрунзе и Веселые Терны.

Вместе с дивизиями 57-го стрелкового корпуса и на стыках между ними на 30-40-километровом фронте действовали танковые части 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова.

82-й стрелковый корпус по-прежнему обеспечивал главную группировку армии слева и стык с соседней 7-й гвардейской, а

затем с 46-й армиями. Его головная 10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия генерала Иванова, встретив упорное огневое сопротивление со стороны Каменнополя и прилегающих к нему высот левого берега Саксагани, развернулась фронтом на юго-восток. 89-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Серюгина находилась на северных подступах к Сергеевке. 92-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Петрушина вышла из состава корпуса. Генерал Шарохин перебрасывал ее на западное, кировоградское, направление для прикрытия растянутого стыка с 5-й гвардейской армией.

К концу октября фронт 37-й армии выгнулся дугой. обращенной своей вершиной к югу и растянулся до 130 километров. Ничем не прикрываемые промежутки между дивизиями достигали 10 - 20 километров. Для обеспечения стыков, закрепления захваченных рубежей и постановки заграждений на направлениях вероятных контратак противника в стрелковых дивизиях создавались подвижные отряды заграждения. В состав каждого отряда входили взвод саперов, рота автоматчиков, одно-два отделения противотанковых ружей, необходимый запас противотанковых мин.

И вот в тот период, когда все внимание командования 37-й армии было сосредоточено на вопросах, связанных с овладением Кривым Рогом и развитием дальнейшего удара армии на Апостолово, противник нанес нам сильный танковый контрудар. 29-30 октября немецко-фашистское командование бросило против ослабленных предыдущими боями семи стрелковых дивизий 37-й армии, действовавших на сильно растянутом фронте, семь танковых дивизий обшей численностью до 800 танков. Три танковые дивизии нанесли лобовой удар со стороны Кривого Рога и четыре танковые дивизии - со стороны Кировограда по наиболее уязвимому правому флангу армии, в тыл 57-му стрелковому корпусу.

92-я гвардейская стрелковая дивизия в районе Шевченково (50 километров северо-западнее Кривого Рога) и 62-я гвардейская стрелковая дивизия южнее Гуровка были отрезаны от остальных соединений армии. Попала в окружение и 1-я гвардейская воздушнодесантная дивизия Казанкина.

Пять дней па правом фланге армии шла упорная, ожесточенная борьба. Распоряжением командующего фронтом 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова была переброшена на север от Кривого Рога с задачей нанести удар во фланг и тыл прорвавшейся кировоградской танковой группировке противника.

На кировоградское направление, на оголенный стык между 5-й гвардейской и 37-й армиями срочно выдвигались 7-я

гвардейская и 57-я армии. Попавшие в окружение стрелковые дивизии 37-й армии днем занимали противотанковые районы и отбивали танковые атаки врага, а ночью по приказу командования организованно отходили на новые рубежи.

3 ноября противник был приостановлен. Правый фланг армии стал закрепляться на рубеже: восточный берег р. Ингулец у Недай-Вода, Калачевское, Веселые Терны. Левый фланг - 82-й стрелковый корпус оставался на месте, контрудар немецких танков его не захватил.

Отброшенные от Кривого Рога наши части настойчиво стремились вновь продвинуться туда, но каждый раз подвергались контратакам противника и вынуждены были откатываться на исходное положение. Не удавалось больше развить успех и противнику. Все его танковые атаки разбивались об огонь нашей артиллерии. Наконец обе стороны выдохлись. Наступило затишье.

82-й стрелковый корпус занимал 22-километровую полосу. К нам возвратилась 188-я стрелковая дивизия Даниленко. Она занимала оборону на правом фланге корпуса, фронтом на юго-запад, вдоль линии железной дороги на Кривой Рог. В центре ее шестикилометровой полосы находился ряд населенных пунктов: рудник им. Ленина, Калачевское, Жилкооперация и ст. Калачевская. Правый фланг упирался в Червону Балку, а левый подходил к реке Саксагань. Штаб дивизии размещался в рабочем поселке рудника им. Ленина, в одном километре от своего переднего края. Против стрелковой дивизии действовали части 23-й танковой дивизии гитлеровцев. Там же, на огромном усеченном терриконе, был оборудован и мой правофланговый НП. Наверху врезали в кромку две ячейки для наблюдения; одну - для меня, другую - для командующего артиллерией, а внизу, у подножия обрывистого ската, отрыли землянку для отдыха.

С террикона открывался прекрасный обзор, чуть ли не на 10 километров.

На своем правофланговом НП я вместе с командующим артиллерией и адъютантом бывал почти ежедневно.

Гитлеровцы, очевидно, знали об этом и каждый день вели по терриконе методический огонь из специально выделенных для этого отдельных орудий.

С наступлением зимы резкий морозный ветер не позволял находиться наверху более часа. Хотелось поскорее спуститься вниз и обогреться в натопленной землянке.

- Красота! - говорил продрогший полковник Муфель, потирая около печурки озябшие руки и расправляя ссутулившиеся плечи.

- Прошу вас пройти к Даниленко, - приглашал адъютант. - Я

уже созвонился с ним и доложил, что вы промерзли и скоро придете отогреться.

Адъютант хитрил. Ему надоедало сидеть в промозглой дыре и самому хотелось в теплую хату.

Даниленко встретил добродушно и гостеприимно. Он занимал маленький светлый домик в рабочем поселке. Из таких дачных домиков с верандами и палисадниками состояла вся слобода.

Не успели мы раздеться, как пришел полковник Григорий Наумович Шинкаренко. Такого начальника политотдела, всесторонне осведомленного о всех делах, не имела ни одна из наших дивизий. Его подвижную фигуру в солдатском ватнике узнавали все. На передний край он нес бодрость, новости с фронтов и из глубокого тыла. Там же вручал партийные билеты и кандидатские карточки. Я любил беседовать с Шинкаренко и не упускал случая встретиться с ним, когда бывал в дивизии.

В конце ноября Григорий Наумович представил мне первых в дивизии кавалеров только что утвержденного правительством ордена Славы. Вот некоторые из них.

Сержант Абрамов Ашот Саркисович награжден орденом Славы III степени. Во время боя, когда выбыл из строя командир взвода автоматчиков, Абрамов принял командование на себя. Противник несколько раз бросался в атаку на участок, занимаемый автоматчиками. Взвод стойко выдержал натиск врага, который, потеряв свыше 40 солдат и офицеров, отступил. Сержант Абрамов в этом бою лично уничтожил 11 гитлеровцев.

Рядовой Бакланов Николай Александрович награжден орденом Славы III степени за то, что, ворвавшись первым в расположение противника, личной храбростью содействовал успеху общего дела. В этом бою Бакланов уничтожил 8 гитлеровцев.

Рядовой Муха награжден орденом Славы III степени за спасение жизни командира роты старшего лейтенанта Чернова, Во время боя на близком расстоянии один из фашистов метнул гранату, которая упала у ног старшего лейтенанта. Чернов, увлеченный боем, не замечал грозившей ему опасности. Рядовой Муха бросился к офицеру. Рискуя жизнью, он схватил шипевшую гранату и метнул ее обратно. Граната разорвалась в воздухе, над головами фашистов.

Я от души пожимал руки отважным воинам, благодарил их за службу, за верность воинскому долгу и желал дальнейших боевых успехов в борьбе с врагом.

...Посидев у Даниленко, обогревшись и переговорив обо всем, я обычно просил проводить меня в полк к Еремину. На КП полка

и в некоторые траншеи переднего края можно было пробраться и днем: подступы скрывали постройки, котлованы отработанных карьеров и терриконы.

Как и на Днепре, полк Еремина занимал самый ответственный участок. Так уж принято: самым лучшим поручают самое ответственное. Он оборонял рудник им. Ленина и ст. Калачевская, седлал железную дорогу. Подполковник Еремин всегда был в хорошем настроении. Когда бы я ни спросил его: "Как дела?", всегда следовал один и тог же ответ: "Спасибо. Очень хорошо!"

- А что у него хорошего? - недоумевал сопровождавший меня Пестрецов. Сидит в подвале, как суслик, носа высунуть не может!

Но Еремин именно в этом и видел хорошее. Гитлеровцы, как ни старались, не смогли отбить у него ни одного дома. Сам же он понемножку улучшал свое положение и каждую неделю захватывал у противника "языка".

"Молодец!" - хвалили его дивизионные, корпусные и армейские разведчики, а самый популярный из них - начальник разведотдела армии полковник Щербенко - стал чуть ли не другом Еремина.

В центре расположения корпуса оборонялась 10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия генерала Иванова, занимавшая десятикилометровую полосу фронтом на юго-восток. Ее передний край вытянулся вдоль восточного берега реки Саксагани от Терноватого Кута до Каменнополя. Штаб дивизии вместе с дивизионными частями размещался в центре полосы, занимая Веселые Терны - крупный населенный пункт, сросшийся с Ново-Павловкой и составлявший вместе с ней около тысячи дворов.

Перед фронтом гвардейцев-десантников оборонялась 62-я пехотная дивизия врага.

Здесь нам очень досаждала самая высокая точка па переднем крае противника - курган Могила Баба, расположенный против стыка двух наших дивизий. Курган составлял вершину угла, откуда фронт загибался на восток. С него гитлеровцы просматривали всю нашу полосу как по фронту, так и в глубину. Взять Могилу Бабу мы стремились во что бы то ни стало. Овладев курганом, мы приобрели бы очень выгодный НП.

Несколько раз наши подразделения атаковали курган, но безуспешно. Наконец хорошо подготовленная ночная атака достигла цели - Могила Баба стала нашей.

Гитлеровцы не остались в долгу и предприняли сильную контратаку на подступах к Веселым Тернам.

Самым страшным для нас оказался массированный артналет

фосфорными и термитными снарядами. Мы столкнулись с этим впервые. За несколько минут шестисотметровый участок переднего края окутали клубы желтоватого дыма, сквозь который прорывались языки пламени. Горел весь скат, и на нем мучительной смертью погибали наши люди.

За налетом последовала вражеская атака силами пехотного полка. Гитлеровцы вывалили из глубокой балки и, поднявшись на гребень, волнами покатились к Веселым Тернам.

Атака противника была сорвана заградительным огнем. Понеся значительные потери, гитлеровцы отступили, а у нас от фосфорных и термитных снарядов выгорел весь ротный опорный пункт.

На левом фланге корпуса от Каменнополя до Трубецкого, сначала фронтом на юго-восток, а потом на юг, занимала шестикилометровую полосу 89-я гвардейская стрелковая дивизия Серюгина. Перед ней оборонялись части 62-й и 15-й немецких пехотных дивизии.

Штаб Серюгина располагался в крупном населенном пункте Сергеевка на восточном берегу Саксагани. В полосе дивизии Серюгина противник особой активности не проявлял.

В связи с тем, что перед нами действовали танковые и пехотные дивизии, мы строили нашу оборону прежде всего как противотанковую: 75% артиллерии корпуса было выдвинуто в противотанковые опорные пункты и районы на прямую наводку, а 25% оставалось на закрытых позициях, для маневра огнем. Плотность противотанковой артиллерии на важных направлениях достигала 14 стволов на километр фронта. Так как я не имел второго эшелона, командующий расположил рядом с нашим штабом в руднике Первомайский свой армейский резерв - 1-ю гвардейскую воздушнодесантную дивизию генерала Казанкина.

В начале зимы Казанкин заболел сплином - диковинной болезнью, модной в свое время среди дворянства и редкой в наши дни. Целыми днями валялся он у себя на койке или полуодетый бродил из угла в угол.

- И откуда навалилась такая тоска, такая хандра? Сам не знаю, жаловался он, когда я приходил к нему. - Маша! Ты бы распорядилась подать позавтракать, - просил он дежурившую у него медсестру.

Завтрак приносили, а кусок в горло не лез. Александр Федорович ковырял вилкой в тарелке, а затем нервно отталкивал ее от себя.

- Ну что мне делать? Места себе не нахожу, - разводил он в отчаянии руками и принимался снова ходить по комнате или, извинившись, бросался в постель и замирал.

Нервы остаются нервами, они иногда не выдерживают и сдают. Сдали они и у Казанкина, В конце концов пришлось положить его в госпиталь, а затем отправить для лечения в тыл.

Вслед за Казанкиным уехал генерал Иванов, получивший новое назначение. Нам было жалко расставаться с ним. Мы привыкли к нему, да и он сам очень любил свою дивизию.

Вместо Иванова в командование 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизией вступил генерал-майор Микеладзе. Новый командир дивизии резко отличался от старого. Если Иванов был прост, по-солдатски грубоват, но в то же время и по-солдатски вынослив, то его преемник оказался изысканно вежлив, но очень слаб здоровьем. Он часто болел и на целые недели выходил из строя.

Мне редко приходилось иметь дело с Микеладзе. Когда бы я ни приезжал в дивизию, он лежал больной. Встречал меня и сопровождал в полки майор Кравченко, лучше которого никто не знал расположения частей. Здесь он, как и на Днепре, был неутомим. Его перетянутая офицерским ремнем телогрейка была знакома всюду - и в штабах, и на переднем крае.

Многие офнцеры-десантники любили щеголять зимой в защитных куртках с меховым воротником. И сколько мы ни боролись с этим, за всеми уследить не могли. Из-за своей недисциплинированности некоторые становились хорошей мишенью н раньше времени уходили в госпиталь, а то и совсем из жизни.

Каждый раз, встречая меня в телогрейке, Кравченко только посмеивался.

- Я всегда, как штык! - говорил он.

- Рад видеть тебя здоровым и бодрым, - от души пожимал я ему руку.

* * *

Новый, 1944, год застал нас в обороне. Встречали мы его на квартире у начальника штаба. У него оказалось самое большое помещение, где смогли разместиться все свободные от боевых обязанностей офицеры штаба и политотдела. Соорудили какое-то подобие новогодней елки. Настоящей елки не нашли, а искусно преобразили в елку верхушку молодого лиственного дерева.

Первый тост за победу поднял начальник политотдела полковник Пащенко.

Посидели, закусили, поговорили.

- Что наша жизнь на войне? Пылинка! Дунул на нее - и нету, философствовал подполковник Прохоров в кругу начальников служб.

- В корне не согласен! - возражал корпусной инженер

Ильченко. - На войне жизнь так же хороша, как и в мирное время. Она здесь даже дороже. Знаешь, как хочется дожить до победы!

"Пусть посидят, поболтают, - думал я. - Наступит утро, и снова каждый из них с головой окунется в свое дело. Генерал Щекотский станет собирать и обрабатывать сведения, передавать приказы. Муфель поедет со мной на НП и будет мерзнуть там. Пащенко уйдет к саперам или связистам, а Варкалн укатит тормошить тылы. Хмурый начальник разведки Шустин засядет за подготовку к поимке "языка", а веселый Москвин займется скучными сводками и схемами..."

Новый год принес много радостей нашему народу и его Вооруженным Силам. Он стал годом решающих побед над немецко-фашистскими захватчиками.

В половине января войска Ленинградского и Волховского фронтов нанесли противнику удар под Ленинградом и Новгородом, закончившийся полным разгромом ленинградской группировки гитлеровцев н освобождением Ленинградской области.

В конце января перешли в наступление Украинские фронты{5}. Наши войска разгромили корсунь-шевченковскую, луцко-ровенскую и никопольско-криворожскую группировки врага, что привело к последующему освобождению всей Правобережной Украины. Противник был отброшен за Днестр.

Об участии нашего корпуса в разгроме противника в районе Кривого Рога и освобождении Криворожья я и хочу рассказать.

Удержанию Никополя и Кривого Рога, как важных экономических районов с марганцевыми и железорудными разработками, немецко-фашистское командование придавало особое значение. К тому же противник стремился удержать за собой и никопольский плацдарм на левом берегу Днепра, откуда он надеялся восстановить сухопутную связь со своей отрезанной крымской группировкой.

Ннкопольско-криворожский выступ, включая и плацдарм, удерживали вновь сформированная после Сталинграда 6-я полевая и частично 1-я танковая немецкие армии (всего более двадцати пехотных, танковых и моторизованных дивизий).

Перед войсками 3-го Украинского фронта, от Ингульца до Днепра, к началу Никопольско-Криворожской наступательной. операции оборонялись 10 пехотных, 2 танковые и 1 моторизованная дивизии.

Первый оборонительный рубеж имел две - три траншеи, опоясанные проволочными заграждениями и минными полями. Все высоты и населенные пункты в ближайшей тактической глубине были укреплены и превращены противником в сильные

опорные пункты. Еще глубже, в направлении Кривого Рога, для удержания рудников и самого города спешно готовились промежуточные и тыловые рубежи.

В начале января Верховное Главнокомандование поставило перед войсками 3-ю Украинского фронта задачу - ударом в общем направлении на Апостолово отрезать вражескую группировку в районе Никополя и совместно с войсками 4-го Украинского фронта уничтожить ее. В дальнейшем войска 3-го Украинского фронта должны были развивать наступление на запад, овладеть Кривым Рогом и отбросить противника за реку Ингулец.

В соответствии с директивой Ставки командующий войсками фронта генерал армии Р. Я. Малиновский свой главный удар на Апостолово решил нанести центром фронтовой группировки, а вспомогательный (на сутки раньше) левым флангом 37-й армии генерала Шарохина.

Эта армия 13 января 1944 года была передана из 2-го Украинского фронта в состав 3-го Украинского фронта и оказалась на его правом крыле.

В течение двух дней, 18 и 19 января, 82-й стрелковый корпус сдал свой боевой участок и сосредоточился в районе Сергеевка. В состав корпуса входили 188-я стрелковая дивизия Даниленко, две гвардейские Харьковские дивизии-28-я генерал-майора Г. И. Чурмаева и 15-я полковника П. М. Чиркова, истребительно-противо-танковая бригада и два инженерно-саперных батальона.

Все эти соединения и части были укомплектованы несколько лучше, чем другие. Командарм стремился возможно полнее обеспечить решение предстоящей задачи.

Корпусу предстояло прорвать подготовленную оборону противника восточное Веселые Терны на фронте в 4,5 километра. Глубина прорыва на первый день определялась в 4 километра. Направление удара шло прямо на юг, а затем поворачивало на юго-запад и проходило вдоль линий железной дороги на Кривой Рог.

Правее, у Веселые Терны, по-прежнему оборонялась 10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия. Оставаясь в подчинении командарма, она к началу наступления должна была перегруппироваться к своему левому флангу и содействовать продвижению корпуса.

Левее занимала оборону 394-я стрелковая дивизия соседней 46-й армии. Ее задача оставалась старой - дивизия продолжала обороняться.

Таким образом, по замыслу командования, наступление корпуса велось с ограниченными целями, хотя мне, как исполнителю, об этом сказано не было. Начало атаки

планировалось на утро, но это время меня совершенно не удовлетворяло.

Я был глубоко убежден, что корпус при отсутствии танков и авиации не сможет добиться утром того, чего он мог бы достичь ночью, и понесет большие потери.

К тому же меня сильно беспокоила возможная контрподготовка противника.

Все наши наблюдательные пункты и первый эшелон наступающих частей сосредоточивались в узкой полосе, в двухстах-трехстах метрах от переднего края. Сильный огневой контрудар по нашему расположению мог нарушить управление, нанести значительный урон изготовившейся к атаке живой силе и боевой технике, а возможно, сорвать подготовленное наступление.

Поэтому я просил разрешить мне начать атаку за полтора - два часа до рассвета. Генерал Шарохин разделял мое мнение. Наши соображения были доложены командующему фронтом, и он утвердил их.

Прорыв решено было осуществить в двухэшелонном боевом порядке. В первом эшелоне наступали дивизии Даниленко и Чиркова, во втором - дивизия Чурмаева.

Штаб корпуса переместился в Сергеевку и здесь развернул большую организационную работу.

Дел хватало с избытком для всех. Пащенко безотлучно находился в частях, поднимая боевой дух личного состава. Москвин целыми днями пропадал на рекогносцировках, помогая мне планировать бой и увязывать взаимодействие. Шустин был поглощен уточнением группировки противника и его оборонительных сооружений. Муфель со своим штабом готовил артиллерию, Ильченко оборудовал исходное положение, Варкалн обеспечивал предстоящий бой материальными средствами.

За хозяина на командном пункте оставался лишь начальник штаба. Он осуществлял общий контроль и руководил всем ходом подготовки.

На этот раз бой мы спланировали особенно тщательно. Рекогносцировки, постановка задач на местности и организация взаимодействия родов войск были проведены во всех звеньях, до командира роты - батареи включительно. Со всем личным составом дивизии на практических занятиях отработали тему "Прорыв подготовленной обороны противника в составе взвода, роты и батальона". Особое внимание уделили организации управления в бою, днем и ночью. В стрелковых ротах у были созданы ячейки управления, с которыми 26 и 27 января провели двухдневные сборы.

Плотность артиллерии в полосе наступления корпуса составляла 60 стволов на 1 километр прорыва, а с армейской артгруппой достигала 65 единиц. Из них 18 стволов выдвигалось на прямую наводку. Такую плотность мы считали тогда высокой. У нас в корпусе она применялась впервые.

Артподготовку предполагалось провести в течение 15 минут.

При каждом стрелковом полку создали минометные группы, которые должны были действовать не только в период артподготовки, но и в период артнаступления. Начальниками мингрупп назначили начартов полков.

Орудия прямой наводки в каждом полку были объединены в группы сопровождения пехоты. Во главе их поставили командиров иптапов.

Пристрелка артиллерии производилась постепенно, в течение трех дней, без нарушения установившегося режима огня. На заранее выбранные огневые позиции от каждой батареи выдвинули сначала по одному орудию.

Кропотливую работу провели саперные подразделения: проложили колонные пути к переднему краю, оборудовали наблюдательные пункты, проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях, организовали комендантскую службу и т. д. На каждый стрелковый батальон для инженерной разведки и разграждений в глубине обороны выделили одно саперное отделение.

Особое внимание было уделено подготовке личного состава к ночной атаке. Первую траншею оборудовали ступеньками, чтобы пехоте было легче выскочить из неё. Границы полков и батальонов обозначили белыми колышками. Направления атаки провешивались светящимися трассами из специально выделенных для этого пулеметов. Над главными ориентирами в полосах дивизий - Зелено-Поле и Весело-Поле - артиллерия подвешивала "фонари" (осветительные ракеты).

За сутки до начала наступления части Даниленко и Чиркова сменили дивизию Серюгина и заняли исходное положение. В последнюю ночь перед атакой все находились на своих местах.

* * *

С небольшой оперативной группой я расположился на своем НП, на маленьком сплюснутом кургане, в центре полосы корпуса. Со мной - Муфель, Москвин, Ильченко, адъютант. НП находится между первой и второй нашими траншеями. Так близко к противнику мы никогда еще не располагались, поэтому многое нам кажется необычным.

Сначала сюда и добраться было нельзя. Стоит только вылезти из оврага у Кодака, как сразу же попадешь пол огонь противника.

Пришлось подвести к кургану пяти-сотметровый ход сообщения, но и по нему ходить было небезопасно - очень часты прямые попадания снарядов и мин.

Правее, на таком же кургане и, пожалуй, еще ближе к противнику, расположился Даниленко. Его дивизия правым флангом занимает Могилу Баба, а левым вплотную подходит к нашему кургану. В первой и второй траншеях пехота двух полков первого эшелона. Полк второго эшелона спрятан в глубине, в балке восточное Каменнополя. Левее - дивизия Чиркова. В первых траншеях у нее тоже два полка, третий расположен во втором эшелоне в Кодаке. НП Чиркова - на кургане южнее Кодака.

Дивизия Чурмаева сосредоточилась на южной окраине Сергеевки. Для Чурмаева подготовлен НП на кургане по соседству с нашим. Он займет его не сейчас, а утром, с развитием боя. По линии второй траншей вытянуты и все наблюдательные пункты командиров полков, а командиры батальонов и рот находятся в первой траншее, вместе с солдатами.

Такая скученность органов управления н близость наблюдательных пунктов к противнику очень тревожат меня. Я все еще опасаюсь контрподготовки. Волнуются и мои боевые товарищи. Каждые десять минут мы покидаем наш блиндажик, поднимаемся на курган и настороженно всматриваемся, вслушиваемся в ночь, в последнюю ночь перед атакой.

А ночь стоит светлая и не по-зимнему теплая. Временами из-за облаков выглядывает серп луны и серебрит наш курган с прилегающими к нему траншеями. Кое-где поблескивают неспрятанные штыки да искрится на скате пленка снега. Таких пленок на буграх и равнине осталось мало. За последние дни снег съела оттепель. Наши взоры тянутся к переднему краю противника и дальше вглубь, к Зелено-Полю и Весело-Полю.

Там все так же, как и неделю назад: потрескивают пулеметы, покрякивают мины.

30 января, за два часа до рассвета, с нашего НП взвились три красные ракеты и вслед за ними свыше ста орудий прямой наводки открыли огонь.

Муфель спокойно посматривает па часы. Через пять минут огонь орудии прямой наводки должен смениться десятиминутным налетом артиллерии и минометов с закрытых позиции, который захватит всю ближайшую тактическую глубину вражеской обороны, включая артпо-зиции и полковые резервы. С началом артналета саперы удлиненными зарядами подорвут проволоку противника, а пехота изготовится к броску в атаку.

- Смотри, чтобы твои саперы не опоздали, - показывая на часы, кричит Муфель Ильченко. - Осталось несколько минут.

- Не беспокойся! Порядок! - кивает тот головой. Все шло по плану. Замолкли орудия прямой наводки, закончился и огневой налет но переднему краю. Рассекая небо огненными стрелами, сопровождаемый надрывным шипящим свистом, прогрохотал и разорвался залп "катюш" - сигнал для атаки.

Поднялась и рванулась вперед пехота. Артиллерия перенесла огонь на вторую траншею. Над Зелено и Весело-Полем повисли яркие "фонари". Туда же от наших курганов потянулись огненные трассы.

Застигнутый врасплох, противник молчал. Казалось, его вообще нет. А поле боя содрогалось от криков "ура".

- Мои заняли вторую траншею, очищают хутор Весело-Поле, - докладывал Даниленко,

- Овладел опорным пунктом с двумя курганами и продвигаюсь к Весело-Полю, - вторил ему Чирков.

Атака наша развивалась в темноте, а ночь таила много неожиданностей. Первое серьезное сопротивление противник оказал на рассвете, на глубине двух километров, из сильно укрепленных пунктов-высоты 117,6 и Весело-Поле. После короткого огневого налета и обходного маневра наши войска сломили это сопротивление. К 10 часам утра опорные пункты Весело-Поле и Мало-Софиевка были взяты, железная дорога перерезана и задача дня выполнена.

А в 12 часов я передавал по дивизиям благодарность командующего войсками фронта генерала Р. Я. Малиновского.

К вечеру после ожесточенного боя были взяты Зелено-Поле и Ново-Софиевка. Глубина прорыва достигла 8 километров, т. е. вдвое превысила задачу дня. Захвачены были сотни пленных, орудия, минометы, танки.

В 16.00 я вызвал к себе командира 28-й гвардейской дивизии генерала Чурмаева за получением задачи. Решил ввести его дивизию в полосу прорыва еще засветло, чтобы дать возможность командирам полков ориентироваться на местности и развить успех.

Минут на десять - пятнадцать раньше Чурмаева ко мне на курган прибыл командарм.

- Поздравляю! И от себя лично и от соседей справа! - пожимал он мне руку и широко улыбался. - Что нового?

- Резко возрастает сопротивление противника, - доложил я. - С утра у него было несколько танков, днем - с десяток, а к вечеру - уже несколько десятков.

- Чем больше, тем лучше. Бить их надо! - весело сказал Шарохин. - А вид-то какой расчудесный! - восторгался генерал, взбираясь на курган.

С кургана хорошо просматривались и Зелено-Поле, и Весело-Поле с Ново-Софиевкой, захваченные нашими войсками, и большой населенный пункт Водяное за нашим левым флангом, пока еще занятый противником.

Против Водяного Чирков вынужден был развернуть полк второго эшелона. Населенный пункт фланкировал огнем наше продвижение. Оттуда были уже и контратаки, а левый сосед по-прежнему не двигался с места.

- Дело прошлое, а этот наблюдательный пункт не устраивал меня, откровенно признался я командующему. - К нему нельзя было ни подойти, ни подъехать.

- Люблю за откровенность, - закатился он веселым смехом, искоса посматривая на меня. - Ну, а теперь?

- Теперь тоже.

- Почему?

- Далековато от войск.

- Это другое дело! А я-то прежде не догадывался. почему это Щекотский все о вышке поговаривал. Зачем им, думай, вышка? Оказывается, курган не нравился. - Шарохин снова весело захохотал. Засмеялся и я.

Уважал я своего командарма за то, что он при неудачах никогда не пилил своих подчиненных, а при успехе любил пошутить и посмеяться.

- Товарищ командующий! Может быть, пообедаете С нами? - пригласил я его.

- А вы еще не обедали?

- Да и не завтракали. Некогда!

- Что ж! Зайдемте, посмотрю, чем вас кормят, да, кстати, уточню и задачу на завтра.

Блиндаж мой, где с трудом могут разместиться три - четыре человека, неказист, сделан на скорую руку. Стены не обшиты, пол земляной, вместо двери - плащ-палатка, печки нет, свет тусклый - горят две свечки.

- Бедновато живете. Не блиндаж, а дыра какая-то, - заметил Шарохин.

- Так и есть дыра. Дыра в кургане, - подтвердил я. - Завтра переберемся в Весело-Поле.

Во время обеда подошел Чурмаев. Ему также была уточнена задача.

Корпусу с утра предстояло продолжить наступление на юг и юго-восток и во взаимодействии с соседом слева уничтожить софиевскую группировку противника.

К концу второго дня наступления корпус должен был иметь свой фронт в виде дуги общим протяжением в 20 километров,

обращенной своей вершиной на юго-восток.

Наступила ночь. Небо заволокло тяжелыми тучами, сгустилась тьма, большими хлопьями повалил снег. К утру подул ветер, начался буран.

За ночь гитлеровцы сумели оправиться и подтянуть резервы.

В результате дивизия Даниленко не только не овладела Высоко-Полем, но сама вынуждена была отбивать настойчивые контратаки пехоты и танков противника, стремившихся восстановить положение.

Танки в упор расстреляли наблюдательный пункт подполковника Еремина. Погиб командир иптаповского полка. Был тяжело ранен и сам Еремин.

Дивизия Чурмаева, продвинувшись в густом снегопаде на два километра, внезапно натолкнулась на 30 танков и пехоту противника и втянулась в затяжной бой.

Только Чирков успешно продвигался своим правым флангом и выполнял задачу.

Бой явно не клеился. Докладывая командующему, я нервничал.

- Не волнуйся, это к лучшему, - успокоил он меня. Весь день я не понимал, почему командующий расценивает положение так оптимистически. Вражеские танки появлялись один за другим, прибывала и пехота. Сопротивление врага с каждым часом нарастало. А командующий уверяет, что это к лучшему. В чем же дело?

Вечером я, изнервничавшись и не добившись от дивизий выполнения задачи дня, возвратился к себе в штаб.

- Слыхали новость? - спросил у меня Щекотский.

- Какую?

- Сегодня с утра километрах в двадцати пяти - тридцати восточное нас фронт перешел в наступление. Оборона успешно прорвана. Удар развивается на Апостолово.

- А наше наступление?

- Наше - вспомогательное.

Об этом и Щекотский узнал лишь во второй половине дня, когда готовившийся фронтом удар перестал быть тайной.

И чем больше своих резервов перебрасывал противник от Апостолово к нам, тем хуже было для него. Вот поэтому и говорил мне командарм, что дела идут хорошо.

О том. как протекало наступление в эти первые два дня, 30 и 31 января, хорошо рассказала фронтовая газета "Советский воин" 7 февраля 1944 г. в статье "Как было взято Апостолово".

"...Наше наступление началось северо-восточнее Кривого Рога, - писала газета. - При мощной поддержке артиллерии

советские войска прорвали полевую оборону противника на участке 62-й немецкой пехотной дивизии. Разгромив 112-Й и 354-й полки этой дивизии, стрелковые части углубились на восемь километров и перешли железную дорогу, ведущую к Кривому Рогу. Это озадачило немцев. Они не могли определить направления главного удара и чему угрожали наши войска - Кривому Рогу или Апостолово.

Противник решил, что он имеет дело с реальной угрозой Кривому Рогу...

Не предполагая прорыва в сторону Апостолово и не видя угрозы никопольскому плацдарму, немцы бросили с этих участков танковые и моторизованные резервы на прикрытие Кривого Рога. На выручку своей, истекающей кровью 62-й пехотной дивизии и на ликвидацию прорыва противник быстро перебросил части 16-й мотодивизии. Кроме того, немцы были вынуждены срочно разгрузить в Апостолово и направить под Кривой Рог два полка танковой дивизии, которая следовала на выручку немецкой группировки, окруженной войсками 2-го и 1-го Украинских фронтов у Корсунь-Шевченковского.

Уже на другой день немцы контратаковали наши прорвавшиеся части силами до ста танков и двух полков пехоты, но не сумели восстановить своего положения...

Противник продолжал подбрасывать сюда резервы с никопольского плацдарма, со стороны Апостолово, ослабив свою оборону на центральном участке.

Этим немедленно воспользовались другие наши войска, сосредоточившиеся там для прорыва.

Советские части, расположенные на участке между крупными населенными пунктами Софиевка и Ново-Николаевка, разведав боем оборону противнику, атаковали ее в наиболее уязвимых местах. В образовавшийся прорыв были введены моторизованные части и подвижные отряды с танками и мотопехотой..."

Следовательно, события на фронте с началом наступления развивались именно так, как хотело наше командование. Оперативный замысел командующего фронтом оказался правильным.

Вспомогательный улар 37-й армии из района Веселые Терны, начатый на сутки раньше, гитлеровцы приняли за главный. Он привлек их внимание и оттянул на себя все свободные резервы, а это обеспечило успех на главном направлении.

Свою задачу корпус смог выполнить благодаря особенно тщательной подготовке к наступлению, внезапности ночной атаки и силе первоначального удара.

Развивая наступление, соединения корпуса продвинулись в последующие, дни в глубь обороны на 8 - 20 километров и, растянувшись на двадцатикилометровом фронте, уперлись в промежуточный оборонительный рубеж, оборудованный сплошными траншеями, проволокой и минами.

Передний край тянулся с северной окраины Ново-Покровки, через Высоко-Поле и Балку Соленую на Авдотьевку, а затем поворачивал на юг. Рубеж составлял северо-восточный сектор обороны Кривого Рога и находился в 20 25 километрах от города. Сюда отошли потрепанные части 62-й и 15-й пехотных дивизий. Кроме пехоты, перед фронтом корпуса насчитывалось до 70 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Прорвать оборону с ходу корпус не смог и с 6 февраля по приказу командарма приостановил наступление. Для прорыва повой полосы обороны нужно было не только перегруппировать имеющиеся силы и средства, но и дополнительно накопить материальные ресурсы.

А на главном направлении войска фронта 5 февраля заняли Апостолово. Вражеская оборона оказалась рассеченной на две части, причем никопольская группировка была отрезана от криворожской и поставлена под угрозу полного уничтожения.

6 февраля войскам фронта, успешно осуществившим прорыв и овладевшим Апостолово, салютовала Москва.

8 февраля был освобожден Никополь. Никопольской группировки противника больше не существовало. 13 февраля 28-я гвардейская Харьковская дивизия генерала Чурмаева была награждена орденом Красного Знамени, а 188-й стрелковой дивизии полковника Даниленко присвоили почетное

наименование "Нижнеднепровской".

* * *

Во второй половине февраля перед войсками фронта, в том числе перед воинами 37-й армии и нашего корпуса, встала неотложная задача - вернуть стране богатейший железнорудный бассейн Криворожья, лишить врага сырья для производства военной техники.

Решению этой задачи способствовало то, что еще 10 февраля войска ударной группы фронта вышли к р. Ингулец юго-западнее Кривого Рога, нарушили оперативную оборону противника и создали условия для успешного наступления на Кривой Рог одновременно с севера, востока и юго-востока. Однако выполнять задачу пришлось в чрезвычайно тяжелых условиях. Очень мешала неустойчивая погода. Снегопады сменялись дождями. Подготовленных убежищ и траншей у нас не было. Все передовые части, кроме резервов, ютились во временных мелких окопах, которые то засыпал снег, то заливала вода. Обильные дожди сделали совершенно непроезжими для транспортов полевые дороги. Боеприпасы и продовольствие приходилось подтаскивать на руках. Все это требовало от людей огромного напряжения физических и моральных сил.

Политотделы корпуса и дивизий, политработники частей. фронтовая печать, партийные организации, агитаторы и чтецы в подразделениях разъясняли воинам их задачи, раскрывали значение Криворожья. И люди клялись с честью выполнить свой воинский долг. Несмотря на боевые потери, с каждым днем росли ряды коммунистов.

И вот, наконец, приказ пришел. Его рано утром принес ко мне запыхавшийся Щекотский.

Штаб наш в то время располагался в Водяном.

- Наступаем, значит, Федор Михайлович?

- Наступаем, товарищ генерал.

- В прежнем составе?

- Нет. Теперь у нас четыре дивизии. Вошла в состав корпуса и 10-я воздушнодесантная.

- Время на перегруппировку дают?

- Двое суток. За две ночи, думаю, вполне справимся.

- Очень хорошо. Давайте-ка карту, разберемся сначала сами.

Перед корпусом стояла задача: своим центром прорвать оборону противника на участке в шесть с половиной километров и. нанося удар на юго-запад, в направлении Кривого Рога, овладеть Ново-Покровка, ст. Пичугино, Табурище, а к исходу дня выйти на рубеж Александровка, Златополь, Новоселовка.

Таким образом, при общей протяженности фронта корпуса в

25 километров прорыв осуществлялся на участке протяжением в 6 километров; глубина ближайшей задачи составляла 3 километра, задачи дня - 10 километров.

- Я считаю, что нет необходимости производить особые перегруппировки, - сказал Щекотский, когда мы разобрались с задачей и нанесли ее на карту.

- Конечно, чем проще, тем лучше.

- Следует только немного потеснить Даниленко и рядом с ним поставить наш второй эшелон - дивизию Чиркова.

- Правильно, - согласился я. - Эти две дивизии и нанесут главный удар, а Микеладзе и Чурмаев будут содействовать им своими внутренними, смежными флангами.

- А на внешних флангах будем обороняться.

- Да. Пока не прорвемся в центре.

Так было принято решение с учетом опыта нашего первого прорыва 30 января.

Атаку наметили начать во второй половине ночи, вслед за короткой артподготовкой. К 12.00 вызвали командиров дивизий, чтобы ознакомить их с решением и поставить задачи,

Первым прибыл Чирков (он размещался ближе, чем другие), за ним Даниленко, потом Чурмаев и Микеладзе. Собрались они у начальника штаба, и когда я зашел к нему, то застал всех за шумной беседой.

- Вам повезло. Отдохнули, пообсушились, позалатали дыры,- говорил Даниленко Чиркову. - А мои под дождем да пол снегом.

- Не завидуй. Через день - два опять рядом будем, - отвечал Чирков.

- День-два на войне много значат. У меня на передовой мечтают хотя бы часок полежать на теплой печке.

Даниленко и Чирков встретились второй раз и внимательно изучают друг друга. Даниленко - плотный, краснощекий, одет в защитного цвета венгерку, отороченную серым барашком, защитные бриджи и хромовые сапоги. На выбритой до блеска голове лихо заломлена серая папаха под цвет оторочки. Вид щеголеватый. Говорит быстро, с украинским акцентом. "Ох, и хитер! - говорят про него в шутку штабные офицеры. - Его не проведешь!"

Чирков по росту под стать Даниленко. Одет просто: в шинели, ушанке, как и другие офицеры. Он сосредоточен, пожалуй, даже замкнут, говорит медленно и мало. Ответы его обдуманны, шутит редко.

Генералы Чурмаев и Микеладзе только что познакомились. Чурмаев добродушный, простой, с небольшими черными усиками, у Микеладзе - лицо усталое, болезненное.

- Растянули меня на двенадцать километров, что же я могу сделать? говорит Чурмаев, стараясь вызвать у своего собеседника сочувствие.

- А у меня восемь километров. Тоже только-только обороняться.

- Тогда пусть наступают полковники, - кивает Чурмаев в сторону Даниленко и Чиркова, - им и карты в руки.

Совещание продолжалось час - полтора. Каждый комдив получил свою задачу и подробные указания о перегруппировке. Перегруппировку боевого порядка решено было провести в последнюю ночь перед атакой, а весь завтрашний день посвятить организации взаимодействия в звене дивизия полк, полк - батальон.

В 14.00, захватив с собой Даниленко, Чиркова, Муфеля и Ильченко, я выехал на южную окраину Ново-Софиевки, на стык ударной группировки, чтобы на местности уточнить дивизиям задачи и увязать их взаимодействие.

Атаковал корпус в 5.00 17 февраля по ранее испытанному и оправдавшему себя методу. В течение двух минут били орудия прямой наводки по целям на переднем крае, затем был произведен десятиминутный огневой налет по переднему краю и ближайшей глубине с последующим переносом на вторую траншею. Сигнал на перенос огня являлся одновременно и сигналом для атаки.

Все как будто бы было продумано и предусмотрено, а между тем атака не принесла того успеха, который мы имели 30 января.

Противник на этот раз не дал застать себя врасплох. Он ожидал нашего удара и готовился отразить его. На участке у Даниленко гитлеровцы даже провели небольшую контрподготовку по исходному положению и выходам из Зелено-Поле. Артиллерию и минометы врага мы быстро подавили, но атака все-таки не удалась,

За три часа ночного боя пехота прочно овладела только первыми двумя траншеями; все ее попытки проникнуть глубже пресекались неподавленным огнем из Высоко-Поля.

Оборону противника усиливали танки, что придавало ей особую устойчивость.

С большим трудом наши войска к исходу первого дня овладели Высоко-Полем и Табурищем, т. е. продвинулись своим центром на два - три километра.

На вторую ночь в бой были введены вторые эшелоны дивизий, но и это не принесло особых успехов. Войска продвинулись еще на полтора -два километра и вышли на рубеж Ново-Покровка, ст. Пичугино, Романовка, захватив эти опорные

пункты.

Атаки нашей пехоты противник отражал организованным огнем и контратаками. Каждый опорный пункт переходил из рук в руки по нескольку раз. Промежутки между опорными пунктами гитлеровцы закрыли минными полями.

Прорывать сильно насыщенную танками оборону, не имея танков, было слишком сложно. Закреплявшая успех атаки артиллерия сопровождения представляла собой, по сути дела, громоздкие, незащищенные цели, быстро выводилась из строя.

К концу второго дня, 18 февраля, повалил густой снег, а затем начался буран, окончательно сковавший наши действия.

На третий день буран продолжался. Дивизия Чиркова ворвалась было в опорный пункт Шевченко, но наткнулась на танки и была отброшена в Романовку.

Продвижение Микеладзе на Ново-Покровку было сковано непрерывными контратаками противника из Братско-Семеновки и Надеждовки.

Только правому флангу Чурмаева удалось продвинуться на четыре километра и захватить поселок Примерный.

Таким образом, наше наступление за первые три дня превратилось в медленное прогрызание.

Четвертую ночь бушует буран. Злобно воет и валит с ног ветер. Снег слепит глаза, заносит окопы, наметает сугробы. В пяти - шести шагах ничего не видно.

Гитлеровцы зубами держатся за населенные пункты, ощетинились танками, огородились минами и без конца контратакуют. С железным упорством отстаивают они Криворожье.

- Должны же мы в конце концов сломить их сопро тивление! - говорю я начальнику политотдела. Мы сидим с ним в землянке на моем НП.

- Обязательно. Так долго продолжаться не может. Я переговорил с начподивами. - продолжает он, - все они убеждены, что задачу свою выполнят. Заявляют, что если бы не танки, то теперь были бы уже и Кривом Роге.

- Но неужели у нашего командарма нет танков? - спрашивает Пашенко. Нам всего-то надо полчок, не больше.

- Видимо, нет. Если бы были, то он дал бы.

- Без танков туговато, - вздыхает Пащенко. - Придется больше нажимать на Муфеля, на его артиллерию.

- Плохо дело и со снарядами. Если даже и дадут, то в такую погоду не скоро подвезешь.

Изредка звоним в штаб к Щекотскому - нет ли чего нового? Позваниваем и командирам дивизий.

В эту ночь, несмотря на буран, наши войска кропотливо готовят новую атаку. Начало ее на рассвете.

К утру 20 февраля снегопад прекратился, ослаб и ветер. Кружилась только легкая поземка. Похолодало. А днем в погоде наметился резкий перелом.

Выпавший снег и наступившее похолодание обезвредили мины. Они уже не рвались от первого прикосновения к ним.

Рывком рванулись гвардейцы-десантники и, преодолев сопротивление противника, овладели двумя населенными пунктами: Братско-Семеновкой и Надеждовкой.

Но враг не сдавался. Сильной контратакой с танками он выбил гвардейцев из Братско-Семеновки. Несколько часов шла ожесточенная борьба за этот населенный пункт, пока, наконец, наши войска не отбросили гитлеровцев на юго-запад.

Части Даниленко и Чиркова совместными усилиями овладели опорным пунктом Шевченко и начали развивать успех вдоль железнодорожной линии.

В 12.00 наши соединения наткнулись на последний оборонительный рубеж внешнего обвода Кривого Рога, который проходил по линии: Александровка, Златополь, Кабурдеевка, колхоз "Таганча".

Здесь, на фронте в 10 километров, протянулись в два ряда десять деревень, превращенных гитлеровцами в опорные пункты. На окраинах, маскируясь постройками, стояли танки и били в упор, создавая завесу непреодолимого огня. Наступление приостановилось. Начали готовиться к ночной атаке.

С наступлением темноты, когда огонь танков стал малодейственным, корпус сломил сопротивление противника и на рассвете 21 февраля вышел своим правым флангом на реку Саксагань, а левым - на восточную окраину крупного пригорода и узловой железнодорожной станции Долгинцево.

К 14 часам гвардейцы Чиркова и Чурмаева обошли Долгинцево с севера и юга и совместными усилиями очистили его от противника.

Дивизии Микеладзе и Даниленко выдвинулись на восточный берег Саксагани и завязали бои за населенные пункты и рудники.

Полоса наступления корпуса, постепенно сжимаясь, сократилась с двадцати пяти километров до пятнадцати. Изменилось и направление удара: раньше оно было юго-западным, теперь стало западным. Наша правая разгранлиния шла с южной окраины Рыбасова (на р. Саксагань) на южную окраину Лозоватки (на р. Ингулец), а левая - от Долгинцево на Афанасьевку, рассекая Кривой Рог на две половины, причем северная часть отходила к нам, а южная - к нашему левому соседу

- 34-му стрелковому корпусу 46-й армии.

Во второй половине дня штаб корпуса переместился в Долгинцево и начал подготовку к ночному штурму Кривого Рога и форсированию реки Саксагань.

Весь личный состав штабов и политотделов был поставлен на ноги. Готовились крупномасштабные схемы; прокладывались маршруты; городские и рудничные районы разбивались на кварталы, и для их штурма намечались подразделения.

Политработники приводили короткие собрания, расставляли партийные силы, поднимали людей на выполнение боевой задачи.

Штурм северного пригорода и рудников начался в 5 часов утра 22 февраля.

К 6.30 после упорного боя на окраинах гвардейцы Чиркова заняли ст. Мудреная, форсировали р. Саксагань, а к 11.00 очистили от противника ст. Карноватка, рудник им. Артема и вышли на противоположную, северо-западную, окраину города.

Гвардейская дивизия Чурмаева, наступавшая левее, выбила противника из Рабочего поселка, форсировала Саксагань и, ворвавшись в западную часть города, втянулась в уличные бои. К 11.00 она очистила весь западный сектор и выдвинулась на линию окружной железной дороги, имея в центре своего наступления рудник Смычка.

Блестяще справился со своей задачей и наш левый сосед - 34-й стрелковый корпус. К утру он освободил центр и южную часть города.

Таким образом, к полудню 22 февраля Кривой Рог был полностью очищен от немецки-фашистских захватчиков. Только на правом фланге нашего корпуса в полосе двух других дивизий весь день не стихала ожесточенная борьба за рудники.

10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии дорогу к руднику имени Фрунзе преградила широкая запруда на Саксагани со взорванным льдом, а к руднику Дубовая Балка - сильно укрепленный опорный пункт Божаново. Десятки раз бросались гвардейцы через реку, и каждый раз их атаки оказывались безуспешными.

Войска стрелковой Нижнеднепровской дивизии Даниленко, наступавшие левее гвардейцев-десантников, сломив сопротивление противника, овладели Екатериновкой, но все их попытки проникнуть на западный берег к рудникам имени Карла Либкнехта и Артема успеха не имели. По единственной имевшейся здесь переправе через Саксагань противник вел губительный огонь, а на других участках лед был взорван. На подступах к Кривому Рогу дивизия понесла большие потери.

С наступлением темноты, когда все средства были уже испробованы, гвардейцы и стрелки стали переправляться на правый берег вброд и вплавь.

Во время форсирования Саксагани проявили героизм саперы стрелковой дивизии: рядовые Кузиков и Кутин и ефрейтор Портнов. Действуя под вражеским огнем, по пояс в ледяной воде, они отыскали ночью брод, переправили артиллерию и затем с помощью гражданского населения начали строить мост. Освобожденные жители Екатериновки разыскивали и подтаскивали бревна, подвозили на санках другой стройматериал, несли гвозди и проволоку для крепления. Каждый из них, рискуя жизнью, готов был сделать все, чтобы помочь своим освободителям. К утру мост был готов.

Бой продолжался всю ночь. Только к утру 23 февраля враг был изгнан окончательно из криворожских рудников западного берега.

За отличные боевые действия войскам 3-го Украинского фронта, штурмом овладевшим городом Кривой Рог и освободившим район криворожских рудников, Верховное Главнокомандование объявило благодарность. Столица Родины Москва салютовала доблестным воинам двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

Через несколько дней 10-й гвардейской воздушнодесантной дивизии Микеладзе было присвоено почетное наименование "Криворожской", а 188-я стрелковая Ннжнеднепровская дивизия Даниленко была награждена орденом Красного Знамени.

Откатываясь под ударами наших войск, немецко-фашистские оккупанты затопили вес шахты, взорвали компрессорные вентиляционные установки, надшахтные здания, рудосортировочные фабрики, электростанции, разрушили все культурно-бытовые здания и 1730 жилых домов. Общий ущерб, нанесенный гитлеровцами предприятиям и учреждениям Криворожского железорудного бассейна, превысил один миллиард рублей.

Но сразу же после освобождения в городе забурлила напряженная трудовая жизнь. Еще гремела канонада на Ингульце, а в Кривом Роге уже развертывали свою работу партийные и советские учреждения. Советские люди приступили к восстановлению разрушенных шахт и городского коммунального хозяйства.

От Ингульца до Днестра

Во второй половине дня 23 февраля 1944 года соединения корпуса выдвинулись на левый берег Ингульца, имея правый фланг у Лозоватки, а левый к западу от центра Кривого Рога.

Правее, к Лозоватке, вышла 92-я гвардейская дивизия Петрушина.

В первом эшелоне корпуса находились три гвардейские дивизии: справа Микеладзе, в центре - Чиркова, слева - Чурмаева. Стрелковая дивизия Даниленко, понесшая в боях за Криворожье наибольшие потери, была оставлена во втором эшелоне, в районе рудника имени Карла Либкнехта.

Наш подход к реке противник встретил организованным огнем. Передний край заранее подготовленного гитлеровцами рубежа проходил по правому берегу.

Перед фронтом корпуса находились известные уже нам части 62-й пехотной и 23-й танковой дивизий.

В ночь на 25 февраля наши дивизии предприняли попытку захватить плацдармы. Лучше всего это удалось Микеладзе. Выделенные для первого броска подразделения скрытно преодолели на плотиках реку и внезапно атаковали. Часть берега между Лозоваткой и поселком Ингулецким они очистили без особого труда. А к утру на правый берег переправился весь 24-й воздушнодесантный полк. Плацдарм был расширен до одного километра по фронту и на 200 - 300 метров в глубину.

У Чиркова за противоположный берег зацепилась одна рота. Она захватила северную часть Ипгулсцкого и закрепилась там.

Все попытки Чурмаева преодолеть реку противник отразил огнем.

Днем 25 февраля меня вызвали на НП командарма - на высоту с тремя курганами юго-западнее Веселого Кута. Я в то время болел ангиной, говорил только шепотом, поэтому меня всюду сопровождал Москвин.

В палатке, задернутой маскировочной сеткой, кроме Шарохина, неожиданно для себя увидел командующего войсками фронта Малиновского. Представился ему.

- Здравствуйте! Присаживайтесь! Давно хотел познакомиться! приподнявшись и подавая мне руку, сказал Малиновский. - Не скрою, доволен действиями вашего корпуса.

- Благодарю, товарищ командующий. Очень рад! Постараюсь и впредь оправдать ваше доверие, - прохрипел я в ответ и показал на больное горло.

- Понимаю, понимаю, - кивнул головой Малиновский и пригласил меня присесть. - Ну что ж, докладывайте! Как дела у вас?

Приветливая встреча взволновала меня. Хотелось доложить многое, не только о сегодняшней обстановке на Ингульце, но и о прошлых боях, о героизме людей, о нуждах поредевших частей и дивизий и о многом другом. Но я не мог говорить.

- Кузнецов не сможет доложить, товарищ командующий, -

сказал Шарохин. Позвольте заслушать его начальника оперативного отдела. Вы готовы? обратился он к Москвину.

- Точно так. Готов!

- Хорошо! - согласился генерал армии. Развернув на столике свою рабочую карту, Москвин стал докладывать о результатах ночного боя за плацдарм, а я следил за ним и иногда шепотом делал поправки.

- Дела у вас идут неплохо, - одобрительно заметил командующий фронтом, выслушав наш доклад, - Главное теперь - расширить плацдарм и прочно закрепить его. Долго мы сидеть на месте не собираемся, подготовимся и возобновим наступление. - А вам, - кивнул он мне, - пожелаю скорейшего выздоровления. Условимся так: вы форсируете Ингулец, прорвете оборону и разовьете успех на запад, а я со своей стороны, если к тому времени ваша болезнь не пройдет, обещаю положить вас недели на две в свой подручный госпиталь. Есть там у меня на примете один врач, он излечивает от всех болезней.

- У него болезнь не такая уж сложная. Справится, пожалуй, и медсестра, которая, конечно, помоложе и поинтереснее, - поддержал шутку Шарохин.

Командарм поставил передо мной задачу - захватить Родионовку, расположенную в четырех километрах западнее Ингульца.

- Это и плацдарм расширит и противника скует, - подтвердил и командующий фронтом.

Наступление я должен был провести 27 февраля. На подготовку оставался один день и две ночи.

Ночь я провел на своем НП, на одиноком кургане восточное Ингулецкого. С кургана хорошо просматривались все населенные пункты вдоль берега, в том числе и Родионовка. Зато и курган тоже был виден отовсюду. И днем и ночью он курился, словно действующий вулкан: днем из него тянулась к небу струйка белесоватого дыма, а ночью сыпались искры.

Гитлеровцы догадывались о наличии здесь важного наблюдательного пункта и били по кургану не переставая. Сначала они накрывали курган батарейными очередями, а затем перешли на огонь отдельными орудиями. Все поле вокруг было изрыто воронками.

...Время за полночь. Затишье. Тускло догорает на столике одинокая свеча. Ее слабый свет падает на развернутую карту, на два телефонных аппарата, армейской и корпусной связи.

Из старших офицеров со мной на НП - Муфель и Москвин. Корпусной инженер Ильченко помогает Микеладзе переправлять у Марьяновки на паромах истребительно-противотанковый

артполк, который по моему приказанию перебрасывается на правый берег Ингульца для усиления воздушнодссантиого полка и закрепления плацдарма.

С утра намечено провести рекогносцировку.

Накрывшись полушубком, я дремлю на единственной в блиндаже койке. Температура к ночи повысилась. Знобит. Мысль то и дело возвращается к сегодняшнему посещению командующего и задаче по расширению плацдарма. Мне хотя и неизвестны намерения высшего командования, но я понимаю, что на нашем фронте наступила оперативная пауза. И враг и мы измотаны. Люди нуждаются в передышке; необходимо пополнить материальные средства.

Но и временного, вынужденного бездействия терпеть никак нельзя, нужно с каждым днем, с каждым часом улучшать свое положение.

До меня доносится чей-то глуховатый голос:

- Генерал отдыхает?

- А что такое?

Несчастье у нас на правом фланге.

При слове "несчастье" дремота быстро улетучивается. Я поднимаюсь.

- Товарищ генерал! Разрешите доложить? - спрашивает Муфель и после моего утвердительного кивка говорит: - Звонил из Марьяновки Ильченко, от Лозоватки, вдоль того берега, атаковал противник, захватил три батареи иптаповского полка, все, что мы смогли туда переправить.

- Как так? - раскрыв глаза, шепотом спрашиваю я склонившегося ко мне полковника.

- Захватили все двенадцать орудий.

- Да как же так? - Я никак не могу осмыслить случившееся. - Ведь там поблизости берег занимает наш сосед - гвардейская дивизия Петрушина.

Муфель пожимает плечами.

- И сам не знаю, как это могло произойти, - отвечает он.

- Уточните еще раз, - говорю я Муфелю. - Позвоните к Микеладзе. Утром поедем в Марьяновку и разберемся на месте. Доложите о случившемся в армию.

- Слушаюсь!

Утром часов около восьми, оставив на НП Москвина, я вместе с Муфелем и адъютантом выехал в Марьяновку. Мы проехали вдоль лесной посадки, а потом, оставив машину, стали пробираться пешком. До Ингульца оставалось меньше километра. Сама река пряталась в глубоком русле, но весь противоположный берег с примыкающими к нему населенными пунктами был виден

как на ладони.

Изогнутая линия нашего переднего края тянулась то вдоль левого берега, то пересекала реку и огибала небольшие плацдармы на противоположном берегу.

Не успели мы пройти и сотни метров, как сзади нас показались два "виллиса".

Остановив машины рядом с нашей, к нам направились Шарохин и Хитровский (командующий артиллерией армии), а вместе с ними два адъютанта и два автоматчика.

- Что вы делали ночью? Спали? - шумел командарм, приближаясь к нам. В таком возбужденном состоянии я видел его впервые. - Противник из-под носа пушки ворует, а они спят! Где ваша артиллерия? - напустился он на Муфеля.

Неожиданно в воздухе прошуршала минометная очередь, а затем между нами и машинами с треском крякнули разрывы. Осколки с ревом и свистом пронеслись над головами. Гитлеровцы наблюдали за нами. Еще бы! На виду три легковые машины и группа беспечных начальников - соблазнительные мишени!

Припав к земле, мы поползли в придорожную канаву.

- Смотри за командармом, отвечаешь головой, - шепнул я подбежавшему ко мне Пестрецову. На четвереньках и короткими перебежками выходили мы из зоны обстрела на южную окраину Марьяновки. Собравшись вместе, мы посмотрели друг на друга и, убедившись, что все целы и невредимы, рассмеялись.

Командарма как будто бы подменили, он опять стал самим собой.

- Куда же ты завел? Где противник? - спросил он меня.

- Я не заводил, вы сами приехали, - прохрипел я. - А противник, вот он, на противоположном берегу.

- Рядом?

Шарохин огляделся и затем уже по-дружески отругал меня.

- Куда же тебя черт носит? Ты же командир корпуса, а не командир роты!

- А вы у Веселые Терны посадили меня еще ближе, на самый передний край, - напомнил я ему.

- Тогда нужно было!

- Сегодня тоже нужно. А как вы-то заехали?

- Мы случайно. Спросили у Москвина, он и показал. "Поехали, говорит, вдоль посадки". Ну и мы следом.

На курган к нам из Марьяновки пробрались Ильченко и командир пострадавшего иптаповского полка. Они и помогли нам разобраться в происшедшем. Оказалось, что ночью гитлеровцы, произведя перегруппировку, сосредоточили на юго-западной окраине Лозоватки до полка пехоты, несколько минометных рот и

батарей. Лозоватка - огромный населенный пункт, насчитывающий почти две тысячи домов. Она раскинулась на обоих берегах Ингульца и растянулась на десять километров. Заметить перегруппировку в таком большом пункте, к тому же ночью, ни нам, ни нашему правому соседу не удалось.

Открыв огонь по переправе у Марьяновки, противник потихоньку спустился к берегу и, пробравшись к нашим батареям в тыл, внезапно атаковал. О результатах ночной атаки мы уже знали. Распространиться гитлеровцам южнее не дал находившийся на плацдарме гвардейский полк.

Командир артполка просил командующего простить ему оплошность и заверял, что материальную часть он ночью заберет обратно. Я поддержал его.

Все орудия стояли на своем месте, мы и сами хорошо их видели. Мы даже наблюдали, как к орудиям пытались пробраться гитлеровцы и как наша пехота и минометчики своим огнем старались не допустить их туда.

- Молодцы! - похвалил командарм гвардейцев. - Надо до ночи весь участок держать под огнем, а ночью атаковать и восстановить положение.

- Ночью вы должны овладеть Родионовкой и расширить плацдарм,- сказал мне Шарохин, - а вам, - повернулся он к командиру иптаповского полка, приказываю вызволить свои пушки и поставить в строй, иначе пеняйте на себя. Ясно?

Генералы, а за ними адъютанты и автоматчики, пригибаясь стали пробираться к машинам, а я с Муфелем и Ильченко приступил к планированию ночного боя.

Предстояло проехать еще к Микеладзе и Чиркову, увязать их действия, а затем сообщить о своем решении начальнику штаба.

Во второй половине ночи 27 февраля мы атаковали. Гвардейская воздушнодесантная дивизия смяла вражеские подразделения и, продвинувшись вперед, заняла двумя полками Родионовку, а одним повернулась фронтом на север и прикрыла свой обнаженный фланг.

Иптаповский полк с помощью гвардейцев отбил свои орудия. Гитлеровцы не смогли даже вынуть замков, и пушки находились в полной исправности. Командир полка сразу же пустил их в дело.

Дивизия Чиркова, расширяя свой плацдарм, полностью очистила от противника поселок Ингулецкий и Ленинцы. Продвинув свой правый фланг на тысячу метров, она стала закрепляться. Поставленная корпусу задача была выполнена.

Однако через сутки положение опять изменилось. Собрав все, что имелось под рукой из 62-й пехотной и 23-й танковой дивизий, и подтянув из тыла корпусной резерв - 257-ю пехотную

дивизию, гитлеровцы с рассветом 28 февраля контратаковали. Их концентрический удар пехотой и танками был направлен против нашего, далеко выдвинувшегося на запад родионовского выступа.

Бой затянулся на весь день. Снова, как и на днепровском плацдарме, воздушнодесантная дивизия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении.

Гудела артиллерийская канонада, несколько раз появлялись в небе и бомбили Родноновку вражеские самолеты, широкой лавой развертывались и атаковывали танки, а опорный пункт продолжал огрызаться огнем и контратаками. До темноты удерживали гвардейцы Родионовку и только ночью, получив приказ, прорвали кольцо окружения и пробились на плацдарм к своим частям.

Бой 28 февраля за Родионовку ослабил и нас и противника. Плацдарм на Ингульце шириной в 4 километра и глубиной в один километр мы все-таки сохранили. К тому же активными действиями мы приковали внимание врага и отвлекли его от других направлений, где наши соседи готовили главный удар.

После боя за Родионовку на целых пять дней наступило затишье.

Понесшую большие потери воздушнодесантную дивизию я оттянул на восточный берег для доукомплектования и короткого отдыха, а на ее место на правый фланг корпуса выдвинул стрелковую дивизию Даниленко, сумевшую к этому времени привести себя в порядок.

6 марта, после небольшой оперативной паузы, войска фронта возобновили наступление. Главный удар был нанесен из района южнее Кривого Рога в общем направлении на Казанка, Новый Буг.

Форсировав Ингулец и прорвав сильную оборону гитлеровцев по его правому берегу, фронтовое командование ввело в прорыв конно-механизированные соединения с задачей рассечь вражеский фронт, выйти на Южный Буг и отрезать противнику пути отхода на запад.

За четыре дня наступательных боев войска фронта на направлении главного удара продвинулись вперед на 30 - 60 километров и расширили прорыв по фронту до 170 километров.

Наступление севернее Кривого Рога, где действовала армия генерала Шарохина, в первые три дня развертывалось медленнее и с гораздо меньшим успехом. Здесь у нас не было ни решающего превосходства в силах и средствах, ни механизированных соединений для развития успеха.

Приказ командарма на переход в наступление я получил 3 марта. Корпусу ставилась задача: прорвать подготовленную оборону и овладеть рубежом Могилы Рядовые, Родионовка,

Могила Камова; в дальнейшем наступать в направлении Грузька.

Главный удар я решил нанести своим правым флангом - силами стрелковой дивизии Даниленко и гвардейской Чиркова в направлении Родионовка, Грузька. На левом фланге дивизия Чурмаева двумя полками продолжала прочно удерживать восточный берег, а ее третий полк перебрасывался на плацдарм, на стык с дивизией Чиркова, откуда вел наступление на юго-запад, сматывая оборону перед фронтом своей дивизии. Воздушнодесантная дивизий оставалась во втором эшелоне и предназначалась для развития главного удара.

С точки зрения планирования, как будто сделано было все, и, тем не менее, сам прорыв и бой в ближайшей глубине оборины развивались медленно, с огромными для нас потерями и напряжением,

Противник оказывал ожесточенное сопротивление. И первые два дня корпус сумел выполнить только свою ближайшую задачу, а на третий день вышел на рубеж Ново-Лозоватка, Грузька, Григорьевна. Богоблагодатное - на глубину до 8 километров и по фронту до 15 километров.

На четвертый день, когда направление главного удара фронта выявилось уже резко, сопротивление противника стало падать и севернее Кривого Рога. Гитлеровцы вынуждены были отходить и на этом направлении.

С утра 9 марта начали нарастать и темпы наступления корпуса. Ингулец явился для нас как бы последним трамплином, оттолкнувшись от которого мы начали безостановочное движение вперед.

Свыше месяца продолжался наш 350-километровый путь от Ингульца до Днестра. За это время корпусу пришлось преодолеть огромные трудности весенней распутицы и бездорожья, провести много напряженных боев за населенные пункты, форсировать маленькие и большие реки.

Людей, транспорт, боевую технику засасывала липкая черная грязь. Люди и лошади выбивались из сил, моторы перегревались, колеса буксовали. Машины, израсходовавшие горючее, колоннами растянулись по дорогам.

Овраги и разбитые целинные дороги были запружены военной техникой, брошенной врагом. Рядом с тяжелыми орудиями стояли застрявшие в грязи тягачи, оставшиеся без горючего транспортные машины, поломанные повозки, и тут же валялись неубранные трупы людей и лошадей.

Трудности распутицы и бездорожья корпус почувствовал с первых же дней наступления. Сказались они в первую очередь в отставании артиллерии и тылов, в перебоях в питании. Уже через

пять - шесть дней к 14 марта из общего количества дивизионной артиллерии боевые порядки сопровождало: в стрелковой дивизии Даниленко - 57%, в гвардейской Чиркова - 36% и гвардейской Чурмаева - 33%, а всего в корпусе - 35%. т. е. одна треть всей дивизионной и приданной корпусу артиллерии; остальные две трети отстали.

А еще через пять - шесть дней, к 20 марта, при выходе корпуса на подступы к Вознесенску, в гвардейской дивизии Чурмаева осталось 3 орудия, в воздушнодесантной - 7 орудий и в стрелковой Даниленко, с приданным ей иптапом, - 8 орудий, т. е. по одной -две батареи на дивизию.

Полковая и батальонная артиллерия, следовавшая на конной тяге, сопровождала пехоту безотрывно.

Без артиллерии нельзя было решать боевых задач, а снизить темп наступления для ее подтягивания не позволяло высшее командование.

Было принято решение: часть артиллерии, штабы дивизий и частично дивизионный тыл перевести с автотяги на конную. Однако это хорошее мероприятие вызвало ряд осложнений - не хватало ни лошадей, ни упряжи.

Еще осенью, при переходе под Харьковом с конной тяги на автомобильную, мы всех высвободившихся лошадей и упряжь сдали в армейский тыл, а тот передал их во фронтовой тыл. Поэтому существенной помощи нам армия оказать не смогла.

И все же путем всевозможных комбинаций мы кое-что сделали, две - три батареи на дивизию перевели на конную тягу, и теперь они уже надежно сопровождали пехоту.

Сами командиры дивизий и их штабы, пересев с автомашин на верховых коней и повозки, тоже стали меньше отрываться от полков.

Перед всеми командными инстанциями, штабами и политорганами была поставлена задача - бороться за наличие в боевых порядках ста процентов батальонной и полковой артиллерии и не менее одной трети дивизионной.

И нужно сказать, что эти требования, начиная с Южного Буга, хотя и с большими усилиями, но были выполнены.

Несмотря на бездорожье, распутицу, непролазную грязь, войска показывали высокие образцы стремительного преследования. Наступление велось непрерывно днем и ночью, в любую погоду. Ночь, густые туманы и снегопады использовались для скрытного маневра с целью обхода и охвата, нанесения врагу внезапных сокрушительных ударов.

Темпы преследования нарастали с каждым днем.

На 170-километровом отрезке пути от Кривого Рога до

Вознесенска среднесуточный переход с боями достигал 16 - 20 километров, а от Вознесенска до Раздельной, когда корпусу пришлось наступать вслед за конно-механизированной группой фронта, он возрос до 25 - 30 километров.

Круглосуточные бои и безостановочное движение требовали от войск огромного напряжения, выносливости и героизма. Упорство воинов, их несгибаемая воля в достижении цели преодолели все препятствия. Люди выбивались из сил, валились от усталости с ног, а задачи свои выполняли.

В эти дни был ранен полковник Даниленко. На полтора месяца он вышел из строя. Во временное командование дивизией вступил начальник штаба полковник Сенин.

Вспоминается один курьезный случай, происшедший во время нашего наступления в гвардейской воздушно-десантной дивизии.

После длительной оттепели внезапно похолодало. Весь день шел густой снег. Степь покрылась белым пушистым ковром. Казалось, что снова возвратилась зима. К ночи снегопад прекратился.

Передовые подразделения гвардейцев-десантников вели бой за крупный населенный пункт Сталино. Ворвавшись на его северо-восточную окраину, они завязали уличные бои.

Продвигаясь вслед за передовыми частями, я медленно пробирался на "додже" по занесенной снегом дороге, Миновав кладбище, въехал на восточную окраину села. Для меня и передовой группы штаба комендант наскоро подготовил несколько крестьянских домиков. На западной окраине еще шел бой, а на восточной устраивались штабы, развертывались средства связи.

Войдя с морозца в натопленную хату, я почувствовал страшную усталость после бессонных ночей. Под утро, когда бой затих, я позволил себе короткий отдых. Через час - полтора меня подняла оглушительная автоматная стрельба.

- В чем дело? - спросил я у адъютанта, вскакивав с койки.

- Не могу знать!..

Адъютант кинулся к телефонам и стал выяснять положение у начальника штаба, а я, накинув на плечи шинель, вышел на улицу.

Светало. Ветер стих. Небо прояснилось.

Автоматы заливались в центре села и дальше у его западной окраины. Разрывая их трели, раза два - три с треском ухнули ручные гранаты.

"Неужели контратака?" - подумал я.

Пока я размышлял, стоя на улице, а мой адъютант вел

переговоры с начальником штаба корпуса и командиром дивизии, стрельба прекратилась.

Через десять минут мы узнали о причинах стрельбы.

Выбив противника из села и организовав преследование, гвардейские подразделения в темноте, по мере подхода, разводились по улицам и размещались по домам для обогрева и отдыха.

На рассвете подошли походные кухни с завтраком, улицы и дома после небольшого затишья вновь ожили. И тут выяснилось, что гвардейцы занимали не все дома, во многих из них спали гитлеровцы.

Узнав, что село занято советскими войсками, фашисты попробовали незаметно улизнуть. Но было уже поздно. Становилось светло, и появление их на улицах сразу же было замечено.

Наши войска быстро навели порядок. Видя безвыходность положения, двести гитлеровцев сложили оружие и сдались в плен.

Не раз смеялись потом гвардейцы-десантники, вспоминая этот случай.

История смешная, но могла она закончиться для нас печально.

* * *

Бои по прорыву промежуточных рубежей, при форсировании рек и за крупные населенные пункты и города войска корпуса вели главным образом ночью. Рассчитывать на успех в светлое время мы не могли: наши соединения и части были не так уж сильны. Численность дивизий со времени выхода на Днепр сократилась в два с лишним раза. Их боевой состав не превышал трех тысяч человек. В дивизиях осталось немного артиллеристов, минометчиков, связистов, саперов, химиков и совсем мало пехоты: стрелков, автоматчиков, пулеметчиков - по 20 - 30 человек на роту.

Обычно бой протекал так. Наступая в своей полосе, дивизия наталкивалась на сопротивление противника. На лесных посадках и на окраинах небольших хуторов появлялись вражеские танки и самоходки и своим огнем преграждали путь нашим войскам. Колонна развертывалась. Вперед выдвигались головные подразделения и орудия сопровождения. Орудия прочесывали посадку, а пехота обтекала ее с флангов. Враг не выдерживал и отходил на промежуточный рубеж. Затем наши войска натыкались на подготовленную полосу, окончательно сковывались огнем и развертывались в боевой порядок. Пехота перебежками сближалась с противником и залегала. На этом бой

замирал до вечера.

С наступлением темноты командир дивизии стягивал на избранное для прорыва направление все, что имел в своем распоряжении: полковую и дивизионную артиллерию и пехоту.

После некоторого затишья поле боя оживало. За артиллерийским налетом прямой наводкой следовал шквал автоматического огня. Пехота шла в атаку.

Неподготовленные к ночным боям гитлеровцы не выдерживали и откатывались. Наши войска преодолевали очередной промежуточный рубеж и получали возможность совершить следующий бросок вперед.

Пленные гитлеровцы отдавали должное умению советских войск вести ночные бои. Они говорили: "Днем русские ведут разведку передовыми частями, а узнав наши слабые места, стягивают к ночи главные силы и прорываются".

Наиболее напряженные бои корпус вел за город Вознесенск, за Южный Буг и под Раздельной.

Прикрываясь арьергардами, части 384-й пехотной, 24-й танковой и 16-й моторизованной дивизии противника к 21 марта отошли и заняли заранее подготовленный рубеж в 8 - 10 километрах ссверо-восточнее и восточнее Вознесенска. Фланги рубежа упирались в реку Южный Буг, опоясывая город полукольцом. Кроме перечисленных дивизий, в полукольце оказались также части 76-й и 257-и пехотных дивизий врага.

Задачу на штурм Вознесенска, выход на восточный берег Южного Буга и форсирование его с ходу корпус получил еще 20 марта.

Развернув все четыре дивизии в один эшелон, я решил сломить сопротивление противника одновременным ударом во всей своей десятикилометровой полосе.

В 21.00 после короткой огневой обработки переднего края корпус атаковал.

Несмотря на огромные усилия, сломить сопротивление врага и выполнить поставленную задачу нам не удалось. За ночь дивизии смогли продвинуться лишь на 2- 3 километра.

С рассветом сопротивление противника возросло, и наши части вновь оказались скованы огнем. Особенно мешал огонь танков.

Наибольшего успеха за ночь добилась правофланговая 28-я гвардейская дивизия Чурмаева. Поднявшись к северу и выйдя за свою правую границу к селу Вороновка, она успешно форсировала Мертвовод и, повернувшись фронтом на юго-запад, заняла очень выгодное положение, охватывающее фланг противника.

Удачный маневр на правом фланге и форсирование

Мертвовода привели к частичному изменению ранее принятого решения.

22 марта с наступлением темноты я произвел перегруппировку в сторону своих флангов и уточнил задачи дивизиям.

Дивизия Чурмаева прорывала оборону, нанося удар на юго-запад, в обход города справа. Она должна была овладеть районом железнодорожной станции Вознесенск и выйти на левый берег Южного Буга.

10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия поднималась на север к Вороновке и, форсировав Мертвовод, снова опускалась на юг, становясь рядом с дивизией Чурмаева. Теперь она должна была нанести удар на юг, в направлении артиллерийских складов, и занять северную часть города. 15-я гвардейская дивизия Чиркова, не меняя своей полосы, наносила удар на юго-запад. Она последовательно решала ряд задач: сначала прорывала оборону, затем, выдвинувшись к Мертвоводу, с ходу форсировала его, а потом уж овладевала центром города и выходила на восточный берег Южного Буга, навстречу 188-й стрелковой дивизии Сенина.

Дивизия Сенина, нанося удар своим левым флангом, должна была овладеть пригородом Болгарка, захватить железнодорожный мост и выдвинуть на западный берег Южного Буга в Стар-Кантакузенку сильный передовой отряд.

Таким образом, замысел боя сводился к охвату Вознесенска флангами с севера и юга, ночному штурму города и выходу на левый берег Южного Буга.

К сожалению, войска корпуса не смогли своевременно выполнить этот замысел. Противник оказался еще достаточно сильным, располагал танками, авиацией да к тому же опирался на многочисленные пригородные и городские постройки, а также на инженерные заграждения.

Силы корпуса были истощены, люди измотаны предшествующими боями, танков не было, часть артиллерии отстала, а имевшаяся в наличии плохо обеспечивалась боеприпасами.

Ослабли и наши командные кадры в звене батальон - рота. Офицеры, выдвинутые в ходе боев на должности комбатов и комрот, плохо справлялись с организацией боя. Все это не могло не отразиться на выполнении корпусом своей задачи. Бой затянулся.

Гитлеровцы стремились выиграть время и как можно больше своих сил оттянуть за реку,

Особенно ожесточенный бой разгорелся в районе

железнодорожного моста. Туда с наступлением темноты вышел передовой отряд, а за ним - один из полков стрелковой дивизии. Отход врагу за реку был закрыт. Контратаки противника следовали одна за другой. Гитлеровцы контратаковали с двух сторон: из города и с западного берега. Три часа до последнего бойца удерживал мост передовой отряд.

Сжимаемые со всех сторон фашисты, не считаясь с потерями в живой силе и в боевой технике, продолжали пробиваться на правый берег.

Ночные бои за город обошлись притивнику недешево, много крови они взяли и у нас.

Вознесенск был полностью очищен от гитлеровских захватчиков только к 2.00 24 марта.

Выполнив задачу, корпус в то же утро перегруппировался к своему правому флангу и, выйдя на левый берег Южного Буга, стал готовиться к его форсированию.

После Днепра Южный Буг явился для нас наиболее крупной водной преградой, которую мы должны были преодолеть. Оборонительные работы на правом берегу реки вражеское командование начало еще летом 1943 года. Оно рассчитывало остановить здесь наступление Советской Армии. Гарантией тому служили: широкое русло бурливой многоводной реки, высокий крутой правый берег, многочисленные лиманы и заранее созданные укрепления: траншеи, проволочные заграждения, минные поля, противотанковые препятствия.

Советское командование учитывало трудности форсирования Южного Буга и заранее начало готовить свои войска к их преодолению.

Части корпуса, ведя бои за Вознесенск, не забывали и о крупной волной преграде, преграждавшей подступы к обороне противника. В то время как наши пехотинцы и артиллеристы дрались за город, саперы готовили подручные средства для форсирования Южного Буга.

Подготовке личного состава корпуса к решению новой задачи очень помогло обращение Военного совета 37-й армии, которое заканчивалось пламенным призывом:

"...Товарищи! Боевые друзья!

Перед нами Южный Буг! К нему устремляются бегущие немцы. Они ищут спасения за выгодным водным рубежом. Мы должны разбить и эту надежду немцев! Перед вами задача - стремительно и умело, на плечах противника форсировать р. Южный Буг, продолжая уничтожать врага на правом берегу.

Мы переживаем волнующие, радостные дни. Близится лень полного освобождения Советской Украины. В боевых подвигах

ваших рождается счастье народа, утверждается навеки свобода нынешнего и грядущих поколений. Вас увенчает слава доблестных освободителей Советской Украины и Молдавии. Ваше стремительное форсирование р. Южный Буг и неуклонное преследование и уничтожение врага на правом берегу принесут новую радостную весть нашей стране, откроют новую славную страницу побед Красной Армии, принесут счастье нашему народу...

Вперед, товарищи! И только вперед на полный разгром врага!

Слава героям, доблестным освободителям нашей Родины!

Да здравствует свободная Советская Украина!

Да здравствует наша священная Родина!

Смерть немецким захватчикам!"

24 марта во второй половине дня была проведена командирская рекогносцировка. Со мной в рекогносцировке участвовали Москвин, Муфель, Ильченко. В дивизиях на рекогносцировке присутствовали комдивы, командующие артиллерией, дивизионные инженеры.

Снова, как и осенью на Днепре, все тщательно изучалось. Нас интересовали: свой берег, занятый противником правый берег, ширина реки, скорость ее течения, районы сосредоточения, подступы к реке и выходы на противоположном берегу, места десантных и паромных переправ, огневое обеспечение и многие другие вопросы.

У сопровождавших меня офицеров после успешного завершения ночного боя за Вознесенск - приподнятое настроение. Ильченко и Москвин, как всегда, обмениваются дружескими колкостями.

- На язык-то ты остер, посмотрим, каким окажешься на деле, - говорит Москвин, искоса посматривая на инженера. - Южный Буг, брат, не какой-нибудь Тилингул или Мертвовод, с ним шутки плохи.

- А я и не собираюсь шутить. Позади Днепр, Ингулец, Ингул. Какие же это шутки? Останется позади и Южный Буг. Вот увидишь! - парирует Ильченко. - Поможет бог войны, и все будет в полном порядке, - кивает он головой на Муфеля.

- На бога надейся, а сам не плошай, - говорит Муфель. - У бога войны не так-то уж густо. Сам знаешь!

- Я и не плошаю. - Ильченко лукаво посматривает на меня. Он намекает на большую подготовительную работу саперов.

Действительно, пока шли бои за Вознесенск, приданные корпусу два инженерно-саперных батальона и все дивизионные саперы вели заготовку подручных переправочных средств. Использовав брошенные противником металлические бочки из-

под горючего, саперы к началу форсирования изготовили около сорока плотов-паромов различной грузоподъемности (от 1,5 до 7 тонн). Конечно, это не то, что паромы на понтонах, но и на них можно переправлять от отделения пехоты до орудийного расчета вместе с орудием и тягачом. Правда, паромы на бочках не очень устойчивы, но мы мирились с этим. Лучшего у нас до сих пор ничего не было. Из табельного переправочного имущества на все четыре дивизии корпус имел всего шесть надувных лодок.

Кроме плотов-паромов, в корпусе имелось еще около двух десятков рыбачьих лодок, которые мы возили все время за войсками в дивизионных и полковых тылах. Пригодятся!

Во время рекогносцировки были окончательно утверждены места десантных и паромных переправ дивизий, выбрано место для корпусной переправы и для строительства деревянного моста, спланировано огневое обеспечение форсирования. Наличные переправочные средства распределили между дивизиями.

Основное внимание я сосредоточил на правом фланге корпуса, и 10-15 километрах северо-западное Вознесенска. Здесь, на 6-километровом участке от Акмечети до Бугских хуторов, реку должны были форсировать три дивизии.

На левом фланге, западнее Вознесенска, оставалась гвардейская дивизия Чиркова. Растянувшись вдоль восточного берега на 8 километров, она своим центром занимала Бугское Село. С развитием форсирования на правом фланге я поднял дивизию севернее, в Бугские Хутора, где она переправилась через Южный Буг вслед за другими дивизиями и перешла во второй эшелон корпуса. Несколько позже командарм совсем вывел ее из состава корпуса в свой армейский резерв.

Форсирование Южного Буга началось в ночь на 26 марта.

Вечером, проверяя готовность дивизий, я вместе со своими помощниками прибыл па НП к Чурмаеву.

Вид у Чурмасва был усталый, генерал кашлял, чихал.

- Ты что, простудился, Георгий Иванович? - спросил я у него.

- Да, гриппую.

- Придется лечь в постель.

- Что вы? - удивленно посмотрел он на меня. - Разве можно в такое время?

- Ничего не поделаешь. Болезнь не считается ни со временем, ни с положением.

- Если позволите, то после форсирования. Сейчас никак не могу.

Состояние здоровья Чурмаева меня беспокоило. Он мог свалиться и выйти из строя в любую минуту.

Чурмаев был ветераном дивизии, прошел вместе с ней всю

войну. Сначала он командовал полком, затем стал заместителем командира дивизии и, наконец, ее командиром. Он сжился с дивизией и не мыслил себя без нее.

И вот стоило комдиву заболеть, как это сразу же почувствовалось и в штабе, и в частях.

Начальник штаба дивизии был нерасторопен и малоопытен, а командиры частей, не имея указаний сверху, не торопились, считали, что время еще ждет.

Я вместе с командующим артиллерией и инженером остался у Чурмаева на всю ночь, чтобы помочь ему.

С наступлением темноты на берегу закипела работа: саперы спешно подносили переправочные средства, вязали плоты, спускали на воду лодки. Вытягивалась и занимала огневые позиции артиллерия, подводилась и рассчитывалась на рейсы пехота.

Связь с другими дивизиями работала безотказно. Контроль за их подготовкой я поручил Щекотскому и Москвину.

Правый берег мы предполагали захватить внезапно без применения огня. Первым рейсом на плавучих средствах (лодках и плотах) переправлялись передовые отряды дивизии в составе усиленного стрелкового батальона. Они должны были бесшумно погрузиться, преодолеть под покровом ночи реку и также бесшумно высадиться. Закрепившись на том берегу, они в случае не обходимости могли вызвать для окаймления захваченных плацдармов и отражения контратак артиллерийский и минометный огонь.

Так мы планировали, но в действительности все получилось иначе.

На середине реки передовые отряды были обнаружены противником. Попав под шквал организованного огня, все они (кроме чурмаевского) повернули обратно, и, понеся значительные потери в людях и переправочных средствах, отнесенные течением в сторону на 400- 500 метров, прибились к своему берегу.

О новом рейсе в эту ночь мы уже и не думали. Надо было привести в порядок изрешеченные пробоинами плоты и лодки, подтянуть их на прежние места и дополнить из резерва. Заново требовалось готовить и людей,

От продолжения форсирования дивизией Чиркова Я отказался. На его участке слишком большим оказался снос по течению.

Передовой отряд чурмаевской дивизии, несмотря на огонь противника, достиг западного берега и закрепился на нем. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня за ночь было сделано еще несколько рейсов. К утру на противоположном

берегу, в двух километрах южнее Акмечети, у Чурмаева оказалась пехота двух полков. Продвинувшись на 200-300 метров, она закопалась в землю и стала отражать контратаки противника.

В следующую ночь форсирование продолжалось. Но мы изменили методы форсирования. Одновременно со спуском на воду переправочных средств и отчаливанием первого рейса подавлялась и оборона противника. Огонь по противоположному берегу вели из всех огневых средств, даже из пулеметов и автоматов переправляющихся подразделений.

Новый метод в условиях потери внезапности вполне себя оправдал. На огонь противника мы отвечали своим огнем, массируя его на узких участках и создавая превосходство.

К утру 27 марта Чурмаев имел на противоположном берегу уже всю пехоту, Сенин - один полк и Микеладзе - два полка. Началось расширение плацдарма в глубину и в сторону флангов.

Особенно упорное сопротивление гитлеровцы оказали на подступах к хутору Незаможник. Они превратили его в сильный опорный пункт с тремя траншеями, опутали проволокой, опоясали минами. Нашей стрелковой дивизии несколько раз пришлось схватиться с врагом врукопашную и очищать от него траншеи штыками и гранатами.

На других участках плацдарма фашисты, поддерживаемые ударами с воздуха, неоднократно переходили в ожесточенные контратаки. И все же, как ни цеплялись гитлеровцы за берег, их участь была решена. Форсирование продолжалось.

В ночь на 28 марта корпус имел на западном берегу три дивизии, а днем сопротивление противника было сломлено окончательно. С рубежа Акмечеть, Ново-Кантакузенка части перешли в решительное наступление.

29 марта закончилась переправа подтянувшейся дивизионной артиллерии (около одной трети) и второго эшелона корпуса - гвардейской дивизии Чиркова. На восточном берегу пока оставались задержавшиеся из-за отсутствия горючего остальные две трети артиллерии и дивизионные тылы.

Таким образом, корпус решил еще одну очень сложную задачу - форсировал Южный Буг.

* * *

Бои 37-й армии под Раздельной явились составной частью Одесской операции, осуществленной войсками фронта в период с 28 марта по 14 апреля.

Командующий 3-м Украинским фронтом решил ударом войск правого крыла фронта: 57-й армией генерала Гагена, 37-й армией генерала Шарохина и конно-механизированной группой генерала Плиева - расколоть противостоявшую вражескую группировку,

прижать к морю ее основные силы и овладеть Одессой. Главный удар наносился с рубежа Константиновка, Вознесенск, в общем направления на Раздельная, Страсбург.

Войска левого крыла фронта получили задачу наступать на Одессу с востока, вдоль побережья Черного моря.

Во время прорыва обороны и в период преследования 82-й стрелковый корпус оказался в центре армейской группировки и на оси главного удара фронта. Устремившись вслед за подвижной группой фронта и вырываясь по отношению к другим соединениям армии углом вперед, корпус за шесть дней преследования продвинулся с боями на 150 километров.

В результате стремительного удара конно-механизированных соединений генералов Плиева и Жданова и следовавших за ними частей нашего корпуса 5 апреля был взят город и железнодорожный узел Раздельная.

Действовавшая на этом направлении группировка противника была расчленена на две части: одна продолжала с боями отходить на Тирасполь, другая, более крупная, была отброшена на юг, в направлении Одессы.

Из Раздельной гвардейские казачьи кавалерийские части Плиева и танкисты Жданова повернули на Страсбург, а оттуда на юг, в обход Одессы по левому берегу Днестра, а соединения корпуса продолжали выдвигаться на запад. На реке Кучукурган, в 10 километрах западнее Раздельной, наши войска уперлись в подготовленный противником оборонительный рубеж, где были остановлены огнем и контратаками.

Правее 82-го стрелкового корпуса, обходя Раздельную с севера, к реке Кучукурган выдвигался 57-й стрелковый корпус. Левее, в обход Раздельной с юга, наступали соединения 6-го гвардейского стрелкового корпуса нашей армии.

Около пяти часов утра 6 апреля в районе командного пункта стрелковой дивизии (6 километров севернее Раздельной) внезапно вспыхнул и разгорелся огневой бой с пробивавшимися из-под Одессы вражескими колоннами.

- Что там у вас творится? - спросил я у Сенина по телефону.

- Мимо двигалась вражеская колонна - до батальона пехоты и три четыре танка. Мы ее обстреляли, она развернулась, залегла и ведет с нами бой.

Пока мы разговаривали, где-то южнее, на параллели Раздельной, и восточное также начал разгораться бой.

- Что вы предполагаете делать дальше? - спросил я у Сенина.

- Подтяну полк второго эшелона и буду атаковать.

- Где он у вас?

- Недалеко отсюда, у разъезда Петровский. Решение комдива

я утвердил. Кроме того, приказал ему организовать накоротке разведку и определить - нет ли еще где-нибудь поблизости гитлеровцев. Ночь, видимо, скрывала от нас многое. Так оно и оказалось.

Обходя Раздельную с востока, передовые колонны противника натолкнулись сначала на 20-ю гвардейскую дивизию (второй эшелон соседнего с нами 6-го гвардейского корпуса), наступавшую на уступе сзади и левее нас, а затем, проскочив по тылам наших боевых порядков, уперлись в нашего правого соседа.

К восьми - девяти часам утра обстановка стала проясняться.

Первая колонна (до 700 человек, 200 повозок и 4 танка), обстрелянная штабом Сенина, уклонилась от боя и, повернув на запад южнее Петровского, пересекла железную дорогу. Здесь, за железнодорожной линией, ее настиг полк второго эшелона дивизии. Он вынудил колонну развернуться и принять бой.

На помощь первой колонне подошла вторая, более многочисленная. Полк оказался между двух огней: противник был и с фронта, и с тыла. Причем гитлеровцы по численности и в огневом отношении превосходили полк в два три раза.

Третья колонна, уткнувшись в штаб корпуса, была обстреляна нашими связистами, саперами и штабными офицерами. Она повернула на запад, туда, где дрался полк стрелковой дивизии. Положение с каждым часом осложнялось. Телефонная связь с дивизиями нарушилась. Доложив обстановку по радио, Сенин просил оказать ему помощь.

Точных данных о положении, создавшемся в тылу армии, не было и у командарма. Он без конца запрашивал наш штаб, а мы и сами не разобрались еще как следует в том, что происходит.

С утра гитлеровцы начали бомбить Раздельную и полосу к востоку от нее. Под бомбежку попал перемещавшийся штаб гвардейской воздушнодесантной дивизии. Осколком бомбы тяжело ранило генерала Микеладзе.

С юга подходили еще несколько вражеских колонн. Это для них ударами с воздуха пробивался коридор на север. Все сильнее разгорался бой у левого соседа.

Командарм решил зажать прорвавшиеся колонны в узком коридоре между Малой Понятивкой и Раздельной, закрыть им пути выхода на запад и уничтожить.

20-я гвардейская дивизия 6-го гвардейского корпуса ударами на Раздельную и южнее - во фланг подходившим колоннам - вынуждала их развернуться.

Правофланговый 57-й стрелковый корпус развернул 92-ю гвардейскую дивизию франтом на юг и закрыл противнику путь на север.

Подошедшая 15-я гвардейская дивизия Чиркова развернулась на рубеже Малой Понятивки и повела наступление в направлении северной окраины Раздельной.

Нашему корпусу было приказано драться на два фронта: против гитлеровцев, отошедших за реку Кучукурган, и против группировки, прорывавшейся с юга.

Оставив на 12-километровом фронте по реке Кучукурган половину своих сил, я вторую половину повернул снова на восток и северо-восток.

Два дня, 6 и 7 апреля, шел ожесточенный бой а узком коридоре. За эти дни войска 37-й армии уничтожили до 12 тысяч и взяли в плен свыше 10 тысяч вражеских солдат и офицеров, захватили много транспорта и военной техники. Убитые и пленные принадлежали пяти немецким дивизиям.

В ночь на 10 апреля 82-й стрелковый корпус прорвал оборону на реке Кучукурган, а к полудню 11 апреля своими передовыми частями вышел на восточный берег Днестра, на подступы к Тирасполю, Суклее, Карагаша, Слободзеи Молдаванской.

Трудный путь весеннего наступления приближался к концу.

На Днестре

На Днестр корпус выходил, имея все три дивизии в одном эшелоне. В соответствии с замыслом командующего 37-й армией 28-я гвардейская и 10-я воздушнодесантная дивизии были нацелены смежными флангами на Карагаш; 188-я стрелковая дивизия своим левым флангом должна была овладеть Суклеей, а правым во взаимо действии с 92-й гвардейской дивизией 57-го стрелкового корпуса - городом Тирасполь.

Задачу на форсирование Днестра с ходу и захват плацдармов на его правом берегу корпус получил заблаговременно, еще на рубеже Раздельной, когда уничтожались прорывавшиеся из-под Одессы дивизии противника.

Четыре - пять дней подготовительного периода штаб корпуса и штабы дивизии по картам крупного масштаба, по военно-географическому описанию, путем авиаразведки, по донесениям войсковой и инженерной разведки, опрашивая местных жителей, изучали прилегающую к Днестру местность, свойства и характер реки.

Вместе с передовыми частями на восточный берег Днестра выдвигались разведгруппы и подразделения саперов. Они должны были: произвести тщательную разведку дорог и подступов к реке; разминировать полосы и пункты, намеченные для форсирования; изучить характер местности по обоим берегам реки; определить характер обороны противника на противоположном берегу и возможность форсирования реки с ходу; выявить наличие

подручных материалов для устройства простейших переправочных средств. И, наконец, с выходом авангардов наших частей к Днестру была организована общевойсковая и инженерная разведка мест форсирования. Одновременно с этим была проведена командирская разведка во главе с командиром корпуса.

В подготовительный период все полковые, дивизионные и корпусные саперы приступили к заготовке материалов для форсирования и подвоза их по мере продвижения частей вперед.

К началу форсирования из табельных переправочных средств корпус имел 8 лодок А-3 и 28 МНЛ (малых надувных лодок). Кроме того, использовались подручные средства: для переправы пехоты - рыбачьи лодки, ворота, двери, крыши; для батальонной и полковой артиллерии строились плоты и легкие паромы. Для дивизионной и приданной корпусу артиллерии был организован корпусной пункт переправы на трех тяжелых паромах из табельного имущества грузоподъемностью 3 - 9 тонн.

Выполняя поставленную задачу, части 28-й гвардейской и 10-й возлушнодесантной дивизий на плечах противника ворвались в Карагаш и Слободзея Молдаванская, завязали уличные бои, к 22.00 11 апреля полностью очистили эти пункты от врага и приступили к форсированию Днестра.

После бурного Южного Буга с его неприветливыми голыми берегами Днестр в вечерних сумерках казался особенно тихим и величавым. Его еле заметное течение, густая растительность по берегам и глубокая тишина вокруг невольно переносили из мира грохота, разрушений и смерти в мир покоя и отдыха. По восточному берегу тянулись фруктовые сады и виноградники; высокий, густой лес на западном берегу вплотную подступал к реке.

188-я стрелковая дивизия, подойдя к городу Тирасполь и Суклее, завязала бои на их окраинах. В 21.00 она произвела частичную перегруппировку, увязала свои действия с 92-й гвардейской дивизией полковника Матвеева (вступил в командование после Петрушина) и возобновила наступление, нанося удар двумя полками на Тирасполь и одним на Суклею.

Боем войсковых частей на подступах к Днестру и разведкой всех видов было установлено, что основные силы потрепанных нами на реке Кучукурган 15, 257 и 258-й пехотных дивизий противника отходили в направлении Тирасполь, Вендоры. На левом фланге корпуса, на участке Карагаш, Слободзея Молдаванская, тянулись оторвавшиеся арьергарды и тылы этих дивизий, а также румынские пограничные отряды.

В это время года на западном берегу Днестра бывает много

плавней и затопленных участков. Поэтому переправившиеся на западный берег подразделения противника непосредственно на берегу долго не задерживались, а отходили на близлежащие высоты у Кицканы, Копанка.

Учитывая все это, я приказал командирам дивизий выслать с рассветом для захвата командного Кицканского гребня передовые отряды: 28-й гвардейской дивизии - в район Кнцканы, 10-й воздушнодесантной - в район Копанка.

* * *

Ночной бой сложился в нашу пользу. Долго сдерживать наш натиск противник не смог. По горькому опыту прошлых боев, он боялся лишиться путей отхода на Бендеры. Малейшая проволочка могла поставить его под угрозу полного уничтожения или пленения.

В 24.00 наши части ворвались в Колкотову Балку и Суклею и завязали там уличные бои. К 3 часам ночи 12 апреля совместным ночным штурмом воины 92-й гвардейской и 188-й стрелковой дивизий взяли Тирасполь.

К рассвету 188-я стрелковая дивизия целиком выдвинулась на восточный берег Днестра и стала готовиться к форсированию.

На левом фланге корпуса форсирование Днестра гвардейскими дивизиями началось в 22.00 и протекало без особых осложнений. Прикрывавшие берег румынские части были отброшены на запад. К утру правый лесистый берег против Суклеи и Карагаша протяжением около семи километров уже находился в наших руках.

Началось расширение плацдарма. Передовые отряды дивизий устремились на командный гребень кицканских высот. Сюда же из Бендер по правому берегу Днестра тянулись и передовые вражеские части.

И вот здесь, на гребне, произошел встречный бой, пожалуй, единственный встречный бой, который я наблюдал за все три года войны.

Гитлеровцы придавали высотам большое значение, но упредить нас в их захвате не успели, а румынское прикрытие оказалось слишком слабым.

В 8 часов утра передовой отряд 28-й гвардейской Харьковской дивизии втянулся в Кицканы, расположенные на северных скатах гребня, и тут, у монастыря, неожиданно натолкнулся на фашистских автоматчиков.

Прикрывшись с фронта одной ротой, комбат быстро вывел батальон из села и, обходя его с юга, садами, продолжал выдвигаться на высоты. С вершины гребня он увидел две вражеские колонны: одна (силою до батальона) подходила к

Кицканы, другая (до полка) подтягивалась к западным скатам.

Развернувшись на гребне, батальон вступил в бой. Вскоре на помощь прибыл и передовой отряд 188-й стрелковой дивизии. Он форсировал Днестр на излучине южнее Тирасполя и, заслышав выстрелы, выдвинулся в Кицканы броском. Против вражеского полка оказались два наших батальона. Бой разгорался.

Надо сказать, что и наше командование уделяло кицканским высотам особое внимание. Ставя задачу на форсирование, командарм подчеркнул их значение.

Услышав донесшиеся с высот первые выстрелы, я немедленно направил туда все переправившиеся подразделения и части гвардейской Харьковской и воздушнодесантной дивизий.

К 11.00 гребень уже прочно седлали наши четыре стрелковых полка. Выбитые из Кицканы и сброшенные с гребня, разрозненные вражеские цепи откатывались назад, в долину.

К 12.00 я приехал в Кицканы. Бой за высоты был выигран нашими войсками. Отдаленная стрельба слышалась на западных скатах, а в селе и в садах, окружавших его, царило спокойствие.

Взобравшись на вершину кицканских высот, я замер от восхищения. На западе, как дно огромной чаши, раскинулась широкая долина с виноградниками, садами, рощами, круглым озером Бабайсь и другими небольшими озерами. За долиной поднимались в гору селения Плавни и Хаджимус, а за ними вырастали высоты, переходившие в холмистое плато, такое же высокое, как и гребень, на котором я находился.

Вправо, на возвышенном берегу Днестра, белели обнесенные крепостными стенами Вендоры. От Вендор, изгибаясь причудливой лентой, петлял Днестр. Он сначала тянулся к югу, затем, сделав петлю, поворачивал на восток, потом, извиваясь змеей, полз на северо-восток к Тирасполю и, образовав там три крутых витка, снова поворачивал на юг.

Влево синела обширная гладь озера Ботно с большим населенным пунктом Киркаешты на противоположном берегу. От Киркаешты к западу и юго-западу местность резко повышалась.

На севере, за садами, виднелись очертания Тирасполя, а на востоке, откуда я только что прибыл, чуть проглядывала Слободзея Молдаванская.

Над высотами и низинами, над Днестром и озерами, над Бендерами и Тирасполем играло весеннее селнце.

Меня удивляло, как это гитлеровцы смогли допустить потерю такого замечательного плацдарма. Посади они сюда заблаговременно хотя бы одну дивизию, и нам не взять бы его с ходу, как это удалось теперь. Чтобы сломить организованную оборону на кицканском гребне, потребовалось бы много сил и

средств.

За успешное форсирование Днестра и захват плацдарма командующий войсками фронта Р. Я. Малиновский объявил корпусу благодарность.

Бои за расширение плацдарма пришлось вести еще целых полмесяца. Нам удалось очистить от противника всю низину, занять восточную часть Плавней и выйти к предгорью, к полотну железной дороги из Бендеры на Киркаешты.

Только 27 апреля, в соответствии с указаниями командарма, корпус перешел к жесткой обороне.

С переходом к обороне от нас ушла 10-я гвардейская Криворожская воздушнодесантная дивизия, о чем я очень сожалел. Вместо нее прибыла 92-я гвардейская Криворожская стрелковая дивизия полковника М.И.Матвеева. Эту дивизию мы знали еще с Днепра, она была уже раз в составе корпуса, да и за Тирасполь дралась вместе с нами.

Для обороны всей низины с передним краем от Плавней до Киркаешты протяжением 8 километров и глубиной 6 километров - до кицканских высот - я оставил две дивизии, а одну расположил, во втором эшелоне - в районе Кицканы. Общая глубина плацдарма на участке корпуса достигала 14 километров.

Наш правый фланг упирался в Днестр (2 километра южнее Вендоры), а левый примыкал к озеру Ботно. На этом рубеже фронт стабилизировался на все лето.

* * *

Наступили майские дни, солнечные, ясные. В высоком небе ни тучки, ни облачка. Зазеленели леса, зацвели фруктовые сады и палисадники. Все кругом заблагоухало.

С моего наблюдательного пункта, оборудованного на западном скате кицканского гребня, чуть пониже вершины, была видна огромная чаша котлована с гладью озер, извилистым Днестром и многочисленными садами.

Мой НП на днестровском плацдарме был самым лучшим за всю войну. Я и до сих пор с восторгом вспоминаю о нем. Хорош был и командный пункт. Сначала он размещался в Кицканах, а затем перебрался на опушку леса.

С переходом к обороне в частях корпуса развернулись в невиданных до сих пор размерах организационные и учебные мероприятия; войска приводились в порядок, велись усиленные инженерные работы по закреплению захваченного плацдарма, шла боевая подготовка офицерского состава и штабов, производилось боевое сколачивание подразделений.

Наша оборона на Днестре коренным образом отличалась от обороны под Кривым Рогом. Части вышли на плацдарм

обескровленными, а после пятнадцатидневных боев за расширение плацдарма батальоны резко сократились: в каждом из них осталось по одной стрелковой роте с двумя - тремя десятками стрелков и автоматчиков; в пулеметной и минометной рогах было по одному взводу.

Требовалось пополнить подразделения личным составом, влить туда кадры среднего и младшего командного состава, укрепить партийные организации.

Новое пополнение, главным образом из мобилизованных с освобожденных территорий, стало поступать со второй половины мая и к началу августа составляло в стрелковых частях 70 - 80 процентов.

В обучении и воспитании молодого пополнения большую помощь командно-политическому составу оказывали бывалые воины. Они явились как бы цементом, накрепко связавшим командный и политический состав с молодыми воинами.

Землю копали в это лето так, как никогда раньше. На плацдарме отрыли столько траншей, убежищ и укрытий, что их и учесть было трудно.

Теперь, много лет спустя, разглядывая схему оборонительных работ и инженерных сооружений корпуса, поражаешься гигантскому солдатскому труду.

На правом участке главной полосы обороны, примыкавшей к излучине Днестра, было вырыто десять траншей полного профиля, связанных между собой ходами сообщения. Войска занимали не более половины траншей, остальные являлись запасными и предназначались на случай усиления участка резервами.

Левый, болотистый участок, менее насыщенный траншеями и окопами, опоясали противопехотными заграждениями - проволокой и минами.

Для отдыхающей смены повсюду были сооружены подбрустверные укрытия и землянки. Командные пункты разместили в хороших блиндажах. Всю боевую технику, транспорт и конский состав укрыли в окопах и земляных апарелях.

За траншеями и жилыми постройками бойцы ухаживали с любовью: своевременно очищали от обвалов и разрушений, днища и полы посыпали песком, стены обшивали камышом и жердями, у жилых землянок разбивали клумбы. И это на передовой, в двухстах - трехстах метрах от противника! Как все это было не похоже на 1941 - 1942 годы!

Вторую полосу обороны по западным скатам кицканского гребня оборудовали двумя сплошными траншеями, командными

и наблюдательными пунктами и ходами сообщения, связывавшими западные скаты с восточными. Вдоль берега Днестра у Тирасполя шла отсечная позиция из двух - трех траншей.

Одновременно с организационным укреплением частей и оборонительными работами развернулась боевая учеба, охватившая всех - от рядового бойца до генерала.

Основы военного дела: материальная часть оружия и умение владеть им, права и обязанности начальников и подчиненных, понятие о воинской дисциплине, воинском долге и чести - прививались молодым солдатам в окопах на переднем крае. Тут же приобретались ими и практические навыки несения боевой службы; первый выстрел производился не в тире по мишени, а по действительному врагу. Строевое и тактическое сколачивание подразделений шло в ближайшем тылу.

Для взводных и ротных учений вторые эшелоны дивизий по очереди выводились на восточные скаты кицканского хребта. Здесь был развернут настоящий учебный центр с полосой препятствий, учебным тактическим полем и стрельбищами.

Если на западной низине, между хребтом и передним краем обороны, люди жили настороженно, маскировались и прятались в траншеи, соблюдали режим огня и больше отмалчивались, то попадая на восточную низину, между хребтом и Днестром, они вели себя иначе: с утра до вечера были на ногах, ползали и бегали, лазили через забор, ходили по буму, прыгали через окопы, стреляли и во весь голос кричали "ура".

Одновременно с боевой подготовкой одиночного бойца и мелких подразделений проводились учебные сборы офицерского состава.

По мере поступления нового пополнения роты и батареи в полках развертывались и доводились до штатного состава, а командовать ими было некому. Поэтому на должность командиров рот и батарей выдвигались новые кадры, но они нуждались в элементарной теоретической подготовке, в приобретении первых практических навыков. Эта подготовка велась под наблюдением опытных боевых командиров.

В мае - июне корпус провел несколько десятидневных сборов командиров стрелковых, пулеметных, минометных рот и командиров артиллерийских батарей, решив таким образом и эту довольно-таки сложную для нас задачу.

И, наконец, когда наши подразделения и части пополнились и окрепли, появилась возможность выводить вторые эшелоны корпусов за Днестр для более глубокий полевой подготовки.

На полях Карагаша и Слободзеи Молдаванской, в 10 - 15

километрах восточное Днестра, начались батальонные учения. По распоряжению командарма был подготовлен оборонительный район по типу противостоявшей нам на плацдарме вражеской обороны: с траншеями, заграждениями, долговременными огневыми точками, отсечными позициями. Траншеи были заполнены чучелами.

Через эту оборонительную полосу после предварительной тренировки пропускался каждый стрелковый батальон. Атака пехоты и танков на глубину первой позиции сопровождалась огневым валом.

Батальонным учениям на подготовленной оборонительной полосе большое внимание уделяли командарм и наш новый командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин. Прежний командующий генерал армии Р. Я. Малиновский выбыл от нас во второй половине мая командовать 2-м Украинским фронтом.

Командарма и комфронта Ф. И. Толбухина я видел на учебном поле почти ежедневно. Они обычно присутствовали при постановке комбатом задач и организации взаимодействия, затем взбирались на стрельбищную вышку и наблюдали оттуда за артподготовкой и атакой, а после "прорыва обороны" внимательно подсчитывали пробоины, определяя действительность артиллерийского и пехотного огня. Часто видел я их и задушевно беседующими с бойцами после разборов учений и в кругу офицеров и генералов за обеденным столом в большой палатке.

Генерал Толбухин как-то сразу вошел в жизнь войск фронта и стал любимым и уважаемым военачальником. Подкупала его простота, человечность. Он во многом напоминал Малиновского, к которому войска привыкли.

Генералы и старшие офицеры, знавшие нового командующего близко, в разговорах между собой называли его по имени и отчеству. И когда говорили: "Нужно доложить Федору Ивановичу", - все уже знали, что речь идет о командующем фронтом.

В период летней напряженной учебы все горели одним желанием - как можно лучше подготовиться к предстоящим наступательным боям. Каждый знал: сидеть на плацдарме долго не придется, и всякая свободная минута должна быть использована с наибольшей пользой.

В самый разгар подготовки войск, когда пребывание на плацдарме подходило к концу, наше дружное и сколоченное корпусное управление начало понемногу распадаться. Один за другим выбыли мои ближайшие помощники, моя опора в бою.

Первым в середине июля уехал наш общий любимец и весельчак корпусной инженер Александр Дмитриевич Ильченко, получивший назначение на должность командира инженерно-саперной бригады.

При прощании Александр Дмитриевич подарил мне на память свой серебряный портсигар. "Пусть этот подарок напоминает о нашей совместной службе, - сказал он. - А я никогда не забуду наш корпус". Я подарил ему на память свой портсигар и трубку. Недолго привелось Ильченко командовать инженерно-саперной бригадой. Он погиб на полях Венгрии, под Будапештом, подорвавшись на вражеской мине.

Его подарок как дорогую память о прекрасном боевом соратнике я храню до сих пор.

Вслед за Ильченко уехал его неизменный друг полковник Москвин. Он получил назначение на должность начальника штаба корпуса в соседнюю армию.

Из трех старших офицеров, участвовавших со мною во всех боях, остался один Муфель.

Внезапно серьезно заболел начальник штаба генерал Щекотский. Сердечные приступы повторялись у него изо дня в день. Армейская медицинская комиссия назначила ему длительное санаторное лечение, и он уехал на юг страны. И, наконец, тогда же из корпуса убыл наш лучший начальник политотдела дивизии полковник Шинкаренко. Главное Политическое управление отозвало его в Москву.

Стрелковая дивизия находилась в то время во втором эшелоне корпуса на восточном берегу Днестра и располагалась в Карагаше. Ею снова командовал оправившийся от ран полковник Даниленко.

* * *

Планирование Ясско-Кишиневской операции и непосредственная подготовка к ней начались в первых числах августа. Почувствовалось это сразу после приезда к нам представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Как-то вечером мне позвонил командарм и предупредил, чтобы я завтра был готов встретить у себя высоких гостей.

- Кстати, прикажи своим саперам укрепить лестницу на монастырской колокольне, она шатается. Да проверь лично, - сказал он мне,

- Когда прикажете ожидать вас? - спросил я.

- Утром, между десятью и одиннадцатью часами. В десять утра я был уже в Кицканах, около колокольни. Через четверть часа прибыл маршал Тимошенко, а вместе, с ним командующий фронтом, командарм, член Военного совета фронта генерал-лейтенант А. С. Желтов и член Военного совета армии генерал-майор В. Д. Шабанов. Генерал-лейтенанта Желтова я видел впервые, а Василий Дмитриевич Шабанов - мой старый боевой друг.

Представившись, я коротко доложил маршалу о выполняемой корпусом задаче. Выслушав меня, он пожал мне руку и как-то по-простецки, больше по-товарищески, чем официально, переспросил:

- Ну, а все же, как дела-то у вас?

- Хорошо! - искренне ответил я. - Продолжаем зарываться в землю, учимся день и ночь, готовимся к будущим боям. Настроение у личного состава прекрасное.

- Еще бы! - улыбнулся Тимошенко и посмотрел на Толбухина. - Два месяца живут, как на курорте. Разве можно обижаться!

- Мы и не обижаемся. Теперь у нас все есть: и люди, и техника, и хорошо подготовленные к бою части. Любой приказ командования будет выполнен.

- А мы и не сомневаемся, - сказал маршал. - А теперь покажите-ка нам оборону противника. Сюда, что ли? - посмотрел он на колокольню.

Высокий, стройный маршал первым и довольно-таки легко стал подниматься по крутой лестнице. Вслед за ним двинулись генералы.

Командующий фронтом взялся за перила, попробовал их прочность, посмотрел наверх и затем окинул взглядом свою полную фигуру. Толбухин страдал диабетом, и его полнота была вызвана этой болезнью.

- Тяжеловат! - сказал он и безнадежно махнул рукой. - Догоняйте, догоняйте! - показал он мне на лестницу.

Взобравшись на первые два пролета, я посмотрел вниз. Толбухин, заложив руки за спину, спокойно прохаживался по нижней площадке.

С колокольни открывался прекрасный вид на северный берег Днестра, утопавший в садах Терновки и Парканов, на Бендеры и на весь правый сектор корпуса от Плавней до Хаджимуса.

Особенно резко выделялись высоты западнее Бендер и Хаджимуса со вторыми и третьими позициями главной полосы вражеской обороны.

Плохо просматривался левый сектор в направлении Киркаешты и совсем не просматривался передний край обороны. Он был закрыт уцелевшими постройками Плавней и пышной растительностью.

- А где же Федор Иванович? - обратился маршал ко мне. - Да, да! Ему тяжеловато, лучше не подниматься, - сказал он, узнав, что генерал армии остался внизу.

После ознакомления с обороной маршал и генералы уехали в Тирасполь, в штаб армии, С этого дня началась напряженная и целеустремленная подготовка к наступательной операции.

11 августа на ВПУ штарма состоялся проигрыш на картах решения командарма с командирами корпусов.

12 августа на основе принятого командармом решения состоялись рекогносцировки командиров корпусов с командирами дивизий, а 13 августа был произведен проигрыш с ними на картах,

14 августа я издал приказ по корпусу на наступление, а 15 августа вторично участвовал в военной игре, проводившейся в присутствии Толбухина.

Командиры корпусов первого эшелона явились на игру вместе со своими командирами дивизий, а я, как командир корпуса второго эшелона, приехал один. Нужно сказать, что назначение корпуса во второй эшелон армии очень огорчило меня. Свою обиду я высказал командарму. Шарохин спокойно выслушал, а потом, улыбаясь, спросил по-дружески:

- Ты учился в военной академии?

- Учился.

- Знаешь, какие части командир выделяет в свой второй эшелон?

- Знаю.

- А почему же ты заявляешь мне претензию? Ты знаешь, что я сначала намечал твой корпус в первый эшелон, а затем перерешил и оставил во втором. Думаешь, это случайно? Нет! Это не обида, а большая честь для корпуса. Пойми сам и постарайся разъяснить подчиненным. Ясно?

- Ясно! Будет исполнено!

- Ну то-то же!

На военную игру командиры корпусов и дивизий прибыли подтянутые, торжественные. Они знали, что для них это генеральная репетиция.

Начальник штаба армии расположил нас вокруг огромного рельефного ящика, на котором была изображена горловина кицканского гребня с обороной противника в нашем исходном положении для наступления.

Генерал Толбухин сидел в сторонке, ни во что не вмешивался и как бы не обращал внимания на всю суету.

Наконец все расселись но своим местам, и командарм начал игру.

Командующий фронтом внимательно следил за игрой и вносил свои поправки. Делал он это очень спокойно и обоснованно.

Оперативной игрой и действиями участников Толбухин остался доволен.

После 15 августа начались рекогносцировки и увязка взаимодействия в звене командиров полков и комбатов, а в последние три дня до начала операции была произведена перегруппировка войск.

Корпус, передав свою оборонительную полосу правофланговой армии генерала Гагена, сосредоточился во второй эшелон армии между Кицканы и рекой Днестр.

Все рекогносцировки офицерского состава и перегруппировка войск производились в условиях тщательной маскировки, в строжайшей тайне. Противник и не подозревал, что над ним нависли грозовые тучи. Вот-вот должна была разразиться и сама гроза.

Наступило утро 20 августа. Глубоким покоем веяло над плацдармом южнее Вендоры. Из-за садов Слободзеи медленно выплывало солнце.

За несколько предыдущих ночей на плацдарм были стянуты огромные массы войск и боевой техники. Отсюда готовился по врагу мощный удар.

Командующий войсками фронта сосредоточил на плацдарме и примыкавшем к нему правом берегу Днестра три общевойсковые армии, два механизированных корпуса, свой резерв - стрелковый корпус и почти три четверти фронтовой артиллерии.

Справа, южнее и восточное Вендоры, вытянувшись вглубь в три эшелона, занимала исходное положение 57-я армия генерала Гагена. Она изготовилась к прорыву на своем левом фланге, на

узком 4-километровом участке, между Хаджимусом и Киркаештами.

В центре плацдарма, упираясь правым флангом в озеро Ботно, а левым в высоту 138,7 западнее Талмаза, сжалась на 9-километровом участке 37-я армия генерала Шарохина. В предстоящей фронтовой операции ей отводилась ведущая роль. В первом эшелоне у нее два корпуса: справа, примыкая к озеру и седлая горловину кицканского гребня, - 66-й стрелковый корпус генерала Куприянова; слева, против Леонтины, - 6-й гвардейский генерала Котова. Главный удар армии нацелен вдоль гребня па фронте в 6 километров.

82-й стрелковый корпус, которым командовал я, был сосредоточен во втором эшелоне - в садах и рощах южнее Кицканы.

Приданный армии 7-й механизированный корпус генерала Каткова расположился на правом берегу Днестра.

Слева, от Талмаза до Чобручу, на 8-километровом участке сосредоточились основные силы (два стрелковых корпуса) 46-й армии генерала Шлемина.

Таким образом, на 18 километров прорыва, равного только 7 процентам общей протяженности фронта, командующий войсками фронта сосредоточил 72 процента всех своих дивизий, около 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок и 71 процент артиллерии и минометов. Сюда же был нацелен и удар с воздуха тысячи боевых самолетов фронтовой авиации.

Огромная сила сокрушающего удара, пока еще не приведенная в действие, ничем не выдавала себя. Враг и не подозревал, что над его головой занесен меч.

Часа за полтора до начала артподготовки, когда в войсках ставились задачи сержантскому и рядовому составу, я пришел на НП командарма. Его НП и мой располагались недалеко один от другого, на гребне западнее Копанки, но генерал Шарохин приказал мне в это утро быть вместе с ним. Видимость в сторону переднего края и у меня и у него была неважной. Просматривался лишь левый сектор в направлении Леонтины и Талмаза, да и тот наполовину закрывался растительностью. Правый сектор, где сосредоточился корпус Куприянова, не просматривался совсем. Его закрывала вытянувшаяся вдоль гребня большая роща.

Нужно сказать, что на этом резко пересеченном участке трудно было организовать наблюдение и всем другим командным звеньям. Командирам корпусов, дивизий и полков приходилось располагаться на деревьях.

Недостатки в наблюдении восполнялись хорошей

маскировкой исходного положения и скрытыми к нему подходами. Юго-западное направление имело и ряд других преимуществ. Оно было доступно для всех родов войск и сразу же по выходе из межозерной горловины выводило на тактический, а затем и оперативный простор.

Шарохин волновался. Ему хотелось позвонить командирам корпусов Куприянову и Котову, а звонить было нельзя. Он сам категорически запретил это. Все переговоры до начала операции были сведены в код и теперь выражались односложными сигналами. А что могут сказать сигналы? Очень мало. К тому же, когда беспокойно на душе, хочется не сигналов, а настоящего человеческого слова.

Командарм подходил к телефонам, брался за трубку, но тут же опускал ее. "Выдержка, дорогой товарищ! Выдержка!" - так, видимо, одергивал он себя мысленно.

Перебросившись парой фраз со мной или спросив что-нибудь у адъютанта, он шел к стереотрубе и долго всматривался в оборону противника.

Утро разгоралось. Вес выше и выше поднималось солнце. Ровно в восемь воздух потряс мощный артиллерийский залп.

Начался первый огневой налет по переднему краю, ближайшей глубине, артиллерийским и минометным батареям противника.

За коротким огневым налетом последовал длительный период методического огня на разрушение, а затем снова двадцатиминутный огневой налет на подавление живой силы и огневых средств врага. Затем еще раз методический огонь и, наконец, последний огневой налет перед атакой.

Один час сорок пять минут продолжалась артиллерийская подготовка, и за это время в моих мыслях пронеслись все три года войны. Как они не похожи один на другой!

Мне вспомнился сентябрь сорок первого года, когда я впервые со своей дивизией в боях под Лужно на Северо-Западном фронте прорывал вражескую оборону. Пятнадцать орудий на километр фронта, половина боекомплекта и три часа светлого времени на подготовку - вот и все, что я имел тогда в своем распоряжении.

Я и мои боевые товарищи мечтали об артиллерийской плотности в 50 - 60 орудии. Впервые я получил се только в боях на Украине.

В начале войны и мне, и моим соседям очень часто приходилось наступать с ходу. Старшие начальники не выделяли нам положенного на подготовку времени, и трудно сказать, почему они это делали: то ли из-за опасения преждевременно

разгласить подготовку, то ли из-за неумения спланировать операцию и бой.

Материальная необеспеченность, отсутствие необходимого времени, бесплановость приводили к безуспешным боям.

Только с сорок третьего года, переломного года в войне, все резко изменилось.

Нашлось время, нашлись и средства, да и военные кадры стали другими.

Теперь у нас во фронте на восемнадцати километрах главного удара сосредоточено 4328 орудий и минометов среднего и крупного калибра, то есть создана плотность 240 стволов на один километр прорыва. О таких масштабах мы раньше не могли и мечтать!

На каждое орудие и миномет на огневых позициях выложены два боевых комплекта на день боя. Так за годы войны выросли наши материальные возможности.

Но возросла не только техническая оснащенность армии, вместе с ней поднялось на высшую ступень и советское военное искусство, сформировались советские полководцы, возросло военное мастерство офицерских кадров.

Чтобы спланировать и подготовить такую операцию, как эта, потребовалось большое умение, творческий талант военачальников, спокойствие и выдержка исполнителей.

В 9.45 плацдарм содрогнулся от мощного "ура". Началась атака, сопровождаемая огневым валом.

Перед войсками 3-го Украинского фронта стояла задача - прорвать оборонительную полосу противника, стремительно, развивая свой основной удар на запад вдоль Траянова вала{6}, выдвинуться на реку Прут и там войти в соприкосновение с войсками 2-го Украинского фронта.

Войска 2-го Украинского фронта прорывали оборону противника между реками Серет и Прут и устремлялись вперед на Васлуй и Хуши, чтобы на реке Прут в районе Леово и севернее в свою очередь соединиться с войсками 3-го Украинского фронта.

Удары наносились одновременно, в один и тот же день. По замыслу Советского Верховного Главнокомандования, эти два охватывающих удара должны были привести к окружению и разгрому всей вражеской группировки, сосредоточенной в районе Яссы, Кишинев, Вендоры.

Главный удар войск 3-го Украинского фронта пришелся по стыку 6-й немецкой и 3-й румынской армий.

В итоге первого дня операции немецко-румынский фронт был прорван в полосе шириной до 40 километров и на глубину до 10 -12 километров. Наши войска вывели из строя частично 15-ю

немецкую пехотную дивизию и почти полностью 21-ю пехотную и 4-ю горно-стрелковую румынскую дивизии и создали предпосылку для разрыва между двумя союзническими армиями.

Чтобы не допустить дальнейшего прорыва своего фронта южнее Бендеры и восстановить утраченное положение, командование 6-й немецкой армии в первый же день бросило в бой находившуюся в резерве 13-ю танковую дивизию. К исходу дня дивизия выдвинулась на рубеж Каушаны, Ермоклия, где заняла вторую полосу обороны и изготовилась для контратаки. Сюда же гитлеровцы подтягивали и пехотные резервы.

К исходу дня армия Шарохина встретила на подступах ко второй полосе ожесточенное сопротивление 13-й танковой дивизии. Опираясь на сохранившиеся опорные пункты, занимаемые подразделениями 15-й пехотной дивизии, танковые части переходили в яростные контратаки. Борьба с ними продолжалась всю ночь и утро следующего дня.

С рассветом 21 августа начался ввод в прорыв подвижной группы. Пропустив через свои боевые порядки 7-й механизированный корпус, наши дивизии двинулись вслед за ним.

Часов в десять - одиннадцать утра я приехал на северную окраину Поповки, где располагался НП командарма, чтобы доложить ему о выдвижении корпуса в прорыв. Шарохина я застал на высотке, откуда он вместе со своим командующим артиллерией наблюдал за продвижением колонн.

Командарм только что возвратился из поездки, лицо его было покрыто легким слоем дорожной пыли.

- Разрешите узнать, как дела на фронте, товарищ командующий? - спросил я у него после того, как коротко доложил о марте корпуса.

- У нас и у Шлемина хорошо, а вот Гаген топчется на месте. Отстает его левый фланг. Тормозится продвижение и правого фланга Куприянова.

- А как с немецкой танковой дивизией?

- Доколачиваем. Сейчас вступают в бой танкисты мехкорпуса Каткова. Будет легче. Слышите? Началось! Пропускают.

Вдали загрохотала артиллерия.

Это, минуя боевые порядки Куприянова и Котова, вперед на оперативный простор вырывались подвижные войска. Их проходу содействовала артиллерия.

- Задерживать не буду. Задача прежняя. Желаю успеха, - сказал мне командарм. - По выходе на простор требуйте от людей больше инициативы, смелости и дерзости. До свидания!

К исходу второго дня операции глубина прорыва на главном

направлении достигла 35 - 40 километров. Механизированные войска действовали уже впереди пехоты.

Наш корпус продолжал выдвигаться на запад, не имея соприкосновения с противником. Марш совершался по четырем маршрутам. В первом эшелоне следовали 92-я гвардейская дивизия Матвеева и 188-я стрелковая Даниленко, во втором, за правым флангом, - 28-я гвардейская Харьковская дивизия Чурмаева.

Вперед по маршруту Леонтина, Ермоклия, Токуз, Тараклия, Гура-Галбена я выслал на автотранспорте корпусной подвижный отряд в составе стрелкового батальона, артдивизиона и саперной роты.

22 августа начался отход 6-й немецкой армии. Преследуя ее, войска фронта к концу дня расширили прорыв до 130 километров по фронту и 70 километров в глубину.

Весь день 23 августа гитлеровцы продолжали отходить, не имея уже возможности закрепиться на промежуточных рубежах. Усилия гитлеровского командования сводились лишь к тому, чтобы удержать за собой переправы через реку Прут в районе Хуши и Леово. Но в этот же день обозначился уже и внутренний фронт окружения кишиневской группировки.

Подвижные войска 3-го Украинского фронта своими передовыми частями подошли к восточному берегу р. Прут на участке Леушени и повернули фронт на северо-восток, навстречу беспорядочно отступавшим вражеским колоннам.

Армия Шарохина, в том числе и наш корпус, весь день вела параллельное преследование отходивших колонн противника севернее Траянова вала. Армия Гагена овладела городом Бендеры.

День 24 августа ознаменовался крупным военно-политическим событием. На фронт пришли вести об отстранении от власти Антонеску, формировании нового румынского правительства и выходе Румынии из войны на стороне Германии. Румынские войска прекратили сопротивление.

Таковы были первые итоги блестящей победы Советской Армии между Днестром и Прутом.

Свергнув ненавистную фашистскую диктатуру и избавившись от иноземного империалистического гнета, румынский народ, руководимый Рабочей партией, повернул оружие против гитлеровцев.

24 августа войска двух фронтов соединились на переправах через Прут и завершили окружение кишиневской группировки немецко-фашистских войск. Армия Шарохина вступила в ожесточенные бои по уничтожению окруженного врага. Армия

Берзарина, правофланговая армия нашего фронта, овладела в этот день столицей Советской Молдавии - городом Кишинев.

С 24 августа и наш корпус принял участие в боях по уничтожению окруженной группировки гитлеровцев.

Выйдя на рубеж Чимишлия, Селемет и повернув направо, корпус развил наступление на север и северо-запад, наперерез отходившим вражеским колоннам. Осью наступления являлась небольшая река Кагильник и населенный пункт Гура-Галбена. Восточное реки развернулись 92-я и 28-я гвардейские дивизии, западнее - 188-я стрелковая дивизия.

Около полудня 24 августа дивизии вошли в соприкосновение с противником на всем своем двадцатикилометровом фронте севернее Траянова вала.

Упорные бои развернулись в полосе правофланговой 28-й гвардейской дивизии Чурмаева за населенный пункт Сагайдак и примыкающие к нему высоты. Здесь противник предпринял первую попытку прорвать наш фронт и выйти из окружения. Стянув сюда до пехотной дивизии и десятка полтора бронетранспортеров и танков, гитлеровцы отбросили наш гвардейский полк к югу. На помощь гвардейцам Чурмаева пришел полк из 92-й гвардейской дивизии Матвеева.

Общими усилиями гвардейцы выбили противника из Сагайдака.

До вечера на этом направлении враг предпринял шесть контратак, но все они были отражены. Разорвать кольцо и пробиться на Градешты, Чимишлию гитлеровцам так и не удалось.

Более успешно наше наступление развивалось в полосах дивизий Матвеева и Даниленко.

К вечеру части корпуса овладели пятнадцатью опорными пунктами и, продвинувшись от 10 до 20 километров, вышли на рубеж Сата-Ноу, Сагайдак, Галбеница, Гура-Галбена, Албина.

Под вечер я вместе с Муфелем прибыл к командиру 92-й гвардейской дивизии Матвееву. Два полка его дивизии, выдвинувшись на скаты высот севернее Галбеницы, были скованы огнем со стороны Митрополита и Драскеря. Третий полк еще вел бой за Сагайдак. Штаб дивизии расположился в Галбенице, в глубоком овраге.

Вместе с Матвеевым и его командующим артиллерией я поехал к передовым подразделениям на безыменную высотку между Галбеницей и Гура-Галбеной. С высотки хорошо было видно, как от Резены на юг в направлении Сагайдака тянулся нескончаемый поток отходящих вражеских колонн. Но путь на Сагайдак, Чи-мишлию был для них закрыт, и поэтому, выйдя на

рубеж железнодорожной станции Злота, колонны поворачивали строго на запад,

Из Липовеня дорога вела на Гура-Галбену, которую занимал передовой отряд корпуса. Колонны неминуемо должны были выйти туда. Расстояние от нашего НП до них достигало пяти километров. Вести артогонь не имело смысла, да и снарядов у нас было не так-то много. Меня беспокоило другое.

Когда мы наблюдали за колоннами, из лесочка между Митрополитом и Драскерью вынырнули два вражеских танка и три бронетранспортера. Подойдя к своей залегшей пехоте, которая сдерживала наше наступление, они остановились и стали наблюдать. Затем танки сделали по два выстрела. Пехота с бронетранспортеров огня не открывала. Молчала и наша пехота.

Постояв еще немного, танки н бронетранспортеры повернули обратно в лесок.

- Разведка, - сказал Муфель.

- Пронюхала, - добавил Матвеев. - Надо смотреть в оба.

Продолжать активные действия ночью я не предполагал. Наступление должно было начаться с утра, а ночь предоставлялась дивизиям на подтягивание артиллерии, тылов и органов управления, на перегруппировку и закрепление захваченного.

Один из своих полков, действовавших в полосе 28-й гвардейской дивизии Чурмаева, Матвеев должен был подтянуть к Галбенице во второй эшелон.

Сначала я думал, что и противник не предпримет активных ночных действий. Однако упорные дневные бои за Сагайдак, настойчивое стремление гитлеровцев разорвать кольцо окружения, движение больших колонн и, наконец, вечерняя разведка убедили меня в обратном.

Не обстрелянная нами разведка спокойно отошла к своим частям и, конечно, донесет, что у нас на этом направлении пусто или почти пусто. Гитлеровцы обязательно попытаются воспользоваться этим для ночного наступления, в первую очередь в полосе Матвеева на Галбеницу и далее на юг - на Чимишлию.

Я приказал Матвееву принять срочные меры для ночной обороны, ориентировать на бой штабы, закопать пехоту, подтянуть на прямую наводку артиллерию и ни в коем случае не допустить прорыва. Заскочив на обратном пути в штаб дивизии, я сказал об этом и наштадиву полковнику Леонтьеву толковому, распорядительному офицеру.

Только я возвратился на командный пункт, как раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал тревожный голос: "Говорят с "Вулкана"... У нас беда... Танки..." - и разговор

прервался, "Вулкан" - позывные штаба Матвеева. Значит, в Галбеницу внезапно ворвались танки. Противник начал прорыв в первой половине ночи, когда дивизия еще не закончила подготовку к его отражению.

Я вышел на улицу. Изредка с севера доносились глухие одиночные артиллерийские выстрелы. В Галбенице шел бой.

Через некоторое время стали поступать донесения от Чурмаева и из передового отряда. Гитлеровцы, прорываясь к югу, атаковали Сагайдак и Гура-Галбену, Все пути из Сагайдака, Галбеницы и Гура-Галбены через Траянов вал соединялись у Градешты, в десяти километрах севернее Чимишлии. Именно сюда враг и нацелил свой удар. Необходимо было срочно закрыть этот важный тактический узел. В Градешты надо было выслать сильный отряд прикрытия, а у меня резерва под рукой не оказалось. Взять что-либо в темную ночь из состава дивизий, когда они уже были скованы боем, также не представлялось возможным.

Позвонил командарму. Выслушав меня, Шарохин сказал:

- Да, положение серьезное! Не проморгайте! Учтите опыт под Раздельной.

- Все учту, только, если сможете, помогите, - попросил я.

- Помогу. Отдам последнее. Не теряйте времени и почаще звоните.

Через час в моем распоряжении уже был танко-самоходный полк и стрелковый батальон, снятые командармом с обороны своего командного пункта. Этот отряд я и выслал в Градешты.

Ночь тянулась мучительно долго. К рассвету гитлеровцы овладели Сагайдаком и захватили Гура-Галбену, оттеснив наш передовой отряд на южную окраину.

Обстановка осложнялась.

Из Галбеницы сведений по-прежнему не поступало. Связь штаба корпуса со штабом 92-й гвардейской дивизии была нарушена. Я терялся в догадках.

Обстановка прояснилась с первыми лучами солнца. Сначала раздался звонок из 28-й гвардейской Харьковской.

- Докладывает Чурмаев. Противник воспользовался выходом матвеевского полка из боя и в третий раз ворвался в Сагайдак. К Сагайдаку я за ночь подтянул весь артполк. Принимаю меры, чтобы восстановить положение. Через час - полтора начну атаку,

- Сколько перед вами гитлеровцев?

- У Сагайдака до дивизии, но, видимо, из разных частей.

- Почему вы так думаете?

- Нет у них согласованности. Бой развивается отдельными очагами: в одном месте дерутся, в другом - молчат, потом, когда в

первом уже выдохлись, во втором только начинают.

- С началом атаки не торопитесь, - предупредил я комдива. - Хорошенько изучите обстановку, а потом уж ударьте наверняка.

- Как там дела у Матвеева? - поинтересовался Чурмаев. - У меня с ним всю ночь не было связи.

- К сожалению, не было и у меня...

Минут через десять прибыл с подробным донесением нарочный из передового отряда. Гура-Галбену заняла вражеская колонна численностью около тысячи человек с артиллерией и минометами.

Передовой отряд не смог сдержать натиск противника, имевшего пяти шестикратное численное превосходство, и вынужден был отойти на южную окраину.

Наконец в связь со штабом корпуса вошел начальник штаба 92-й гвардейской дивизии Леонтьев. Из его доклада стало известно следующее. В полосу дивизии на узком фронте вклинилось до четырех полков пехоты и сорок бронеединиц. Был смят один из полков дивизии, погиб командир полка. Гитлеровцы заняли Галбеницу и проникли южнее. К утру дивизия оказалась рассеченной на две части: ее большая часть и штаб находились в двух километрах южнее и юго-восточнее Галбеницы, остальные силы - между Галбеницей и Гура-Галбеной.

Матвеева контратака застала на его НП. Войти с комдивом в связь штабу не удалось, и, где он находится теперь, наштадив не знал.

Получив эти сведения, я немедленно выехал к Леонтьеву. Со мной поехали Пащенко, Муфель и начальник оперативного отдела. Следом за нами двинулся и резерв командарма, располагавшийся ночью у Градешты.

Штаб дивизии мы нашли в отроге глубокого танконедоступного оврага. Штаб уже связался со всеми своими частями и уверенно управлял ими. Неподалеку на огневых позициях стояли два артиллерийских дивизиона.

Леонтьев очень обрадовался нашему приезду и горячо благодарил за танкосамоходный полк с десантом пехоты.

- Ну расскажите, как все произошло? - спросил я у начштаба.

- Это случилось вскоре после вашего отъезда, буквально часа через полтора - два, - начал Леонтьев. - Мы только что поужинали. Комдив выехал на НП, а я стал проверять готовность полков. И вдруг... с десяток артвыстрелов, автоматная трескотня, разрывы ручных гранат - у нас под окном очутились танки. Через передовую они проскочили на полном ходу. За ними наступала пехота.

- А как же пропустил их ваш полк?

- Полк дрался. Вел огонь. Но что он мог сделать, когда навалилась такая масса? Темно, ничего не разберешь. Командир полка с группой офицеров пытался восстановить положение... Все они погибли. Слишком неравными оказались силы.

- Что же было со штабом? Почему всю ночь отсутствовала связь?

- Нападение оказалось внезапным и для штаба. Правда, вы предупредили нас, и мы ожидали нападения, но ожидали позднее и не такой силы. Появление танков нарушило управление. Штаб понес потери и в людях и в средствах связи. Выскочив из деревни в овраг, а потом взобравшись на крутой берег, командиры штаба всю ночь вели бой как строевое подразделение. Радиостанцию из занятой противником Галбеницы нам удалось отбить только к утру.

- Ну, а где же комдив?

Леонтьев пожал плечами.

- Связи с полковником нет.

Пока я уточнял обстановку, отыскался и Матвеев. Он связался со своим штабом через командный пункт Даниленко. Его личная рация вышла из строя, а сам он оказался в полосе соседа.

Вынужденную потерю управления я Леонтьеву в вину не ставил. Он и на этот раз, попав со штабом в тяжелые условия, вышел из них с честью. Но Матвеева я отругал. В предвидении ночной контратаки ему не следовало отрываться от своего штаба. Личное управление с наблюдательного пункта имело большое значение днем, а ночью оно теряло всякий смысл. Выехав туда, комдив поставил под угрозу самого себя, свой штаб и все управление частями дивизии,

Утром гитлеровцы пытались развить успех на всех трех направлениях, где им за ночь удалось вклиниться, но всюду их продвижение было приостановлено. Мы отразили более десяти контратак, а во второй половине дня корпус сам перешел в наступление.

Дивизия Чурмаева, прикрывшись с фронта, атаковала в обход Сагайдака, отрезая противнику пути отхода на север. По выполнении своей задачи она должна была содействовать Матвееву ударом на Галбеницу с востока.

Дивизия Матвеева наносила концентрический удар, обходя Галбеницу с востока и запада, имея целью окружить и уничтожить вклинившуюся группировку врага.

Дивизия Даниленко выдвигалась к дороге из Гура-Галбены на запад с задачей закрыть гитлеровцам и этот, единственный для них, путь отхода.

Гвардейские дивизии, действуя решительно, окружили

вражеские части в Сагайдаке и Галбенице и вынудили их после трехчасового боя сложить оружие. Наши войска взяли в плен около 2 тыс. солдат и офицеров.

188-я стрелковая дивизия, встретив сильный огонь и ожесточенные контратаки со стороны Гура-Галбены, из Албины и с высот севернее Каракуй, перерезать дорогу не смогла.

Каковы же были боевые итоги дня? Попытки гитлеровцев прорвать на нашем участке кольцо окружения потерпели крах. Мы выиграли бой.

Хотя к северу от нас, на рубеже Резены, Липовень, Сарата Галбена, оставалась крупная вражеская группировка, она все больше и больше отодвигалась к западу. Ближайшие к нам колонны, прикрываясь развернутой пехотой, танками и артиллерией, тянулись по дороге из Липовеня на Гура-Галбену, Албину и далее к реке Прут.

В этот вечер я решил ночной атакой гвардейских дивизий прежде всего разделаться с Гура-Галбеной. Через этот пункт пролегала самая лучшая дорога, а протекающие здесь реки Тапьина и Кагильник имели проходимые для артиллерии и обозов мосты. В обход севернее можно было двигаться только необорудованными и малодоступными колонными путями. Поэтому так и нужна была гитлеровцам Гура-Галбена. За нее они держались крепче, чем за другие населенные пункты. День 26 августа явился для корпуса третьим и последним днем боев по уничтожению противника в районах Гура-Галбена, Албина и в лесах восточнее Каракуй и Сарата Галбена.

Всего за три дня войска корпуса уничтожили 14 тыс. и взяли в плен около 4 тыс. немецких солдат и офицеров, а также захватили большие трофеи.

Таково было наше участие в Ясско-Кишиневской операции - одной из наиболее крупных операций Великой Отечественной войны.

Трехдневные бои корпуса показали, что наиболее выгодным способом отражения атак крупных сил противника, пытающихся вырваться из окружения, является отражение их огнем с места на заблаговременно занятых и тактически выгодных рубежах. Как и на днепровском плацдарме, мы опять особое внимание уделяли тщательной организации противотанковой обороны. Контратакующего врага сначала обескровливали огнем орудий прямой наводки, танков и САУ, а затем добивали решительными атаками пехоты. Интересны были и ночные действия.

Для 37-й армии, в состав которой входил наш корпус, эта операция явилась поистине лебединой песней: армии уже больше не пришлось участвовать в крупных операциях. После 26 августа

она была переброшена для развития наступления в глубь Румынии и к границам Болгарии.

За рубежом

1 сентября в небольшом молдавском городке Комрат собрались на совещание командиры корпусов, дивизий, начальники политорганов, командующие артиллерией, заместители по тылу, офицеры и генералы штаба армии.

В маленьком зале, заполненном до отказа, за столом президиума командующий армией генерал-лейтенант Шарохин, члены Военного совета генерал-майоры Шабанов и Сосновиков. Настроение у всех праздничное.

Ровно в 12 часов дня командарм открывает совещание. В краткой вступительной речи Шарохин отмечает стратегическое и военно-политическое значение Ясско-Кишиневской операции, в ходе которой советские войска окружили и уничтожили 22 немецкие дивизии. Это - поистине еще один Сталинград.

- Мы с вами, товарищи, - говорит Шарохин, - свой воинский долг в этой операции выполнили с честью. Наша армия действовала на главном направлении фронта и нанесла огромный ущерб врагу. Только в плен она взяла свыше тридцати восьми тысяч немецких солдат и офицеров. Захвачены большие трофеи, сотни танков и бронетранспортеров, сотни орудий и минометов, сотни исправных автомашин, тысячи лошадей, много пехотного оружия. Отличные действия армии в операции отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего. Тысячи отличившихся в боях солдат, сержантов, офицеров и генералов удостоены правительственных наград.

После вступительной речи Шарохин вручил группе старших офицеров и генералов ордена. В числе их были наши командиры дивизий и начальники политорганов. Награжденных от души поздравляли, обнимали.

После вручения орденов Шарохин ознакомил нас с новыми задачами, которые поставил перед армией Военный совет фронта.

Армии предстояло переправиться, на правый берег Дуная, совершить 200-километровый марш по Румынской Добрудже и выйти к границам Болгарии.

- Надо повысить организованность и дисциплину в войсках, - сказал Шарохин, - не допускать беспечности, не терять управления, как потерял его полковник Матвеев в боях за Галбеницу. Дрался он рядом с Даниленко. Даниленко захватил в плен двух немецких генералов, а Матвеев, потеряв управление, сам мог угодить в плен.

При упоминании фамилии наши комдивы, как полагается в таких случаях, встали, и взоры всех невольно обратились к ним,

Матвеев стоял потупившись. Зато Даниленко так и расплылся от похвалы.

Командарм жестом разрешил им сесть и продолжал:

- Нельзя допускать отставания артиллерии от боевых порядков; все передвижения надо производить с мерами охранения. Впереди - Балканы. Заранее готовьте войска к действиям в горных условиях.

После командующего выступил член Военного совета генерал Шабанов.

- За эти десять дней произошло крупное политическое событие, - сказал он. - В результате победоносного наступления советских войск освобождена от фашистской оккупации Советская Молдавия и выведена из войны союзница Германии - Румыния. Гитлеровская Германия лишилась своего сателлита, располагавшего значительной армией, крупными продовольственными и сырьевыми ресурсами, особенно нефтью. Теперь военные и экономические возможности фашистской Германии резко сократились. Еще несколько таких ударов, и она останется в одиночестве. И чем скорее последуют эти удары, тем ближе будет победа.

Очередная наша задача - вывести из вражеского блока прогитлеровскую Болгарию.

Путь к болгарским границам пролегает через Румынию. Через два - три дня войска армии вступят на территорию Румынии. Мы не собираемся менять ни общественного, ни экономического строя в Румынии, это дело самих румын, мы только хотим, чтобы ее политический строй содействовал Советской Армии в разгроме фашизма. Мы вступаем на территорию Румынии как высоко организованная, культурная вооруженная сила, несущая освобождение народам Европы от немецкого фашизма.

Шабанов призвал всех к бдительности, полной боеготовности.

Второй член Военного совета генерал Сосновиков говорил о материальном обеспечении войск. Необходимо, учитывая горные условия Балкан, часть артиллерии оставить на конной тяге, в каждой дивизии сформировать дополнительно по одной роте подвоза из сорока парных повозок. Сосновиков потребовал от командиров соединений и начальников политорганов бережного расходования материальных ресурсов.

Таким образом, мы получили указания по всем вопросам сразу: военным, политическим, хозяйственным. Это было для участников совещания новым, непривычным, мало похожим на подготовку к прошлым боям.

Возвращались мы с совещания уже в новый район, За день

наши части передвинулись к югу и вышли на границу Молдавской АССР с Измаильской областью.

Со мной в машине ехал начальник политотдела.

- Все замечательно, только Матвеев немного подвел, - посмеиваясь, сказал Пащенко. - Командующий все-таки не стерпел и уколол его.

- Не только его, а и нас с вами. И по заслугам! Обходить и замазывать промахи не следует. Вспомни, как мы переволновались в ту ночь! А разве командующий не переволновался? Что произошло, если бы гитлеровцы прорвались на Чимишлию и выскочили на наши штабы и тылы? Чем бы мы закрыли прорыв?

- Да, это верно, - согласился Пащенко...

Остаток дня и последнюю ночь в освобожденной Молдавии штаб корпуса провел в большом торговом селе. Это село оказалось в стороне от грозных событий войны, сохранилось целехоцьким и утопало в зелени садов.

На другой день с раннего утра корпус уже находился на марше. Походные колонны спешили к берегам Дуная. В голове шла гвардейская дивизия Матвеева. После ночного отдыха гвардейцы шли размашисто, по-походному. Над колонной звенела строевая песня.

От Матвеева я вместе с подошедшей оперативной группой штаба выехал в Измаил, к месту корпусной переправы.

Переправа предстояла сложная, через оба русла Дуная. Сначала войска должны были переправиться через Северный Килийский рукав на большой остров, а затем, сделав по острову пятнадцатикилометровый переход, выйти к южному рукаву и переправиться в Тульчу.

Из Измаила в Тульчу можно попасть и водным путем, обогнув западный берег острова, но на это требуется и больше времени и больше переправочных средств.

Измаил встретил нас тишиной. Беленькие одноэтажные и двухэтажные домики и пышная южная растительность напоминали маленькие курортные городки довоенных лет.

В речном порту было безлюдно. У причалов стояли старые негодные баржи.

Войска подходили, а переправу для них предстояло еще оборудовать. Подготовку ее я поручил своему штабу.

Меня неудержимо потянуло в другой, древний Измаил - старую турецкую крепость, расположенную вблизи города.

И вот я уже на заросшем бурьяном, когда-то грозном крепостном валу, приткнувшемся к крутому берегу Дуная. Много веков пережила эта крепость, которую победоносно штурмовали в

1790 году суворовские чудо-богатыри. Теперь от нее сохранились лишь руины.

Я стоял на крутом восточном фасе крепости и с благоговением смотрел на голубую водную гладь Дуная, на зеленый остров, где когда-то находились суворовские батареи, на обвалившийся и заросший травой крепостной вал и ров. В этом месте крепость штурмовала колонна Кутузова. "Он был на левом фланге моей правой рукой", - с восхищением отзывался Суворов о Кутузове и в знак особого уважения и доверия к нему назначил его комендантом крепости.

А теперь над залитыми солнечным светом руинами царила тишина...

За ночь были произведены все подготовительные работы, и утром 3 сентября переправа началась. Из города лился поток людей, машин, артиллерийских запряжек, повозок. Все это погружалось на баржи и тянулось буксирами на противоположный берег. Через несколько часов оживление перекинулось к южному руслу Дуная под Тульчей. Между этими двумя переправами, связывая их в единое целое, протянулась через остров нескончаемая живая лента.

Вскоре победоносные войска 3-го Украинского фронта заполнили Румынскую Добруджу. По основной магистрали от Тульчи на Бабадаг, Констанцу и далее к болгарской границе, расстегнув воротники выцветших за лето гимнастерок, шагали пехотинцы, а в промежутках между пехотными колоннами следовали артиллерия и танки. Веселый говор, шутки, смех и песни не умолкали на дорогах ни днем ни ночью.

5 сентября Советское правительство направило профашистскому правительству Болгарии ноту, в которой объявило о состоянии войны между Советским Союзом и Болгарией.

Спустя два дня, вечером 7 сентября, колонны корпуса, совершив за пять дней 200-километровый марш, подошли вплотную к болгарской границе, а утром 8 сентября по приказу Советского правительства вместе с другими войсками пересекли румыно-болгарскую границу и вступили на территорию Болгарии.

9 сентября в Болгарии произошло народное восстание. Болгарские трудящиеся под руководством Болгарской коммунистической партии свергли реакционную власть и создали правительство Отечественного фронта.

День 9 сентября стал для болгарского народа всенародным праздником днем рождения новой Болгарии, которая порвала отношения с гитлеровской Германией и объявила ей войну.

Нет слов, чтобы передать ликование болгарского народа,

освобожденного Советской Армией от фашистского ига. Трудящиеся Болгарии встречали наши войска и хлебом и солью, и всюду слышалось дружеское приветствие: "Добре дошли!" - "Добро пожаловать!"

Политическое управление 3-го Украинского фронта выпустило в эти дни специальную листовку. В ней, в частности, говорилось:

"...Имя Советского Союза, имя России - для болгар и повсюду - великое, священное имя. Звание воина Красной Армии - высокое, почетное звание. Ты окружен любовью и уважением народа как воин-освободитель.

Высоко неси это почетное звание советского воина! Помни, что, кроме миллионов друзей, кругом есть и враги, которые используют каждую твою ошибку, каждый неправильный поступок во вред нашей Родине и Красной Армии, во вред тебе.

Храни военную тайну! Будь везде дисциплинирован, культурен, подтянут!..

Пусть везде, где пройдет Красная Армия, уничтожая врагов человечества - гитлеровцев и освобождая порабощенные ими народы, навсегда останется в сердцах миллионов людей глубокая благодарность, любовь и уважение к тебе товарищ боец, сержант и офицер!"

И советский воин с честью пронес по Болгарии знамя своей армии армии-освободительницы.

К 25 сентября соединения корпуса перевалили через восточные отроги Балканского хребта и сосредоточились в новых районах южнее железнодорожной линии Сливен - Бургас.

Па корпус было возложено наблюдение за безопасностью юго-восточной границы Болгарии.

К этому же времени войска фронта полностью очистили болгарскую территорию от немецко-фашистских войск.

Командование фронта, оставив в юго-восточной Болгарии в качестве прикрытия армию генерала Шарохина, свои главные силы сосредоточило в северо-западной части Болгарии и готовилось к освободительному походу в Югославию.

В подчинение комфронта вошли и болгарские войска, которые развернулись на болгарско-югославской границе южнее советских войск,

Пока части корпуса устраивались на лагерных стоянках, приводили в порядок материальную часть и приступали к боевой подготовке, я занимался рекогносцировкой болгаро-турецкой границы.

Хорошо запомнились мне долина реки Тунджи и дорога к границе, а от границы - к турецкому городу Эдирне

(Адрианополю), когда-то сильнейшей крепости.

Как-то я вместе с болгарским поручиком пограничных войск взобрался на холм вблизи границы. Адрианополь четко выделялся на горизонте своими высокими минаретами. Равнина скрадывала расстояние, и он казался гораздо ближе, чем был на самом деле.

- Знаете, за последнее время на границе стало совсем тихо. Все замерло, - сказал поручик.

- Почему? - спросил я.

- Потому, что вы пришли. Если бы вы знали, как перепугались турки! Граница опустела.

- Значит, помнят русских!

- О-о! Еще как! - восторженно засмеялся офицер. Поручик свободно, почти без акцента, говорил по-русски. - У нас подавляющее число офицеров знают русский язык, - сказал он мне. - Все мы много читаем русскую и советскую литературу, знаем Толстого, Тургенева, Горького, Шолохова. Понимаем буквально все, мало было только разговорной практики. Ну, ничего! Теперь и практика будет, - улыбнулся он.

После ознакомления с сухопутной болгаро-турецкой границей я перебрался на морскую. Начал я с севера, с Варны.

Варна - крупнейший порт и превосходный курорт - болгарская жемчужина Черного моря. От моря и пляжа его отделяет вытянувшийся вдоль берега Приморский парк с тенистыми аллеями и яркими цветочными клумбами.

К концу сентября, когда сопротивление профашистской реакции в стране было сломлено и новая народная власть Отечественного фронта уже твердо стала на ноги, трудовая жизнь города вошла в строгое и по-военному суровое русло. Все было подчинено напряженной борьбе с заклятым врагом - немецким фашизмом.

На лесистом побережье севернее Варны располагалась бригада морской пехоты. Она была десантирована кораблями Черноморского флота и вступила в город вместе с передовыми частями сухопутных войск.

Военный совет армии сначала поручил мне войти с ней в связь и наладить взаимодействие, затем подчинил ее мне и, наконец, приказал расформировать. Имевшуюся в бригаде небольшую прослойку морских специалистов я направил на флот, а остальной состав обратил на доукомплектование частей корпуса.

Второй морской порт Болгарии-Бургас, опрятный, красивый городок. Он расположен южнее Варны, на низком берегу Бургасского залива, самого крупного на всем черноморском побережье Болгарии. С Варной он связывается хорошим шоссе,

пересекающим восточные отроги Балкан, а с центром страны - железной и шоссейной дорогами.

На южном берегу Бургасского залива располагалась гвардейская дивизия Матвеева. Ее войсковые части построили шалаши и навесы и, защитив себя от дождей и солнца, принялись за боевую и политическую подготовку. Но людей не радовали ни южное солнце, ни тишина, ни чудесный вид на взморье.

- Неудобно как-то, товарищ генерал, - говорили мне бойцы. - Другие воюют, а мы словно на курорт приехали. Непривычны мы к этому,

Но время и новые задачи брали свое. С утра и до вечера люди лазали по предгорью, перебегали, стреляли, а в промежутках между занятиями занимались спортом. Дни загружались до отказа. Ведь в любую минуту соединение могли поднять по тревоге и снова отправить на фронт.

В Карнобате, маленьком тихом городке, кроме управления корпуса, размещались корпусные части: связисты, саперы, артиллеристы.

Отношение местного населения к советским воинам всюду было самое радушное, дружеское.

* * *

Шипка! Это символ освобождения болгарского народа от турецкого ига, это вместе с тем величайший памятник русской доблести и славы.

Каждому из нас, конечно, хотелось побывать на Шипке и посмотреть на все своими глазами. Поэтому мы организовали туда несколько экскурсий.

Высота Шипки - 1329 метров. На голой каменистой вершине, носившей ранее имя святого Николая (теперь ей присвоено имя командира болгарских дружин русского генерала Столетова), болгарский народ воздвиг величественный памятник. Видимая издалека со всех сторон, стоит четырехугольная, чуть-чуть суживающаяся кверху 34-метровая каменная башня с открытой наверху площадкой. На ее фасаде огромный лев - эмблема освобожденной Болгарии, сбоку крупная надпись "Шипка".

Рядом с башней, обратив свои жерла в сторону южных скатов, откуда атаковали турки, стоят пушки и митральезы. Чуть пониже, на восточных склонах, еще несколько памятников-обелисков.

С верхней площадки открывается чудесный вид. На восток, на запад и на север идут складки гор, а на юге цветистым ковром стелется Казанлыкская долина - долина роз, фруктовых садов и виноградников.

У самого подножия хребта, откуда начинает виться дорога на перевал, раскинулось селение Шипка. Здесь в тенистом парке

воздвигнут еще один памятник воинам, павшим в боях за Шипку. Это красивейший, многоглавый с позолоченными куполами храм, сооруженный на пожертвования, собранные в России.

На Шипку я впервые поднялся в половине октября. вскоре после прибытия советских войск в Болгарию. В этот день состоялась торжественная церемония установления мраморной мемориальной доски на одном из памятников-обелисков. Эту торжественную церемонию от имени Военного совета 3-го Украинского фронта проводил Военный совет нашей армии.

На Шипку прибыли лучшие воины армии, офицеры армейского управления, командиры корпусов. На восточном склоне горы, фронтом к памятнику, неподвижно замерли строгие ряды почетного караула. На правом фланге колышутся боевые знамена, сверкают трубы оркестра.

День выдался пасмурный и ветреный. Погода подчеркивала суровость скалистых гор, еще больше оттеняла торжественность церемонии.

Под звуки Гимна Советского Союза к монументу подошли генералы и старшие офицеры и, открыв затянутую полотнищем мемориальную доску, прикрепленную к памятнику, возложили венки.

Командующий армией Шарохин произнес речь. Он говорил о немеркнущей славе героических предков и о доблести потомков, умноживших эту славу.

Горное эхо далеко разнесло громовой пятикратный салют. Стоявшие у монумента обнажили головы и преклонили колена.

На мраморной доске, увенчанной пятиконечной звездой, высечена фигура советского воина с винтовкой у ноги и отливает позолотой надпись: "1877-1944, сентябрь

Героям Шипки

От имени частей 3-го Украинского фронта победоносной Красной Армии

Вдали от русской матери-земли
Здесь пали вы за честь Отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.
Стояли вы незыблемей скалы.
Без страха шли на бой святой и правый.
Спокойно спите, русские орлы,
Потомки чтут и множат вашу славу!
Отчизна нам безмерно дорога,
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтоб уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу!"

Торжественным маршем прошла перед памятником колонна почетного караула. И еще раз прославленная навеки Шипка огласилась победоносным русским "ура".

Незабываемые, волнующие минуты! Они и сейчас свежи в моей памяти, словно это было вчера.

30 октября мне пришлось побывать на Шипке вторично. Произошло это неожиданно в связи с тем, что Михаил Николаевич Шарохин был назначен командующим другой армией, которая вела бои на правом крыле фронта, у южных границ Венгрии.

Известие об уходе командарма очень расстроило меня. Опечалило оно всех, кто прослужил с ним вместе долгое время и сумел оценить его и как талантливого военачальника, и как старшего боевого товарища.

Провожали командарма его ближайшие соратники: члены Военного совета армии, начальник штаба, начальник политотдела, начальники родов войск и служб, командиры корпусов.

На Шипкинском перевале, как того пожелал командарм, и состоялось наше расставание. На этот раз день был чудесный: яркий, тихий. Оставив машины на площадке перевала, мы поднялись на вершину горы, к памятнику-башне, а затем и на саму башню. Стояли молча, любуясь видом, открывшимся с высоты.

- Вы провожать меня прибыли или на похороны? - шутливо спросил Шарохин, прерывая молчание.

- Мы из уважения к начальству, - в тон ему шутит Шабанов.

На восточном скате на зеленой лужайке был организован завтрак.

Со смехом и шутками уселись мы вокруг белой скатерти.

- Свыше года пробыл среди нас Михаил Николаевич. Большой боевой путь прошли мы вместе, - сказал на прощание Шабанов. - Пришло время расставаться. Но не будем грустить! Лучше пожелаем ему новых боевых успехов. Итак, за здоровье нашего старого, боевого друга и замечательного командующего!

Шарохин в ответ поблагодарил всех за верность долгу и боевую дружбу, а затем, растроганный до слез, расцеловался с каждым.

...Вскоре с полей Венгрии к нам в Болгарию долетели радостные вести. Наши добрые пожелания своему командующему сбылись. Новая армия, которой он теперь командовал, отличилась в боях у озера Балатон. За успешные боевые действия Советское правительство присвоило М. Н. Шарохину звание Героя Советского Союза и воинское звание генерал-полковника. От всей

души мы поздравили его с этой заслуженной наградой.

* * *

В конце ноября части корпуса, не прерывая плановой учебы, перешли на казарменное положение. Жить в легких землянках и шалашах поздней осенью стало несносно: сначала заливали дожди, потом начались заморозки.

Местные болгарские власти пошли нам навстречу, и мы вскоре оказались в обжитых казармах. Правда, было тесновато, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

92-я гвардейская дивизия Матвеева перебралась с берега моря в Бургас, 28-я гвардейская Чурмаева - в Ямбол, а управление корпуса, корпусные части и 188-я стрелковая Даниленко - в Сливен. Армейское управление из Сливена переехало в Софию.

Сливен славился своими горячими лечебными источниками, расположенными в трех - четырех километрах от города. Местные власти забронировали для наших войск на водах несколько постоянных номеров. Туда посылали мы на недельный отдых в качестве поощрения своих лучших воинов - отличников боевой и политической подготовки.

Ямбол расположен в 20 километрах юго-восточпее Сливеиа. Оба города связаны хорошей шоссейной дорогой. Дислокация корпуса очень удачна.

С наступлением зимы внимание командования соединений и частей еще в большей мере, чем осенью, сосредоточилось на качестве боевой и политической подготовки.

На первое место среди воинских частей к началу нового года вышел 282-й гвардейский полк полковника В. Е. Студеникина, на второе - 86-й гвардейский полк подполковника Н. Ф. Кравченко.

Зима пролетела незаметно, а весной фашистская Германия капитулировала. Эта радостная весть застала меня в Софии, где я вместе со своим заместителем по тылу полковником Варкалном находился на армейском совещании. Здесь подводились итоги зимнего периода, разбирались вопросы о подготовке частей к выходу в лагеря.

Не трудно представить, с каким чувством мы уезжали с совещания. Наконец-то свершилось то, к чему мы все так долго стремились и о чем так долго мечтали! Сколько пережито горя и мучений, сколько пролито слез и крови за долгие годы войны! И вот фашистская гидра задушена. Война в Европе закончилась.

Не спала в эту ночь София. Ее парки и улицы заполнили ликующие толпы народа. Не утихало радио. Взявшись за руки и напевая, люди шли на площадь в центр города.

Не спали озаренные ночными огнями и другие города Болгарии, через которые мы проезжали.

- Что ж, товарищ генерал, позади у нас с вами еще одна война, - после длительного молчания сказал мне Роберт Фрицевич.

- Да. У меня по счету третья. А у вас?

- Третья и у меня,

- Пережить три войны - не шутка! Тяжеловато досталось нашему поколению. Половина времени, что мы сознательно живем с вами, ушла на войны.

Открытая машина плавно катилась по шоссе, над головой мерцали звезды, легкий ветерок обдувал наши лица.

В Сливен мы приехали ранним утром.

Обычно жизнь в каждом болгарском городе начинается рано: в четыре пять часов на ногах половина жителей города. А в это утро на ногах был уже весь город. Никто не ложился спать прошлую ночь. У дверей и подъездов вывешивались государственные флаги, поперек улиц натягивались кумачовые полотнища со здравицами в честь Советской Армии и в честь болгарского правительства Отечественного фронта. На улицах и площадях собиралось население со знаменами и плакатами для участия в городской демонстрации, посвященной Дню Победы.

Всюду объятия, поцелуи, возгласы: "Братушки!", "Дружба!", "Мир!", "Победа!"

Царило оживление и у нас в штабе. Готовились митинги по всем нашим дивизиям и корпусным частям.

Незабываемый День Победы! Мне в этот день пришлось побывать во всех гарнизонах, на многих городских митингах и праздничных вечерах, заглянуть по пути в Бургас и Ямбол и в некоторые болгарские села. К вечеру я совершенно выбился из сил и устал не менее, чем уставал бывало в напряженном бою. Но усталость эта была другая - приятная, радостная.

Лето стояло жаркое. Жара выгнала войска на берег моря и в горы. Во второй половине мая дивизии вышли в лагеря: гвардейская Матвеева - на свое старое место, на южный берег Бургасского залива, гвардейская Чурмаева и стрелковая Анциферова (вместо полковника Даниленко, который недавно уехал учиться в военную академию, дивизией командовал теперь генерал-майор Иван Иванович Анциферов) - на Балканы.

Корпусные части разместились лагерем неподалеку от Сливена. Лагерная жизнь текла своим чередом.

92-я гвардейская дивизия торжественно отметила присвоение своему командиру Митрофану Ильичу Матвееву генеральского звания.

Хорошо шли дела в 188-й стрелковой дивизии. Генерал Анциферов, переживший многое на своем веку, оказался опытным

и знающим дело командиром.

И вдруг в конце июля - срочный вызов в Софию. В штабе армии меня принял новый командарм - генерал-полковник С. С. Бирюзов.

- По распоряжению маршала Толбухина ваш корпус выходит из состава армии и убывает в Румынию, - сказал он мне.

Через полтора суток войска корпуса шагали уже по Балканам, пересекли их вторично, теперь уже с юга на север, и следовали в Румынскую Добруджу. На правом фланге, ближе к Черноморскому побережью, шла своим прежним маршрутом дивизия генерала Матвеева, впереди - полк Студеникина. Гвардейцы покидали дружественную Болгарию и спешили ближе к границам родной страны, по которой они сильно истосковались. Свои горячие чувства к Родине они вкладывали в песню:

Хороша страна Болгария,

А Россия лучше всех!

Отчий дом манил к себе неудержимо.

Вторым маршрутом двигалась гвардейская дивизия Чурмаева и стрелковая Анциферова. Они пересекали Балканы западнее.

Хорошо запомнилась мне последняя ночь, которую я провел в маленькой болгарской деревушке у подножия гор, где располагался в то время наш штаб.

Весь день и вечер я пробыл на маршрутах, пропускал части и устраивал их на ночлег. Побывал во всех дивизиях и возвратился к себе в штаб во втором часу ночи. Для сна оставалось четыре часа: в шесть утра войска выступали. Придя в дом, отведенный для меня, я попросил у ординарца умыться.

Каково же было мое удивление, когда на мой голос из другой половины хаты вышел сам хозяин с кувшином воды и кружкой, за хозяином шла хозяйка с чистым полотенцем, из дверей выглядывали двое малышей.

Поздоровавшись, я спросил, почему они не спят в такое позднее время.

- Успеем, выспимся. Нам спешить некуда, мы в поход не идем, - ответил хозяин и стал поливать мне на руки. Это был крепкий мужчина лет тридцати пяти с загорелым лицом. Одет он был в белую праздничную рубаху с широким красным кушаком и широченные, суживающиеся книзу и обтягивающие голень брюки. На хозяйке, совсем молодой еще женщине, тоже была новая цветастая рубаха, широкая домотканая юбка и передник.

После того как я умылся, хозяин предложил мне чаю. Разбудили меня в половине шестого. На столе уже все было приготовлено к завтраку, из пороге, опять с водой для умывания, стоял хозяин. Не спала вся семья.

- Зачем вы так рано поднялись? - спросил я у хозяина,

- А мы и не ложились, - усмехнулся он.

- Как не ложились? - удивился я.

- Другарю генерал, - ответил он, - да разве могли мы спать в эту ночь? Тогда бы нас поубивать надо, если бы мы заснули хотя на одну минуту. Разве мы не знаем, что сделала для нас русская армия? Она дважды освободила нас.

Он говорил волнуясь. Хозяйка одобрительно кивала головой. А ее муж продолжал:

- В эту ночь у нас в деревне остановились русские войска. Они у нас никогда еще не останавливались. А в нашем доме ночует русский генерал. Не у кого-нибудь, а у нас! Да разве мы можем спать?

Я крепко обнял болгарина и низко поклонился хозяйке.

...Несмотря на ранний час, провожала штаб вся деревня. Болгары махали нам платками и шапками и долго смотрели вслед колонне, пока она не скрылась за перевалом.

Прекрасная страна! Прекрасен и ее народ! Воспоминания о Болгарии я свято храню в своем сердце.

На румыно-болгарскую границу прибыл член Военного совета генерал Шабанов, чтобы еще раз пожелать корпусу счастливого пути.

Здесь я навсегда простился не только с гостеприимной страной, но и со славной боевой армией, в составе которой корпус находился два года.

* * *

Корпус переподчинялся новой армии, расположенной в Румынии. Ему было приказано временно дислоцироваться в Южной Добрудже. Отведенный район не удовлетворял меня. Безлесный и маловодный, с редкими, разбросанными на плоской голой равнине населенными пунктами, он никак не мог обеспечить нормальной жизни войск. Бич здешних мест - страшная жара и засуха. На многие километры - ни пруда, ни речушки. Колодцы в населенных пунктах глубокие, и вода в них с сильным привкусом соли.

До штаба новой армии было далеко, он находился за Дунаем, а обстоятельства требовали немедленного пересмотра решения. Гораздо ближе от нас, в Констанце, располагался штаб группы войск, поэтому я решил обратиться непосредственно к маршалу Толбухину.

Штаб группы войск помещался на площади в большом каменном доме с широкой во весь фасад лестницей.

- Здравствуйте, здравствуйте! - приветливо встретил меня Толбухин и пригласил присесть. - Давненько мы не виделись.

- Целый год, товарищ маршал.

- Да! Целый год!

Маршал стал расспрашивать меня о жизни в Болгарии, о переходе через Балканы, о новых условиях, в которых оказался корпус. Он был таким же чутким и обаятельным, как и раньше.

Я обо всем подробно доложил и попросил передвинуть корпус в лесистый район Северной Добруджи, поближе к Дунаю.

Толбухин согласился и пообещал позвонить командарму и дать ему соответствующие указания.

- Придется вновь строить лагеря, - сказал он. - Иначе жить негде. Палаток-то у вас нет?

- Нет, товарищ маршал.

- С лесом туговато будет, - предупредил он.

- Долго ли нам придется простоять в Добрудже? Не попросят ли передвинуться еще куда-либо? - спросил я.

- Трудно сказать, - пожал маршал плечами. - Зимовать тут вряд ли придется. Негде, да и нужды в том нет.

Взглянув на часы, Толбухин заторопился.

- Кстати, вы не обедали? Сейчас я распоряжусь, - сказал он.

Меня тронула эта заботливость.

Корпус передвинулся в Северную Добруджу, как я и просил. Все дивизии стали устраиваться в лесах, а штаб корпуса выдвинулся на южный берег Дуная, в Тульчу.

Через неделю после прибытия в Румынию Толбухин вызвал меня к себе.

- Как вы устроились на новом месте? - спросил он. Я доложил. Дивизии устроились вполне прилично, на опушках лесных массивов и неподалеку от родниковой воды.

- Места для лагерей выбрали?

- Выбрали и разбивку сделали. Боимся только трогать лес, ждем официального разрешения.

- Я уже звонил в Бухарест, просил, чтобы не обижали вас. Лес отпустят. Надо подождать немного. А лагеря стройте.

По дороге от Толбухина к себе я вспоминал встречи с ним год назад на Днестре, в период подготовки к Ясско-Кишиневской операции...

Тихие ночи в глубоком раздумье над оперативной картой и планом будущей операции, бурные дни в гуще войск на тактических занятиях, полигонах, рекогносцировках, оперативных играх с офицерами и генералами - таков был стиль работы командующего войсками фронта.

Оперативный план и войсковые массы, претворявшие план в жизнь, - вот два канала, по которым струилась творческая мысль и развертывалась практическая деятельность полководца. И

теперь, решая в штабе большие и малые вопросы, связанные с переходом от войны к миру, он выбирал время, чтобы побывать в войсках, разбросанных па большом пространстве, по всей Румынии и Болгарии. Неразрывная связь с широкими войсковыми массами была характерной чертой Ф. И. Толбухина. Он со всеми был прост, доступен каждому подчиненному, вникал во все детали жизни войск и помогал им советом и материальными средствами. Войска обожали своего командующего. Обожал его и я, как талантливого полководца и как душевного старшего товарища.

В Румынии мы стояли недолго. Надвинулась осень, а вместе с ней и новые задачи. Шло первое послевоенное укомплектование военно-учебных заведений. Туда направляли отличившихся в боях офицеров, а также опытных руководителей, имеющих теоретическую подготовку, боевой опыт и педагогическую практику. Таких людей и запросили у нас из соединений корпуса.

Больше месяца наши отделы кадров были заняты выполнением нарядов в военные академии, на курсы "Выстрел", в военные училища. Многих своих хороших боевых товарищей отправили мы на учебу.

Больше всею мне жаль было расставаться с командующим артиллерией. Полковника Муфеля, как старого, опытного начальника учебного отдела артиллерийского училища, отозвали в Москву, и никакие наши просьбы не помогли.

Провожали Бориса Николаевича все старшие офицеры штаба, артиллерийские и общевойсковые начальники.

Проводы состоялись 24 августа, когда румынский народ праздновал первую годовщину освобождения от гитлеризма.

Тульча разукрасилась флагами, лозунгами, цветами, пестрела нарядными платьями женщин. С наступлением темноты молодежь, подростки и взрослые пошли с факелами по улицам, пели, плясали, провозглашали здравицы в честь Советской Армии.

Под вечер мы с Муфелем проехались по праздничным улицам. Потом поднялись на крутой высокий холм. Здесь, на южном берегу дунайского гирла, была когда-то первоклассная турецкая крепость. Долго стояли на холме и вспоминали о пройденном боевом пути.

Свыше двух лет пробивались мы от кургана к кургану, от села к селу, от города к городу, от реки к реке, шагая нога в ногу, а теперь пришло время расстаться...

Вечером устроили прощальный ужин.

- Дорогие мои! Мы прожили вместе незабываемые и неповторимые в жизни годы, - сказал нам Муфель на прощанье. -

Всех нас спаяла боевая солдатская дружба, крепче которой нет ничего на свете. Пусть же эта дружба сохранится навсегда.

Разговор за столом становился все оживленнее. Вспоминали о прошлом, мечтали о будущем...

- Сегодня мы провожаем Бориса Николаевича, а кто-то будет следующий? произнес задумчиво Иван Семенович Зубов, наш новый корпусной инженер.

- Да, - сказал начальник автобронетанковых войск Прохоров, - война заканчивается и на Дальнем Востоке. Вчера в честь победы в Маньчжурии Москва салютовала дальневосточным фронтам. Скоро на отдых.

- Ну, насчет отдыха я не согласен, - возразил Варкалн.-Какой теперь отдых! Сколько ран нанесла война стране, сколько надо восстанавливать! А кому? Опять же нам! Так что, дорогой товарищ, теперь не до отдыха. Если в армии останемся - засучивай рукава, подытоживай опыт войны, двигай военное дело дальше и будь все время начеку; уволился в запас - опять засучивай рукава, восстанавливай разрушенное. Нет, время теперь не для отдыха!

- Споемте, друзья, - предложил Зубов.

- Споем!

Зазвучала знакомая мелодия:

Майскими короткими ночами,

Отгремев, закончились бои.

Где же вы теперь, друзья-однополчане,

Боевые спутники мои?

Пели вполголоса, раздумчиво - многое говорили слова этой песни нашему сердцу!..

3 сентября отпраздновали День Победы над Японией.

Шумно было в лесах Добруджи и на берегу Дуная. Митинги и песни, песни и музыка. Победа!

Война закончилась и на западе, и на востоке.

И еще через неделю, оставив недостроенные лагеря, соединения корпуса стали подтягиваться ближе к Дунаю. И снова, как год назад, люди и боевая техника грузились на баржи, которые буксирами тянулись по Дунаю из Тульчи в Измаил. Части возвращались в родные края.

И каждый, вступая на священную советскую землю, невольно сквозь слезы радости шептал про себя: "Здравствуй, любимая Родина!"

Впереди шагала гвардейская дивизия Матвеева, за ней - стрелковая Анциферова и гвардейская Чурмаева. В голове корпусной колонны маршировал лучший гвардейский полк полковника Василия Студеникина, замыкал колонну его соперник

- гвардейский полк подполковника Николая Кравченко.

Боевой путь корпуса закончился. Наступили мирные дни.

Примечания

{1} См. Курт Типпельскирх. История второй мировой войны. Издательство иностранной литературы, М., 1956, стр. 197.

{2} Курт Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 197.

{3} См. Мировая война. 1939-1945 годы. Сборник статей. Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 176.

{4} По более поздним данным немецко-фашистского командования, число окруженных достигало 100 тысяч человек. Вот что писал об этом впоследствии Курт Типпельскирх: "Крупные силы русских, которым 16-я армия почти ничего не могла противопоставить, проложили себе путь на юг западнее долины реки Ловать и вместе с силами, продвигавшимися из района города Холм на север, 8 февраля окружили шесть дивизий 2-го и 10-го армейских корпусов, образовав демянский котел. Около 100 тыс. человек, минимальная суточная потребность которых в продовольствии, боеприпасах и горючем составляла примерно 200 т, теперь оказались в окружении, и их в течение нескольких месяцев пришлось снабжать только по воздуху". ("История второй мировой войны", стр. 206)

{5} С 20 октября 1943 года Степной фронт был переименован во 2-й Украинский, а Юго-Западный - в 3-й Украинский.

{6} Траянов вал - древнеримское военное укрепление, когда-то состоявшее из земляного вала, рва и сторожевых башен, расположенных на валу. От укрепления остался только заросший травой земляной вал, который тянется почти на 100 километров с востока на запад от Киркаешты (10 км южнее Бендеры) до Леово (на восточном берегу р. Прут).